491.
5-924

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

Духовецкая	12.05.04

3 ТМО Т. 5000000 З. 1225—86

О

ВЛІЯНІИ

ХРИСТІАНСТВА

НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

О

ВЛІЯНІИ

ХРИСТІАНСТВА

НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ ЯЗЫКА

ПО ОСТРОМИРОВУ ЕВАНГЕЛІЮ,

написанный

НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА

Кандидатомъ Ѳ. Буслаевымъ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1848.

Московская областная
научная библиотека
им. Н. К. Крупской

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію Совѣта Московскаго Университета, Марта 31 дня 1848 года.

Секретарь Совѣта В. Спекторскій.

Ограниченное только древнѣйшимъ текстомъ славянскаго Евангелія, предлагаемое публикѣ сочиненіе не имѣетъ притязанія на окончательное рѣшеніе самаго важнаго въ исторіи славянскаго языка вопроса.

Палеографическая и собственно грамматическая части Остромирова текста должны были остаться внѣ предѣловъ сочиненія, по самой сущности его предмета, опредѣляемаго исключительно корнесловомъ и изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ приставокъ и образующихъ окончаній. Вліяніе греческаго словосочиненія на славянское есть уже не прямое вліяніе Христіанства на языкъ, и можетъ быть опредѣлено только сличеніемъ Остромирова текста со всѣми древнѣйшими переводами и сочиненіями оригинальными.

Въ самомъ лексикологическомъ запасѣ славянскаго Евангелія многое остается не рѣшенымъ до тѣхъ

доръ, пока не приведется въ ясность корнесловъ прочихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Избравъ древнѣйшій текстъ славянскаго перевода Св. Писанія, авторъ имѣлъ въ виду первоначальный способъ начертанія словъ, дающій историческому изслѣдованію твердую опору.

Для того, чтобы опредѣлить степень вліянія Христіянства на славянскій языкъ слѣдовало сначала разсмотрѣть оный внѣ Христіянства, показавъ въ немъ слѣды язычества, и потомъ уже обозначить, что внесено въ него Христіянствомъ. Такимъ образомъ древнѣйшая исторія языка раздѣлилась на два періода: миѳологическій и Христіянскій.

Ограниченный объемъ матеріала не позволялъ дать изслѣдованію надлежащей системы, недостатокъ которой старался авторъ восполнить единствомъ воззрѣнія.

II.

ПЕРІОДЪ
МИѲОЛОГИЧЕСКІЙ.

По мѣрѣ развитія образованности и сближенія съ чуждыми народами, теряется сознательное употребленіе роднаго языка. Лѣтописцы, составители грамотъ и другіе старинные писатели были чувствительнѣе цасъ къ значенію словъ, свободнѣе ими пользовались и были смѣлѣе въ словопроизводствѣ. Мы даемъ слову свое собственное значеніе, соотвѣтственное степени нашего умственнаго образованія: наши предки, еще не утративъ въ своемъ сознаніи первоначальнаго впечатлѣнія, словомъ выражаемаго, не могли на слово налагать чуждое ему значеніе, и примѣняли свою мысль къ основному корню слова, естественно развивая такимъ образомъ его смыслъ. Привычка обращаться только къ извѣстнымъ, литературою усвоеннымъ выраженіямъ, заключаетъ насъ со всѣмъ богатствомъ современнаго мышленія въ

тѣсномъ кругу, изъ котораго иногда извлекаетъ только высокое дарованіе писателя, воспитаннаго воззрѣніями и смысломъ роднаго языка: ибо языкъ пока живетъ въ народѣ, никогда не утратитъ своей животворной силы; и всякое замѣчательное въ литературѣ явленіе есть какъ бы новая попытка творчества въ языкѣ, есть возрожденіе той же самой силы, которая первоначально двинула языкъ къ образованію. Потому-то писатели классическіе бываютъ создателями новыхъ словъ и оборотовъ, которые однако всѣмъ понятны: они намъ нравятся не потому, что они новы, а потому что мы ради найти въ насъ самихъ, въ родномъ языкѣ, столь для насъ извѣстномъ — незамѣченное нами. Такимъ образомъ всякое геніальное нововведеніе въ языкѣ скорѣе можно назвать находкою утраченнаго, нежели пріобрѣтеніемъ новаго: и наша радость въ этомъ случаѣ объясняется временнымъ пробужденіемъ въ насъ сознанія къ творческой силѣ нашего собственнаго слова.

Напрасно стали бы мы въ исторіи языка искать того древнѣйшаго періода, когда человѣкъ вполнѣ сознавалъ свое слово: въ старину онъ только менѣе отдѣлялъ отъ него свою мысль. Потому слово, какъ вѣрное выраженіе преданій и обрядовъ, событій и предметовъ, понималось въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что выражаетъ: названіемъ запечатлѣвалось вѣрованіе или событіе, и изъ названія вновь возникали сказаніе или миѳъ; изобразительнымъ воз-

зрѣніемъ слово живописало страсти и духовныя способности человѣка, и своей изобразительностью порождало вѣру въ вещественное явленіе духовнаго. Затерянное въ отдаленныхъ вѣкахъ вѣрованіе удерживало свое бытіе въ сохранившемся названіи, намекавшемъ на утраченное. Простосердечное мышленіе не понимало въ языкѣ суетной прикрасы, и изобразительность языка, въ древнѣйшемъ его періодѣ, казалась естественнымъ, прямымъ выраженіемъ мысли: ибо мысль не могла еще во всей отвлеченности отрѣшиться отъ тѣхъ жизненныхъ образовъ, отъ тѣхъ вѣрованій и наивныхъ убѣжденій, которыя собственно выражались словомъ. Этотъ древнѣйшій періодъ языка, по внутреннему значенію, можно назвать миѳологическимъ, по способу же воззрѣнія — эпическимъ. Не смотря на свободу, съ какой въ старину пользовались языкомъ, нельзя не замѣтить эпической обрядности въ повтореніи извѣстныхъ обычныхъ выраженій: сказанное однажды о какомъ либо предметѣ казалось столь удачнымъ, что уже не нужно было видоизмѣнять оное. Это свойство древнѣйшаго языка было существеннымъ основаніемъ, почему языкъ становился вѣрнымъ орудіемъ преданія. Каждое слово, возбуждая живое впечатлѣніе, имъ выражаемое, останавливало на себѣ вниманіе; точно такъ, какъ эпическій поэтъ до малѣйшей подробности любитъ описывать каждый встрѣчающійся ему предметъ: и какъ свободная мысль эпическаго поэта какъ бы невольно увлекается созерцаніемъ разнообразія видимой природы; такъ и

языкъ сковывалъ развитіе мысли, поглощая ея отвлеченность изобразительнымъ впечатлѣніемъ, выражаемымъ въ словѣ.

Богатыя уподобленія и блестящія картины, столь свойственныя эпическому воодушевленію, живутъ той же творческой силой и въ древнѣйшемъ языкѣ, въ отдѣльныхъ реченіяхъ: и неудивляютъ говорящаго своей мѣткой изобразительностью, подобно тому какъ все истинно прекрасное въ природѣ чуждо изысканности, и плѣняетъ другихъ, въ своей простотѣ не разумѣя само, какъ оно прекрасно. Наконецъ языкъ, въ древнѣйшемъ періодѣ своего образованія, уже и потому является неразлучнымъ спутникомъ народной эпической поэзіи, что вмѣстѣ съ ней является сокровищницею вѣрованій и преданій, имъ запечатлѣнныхъ въ памяти народа.

Въ эпическихъ формахъ, даже и доселѣ удержанныхъ народною рѣчью, открываются слѣды глубокой древности. Слово, какъ звукъ, выражающій движенія потрясенной души, тронутой внечатлѣніемъ внѣшнимъ въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, означаетъ предметы по тѣмъ свойствамъ, какія ярче бросаются въ глаза и затрогиваютъ воображеніе. Ежедневное употребленіе въ послѣдствіи возводитъ впечатлѣніе до общаго понятія: но сила начальнаго впечатлѣнія возникаетъ вновь и остается на память народу въ постоянномъ эпитетѣ, который какъ бы подновляетъ употребленіемъ сглаженную съ слова

краску, придавая ему свѣжесть перваго впечатлѣнія. Родство происхожденія постояннаго эпитета и названія предмета убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ послѣдствіи изъ первоначальнаго впечатлѣнія и постояннаго эпитета развивается цѣлое повѣріе. Для исторіи языка весьма важно обратить вниманіе на такой переходъ слова отъ значенія просто наглядnаго къ миѳологическому, глубоко коренящемуся въ нравахъ и обычаяхъ народа. Впечатлѣніе, производимое цвѣтомъ предмета, есть самое естественное: и эпитеты, означающіе сіянье, блескъ, стоятъ въ ближайшей связи съ поклоненіемъ огню и свѣту небесному. Преимущественно замѣчательны въ исторіи языка эпитеты сербской народной поэзіи, столь обильной эпическимъ воодушевленіемъ; начнемъ ими. Такъ золото называется сухое, серебро бѣлое: од суха злата, од сухога злата, од бијела сребра: говорится также и: чисто сребро, какъ у насъ.

Сухое золото, Сначала объяснимъ значеніе слова золото, въ О. Е. злато, Нашъ звукъ з соотвѣтствуетъ въ Санскритѣ звуку ŗ, который, какъ и у Славянъ, переходитъ въ знд. з; скр. агам, знд. азѐм, азъ; скр. вагати, знд. вазаити, везетъ; скр. гима, знд. зîâо, зима; скр, гâм (гô), знд. зâо, зѐм, винит. занм, земля. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ г, измѣненный какъ у насъ, такъ и въ знд. въ з.—Касательно втораго звука, именно л, тоже должно замѣтить, что ему соотвѣтствуетъ р, и притомъ слово съ звукомъ р первобытнѣе: такъ знд.

гара (гор-ло) ближе къ основному корню, нежели скр. гала, ибо происходитъ отъ скр. грû (гл-отать), хотя есть и другой глаголъ гал (тоже глотать), но уже образованный смягченіемъ перваго: у насъ и горло, жерло и глотка: равно какъ и въ лат. gula и gurges. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ р, вм. л. — Въ знд. зара ближайшая форма къ нашему зла-то, и какъ образуется это слово у насъ съ суф.-то, такъ въ знд. съ суф.-ня: зара-ня: слич. скр. гира-ня: а оба эти суфф. равнозначительны, что видно изъ словъ: выши-на и высо-та, глуби-на, и глубо-та, скр. джûви-та живо-тъ и джûв-ана, чеш. živ-ena. Можетъ быть злато въ его знд. формѣ: зара, въ славянскомъ языкѣ сроднилось съ словами: заря свѣтъ и зрѣти не только видѣть, но и свѣтить, откуда срб. зрак, зрака солнечный лучь. Но въ отношеніи къ аналогіи съ другими языками весьма важно указать на древнѣйшую скр. форму: гаура flavus, съ звукомъ г, соотвѣтствующимъ нашему з: и какъ въ нѣм. нарѣчіяхъ мы замѣчаемъ слѣдующій переходъ понятій: gelb, срд. нѣм. gilwe (flavor), galle (bilis), гот. gulþ, скан. gull золото: такъ и скр. гаура, лит. geltas, geltònas (flavus) переходитъ въ жолчь, въ О. Е. злъчь, зълъчь (слѣд. желтый, чеш. žluty′ = златый) и въ злато: сродство понятій о цвѣтѣ и золотѣ еще не утратилось во времена Нестора, сохранившись въ обычномъ эпическомъ выраженіи языческой клятвы: „да будемъ золоти яко золото“ Лавр. 31. Теперь обратимся къ срб. эпитету: сухо злато. Нынѣшнее зна-

ченіе словъ: сухой, сушить, никоимъ образомъ не объясняетъ этого эпитета. Золото по своему значенію предполагаетъ при себѣ эпитеты: свѣтлый, горящій, красный, желтый. Такъ въ нѣм. нарѣчіяхъ эпитетъ золоту: красное: въ Эддѣ gull raut, въ Nibelung. geben rotez golt, въ нашей народной поэзіи также: красно золото. Даже въ Санскритѣ корень çуш значитъ только arescere, siccari: но, утраченное въ глаголѣ, первобытное, миѳологическое значеніе сохранилось намъ въ скр. производномъ: çушма (-ма суф., корень çуш) въ смыслѣ sol, ignis, lumen, splendor, vis, robur. Слѣд. сухой, въ его миѳологическомъ, древнѣйшемъ значеніи силы огня и солнца, какъ нельзя лучше могло быть эпитетомъ злату: чему соотвѣтствуетъ другой эпитетъ въ срб. пѣснях: чистим сребром и *жеженим* златом, Вук. 2. 217. Если это былъ исконный эпитетъ злату у Славянъ, то онъ былъ и у насъ: и вѣроятно этимъ эпитетомъ объясняется клятва: да будемъ золоти, т. е. изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня.

Бѣлое серебро. Въ Санскритѣ и этотъ эпитетъ и самый предметъ выражаются однимъ словомъ: раджата, откуда лат. argentum, гр. ἄργυρος, подобно Санскриту раздѣляющее свое значеніе и для предмета, и для эпитета: ἀργός свѣтлый, ясный, бѣлый. Славяне выразили свое сознаніе о первоначальномъ воззрѣніи эпитетомъ: бѣлый. Какъ быстрый, у Сербовъ: бистар значитъ klar, limpidus, и бистрина klarheit, limpitudo, такъ и у Гомера κύνες ἀργοί не только бѣлыя

собаки, но быстрыя: ибо съ понятіемъ о свѣтѣ соединяется представленіе о быстромъ впечатлѣніи, мгновенно поражающемъ зрѣніе. *) — Касательно производства слова серебро, въ О. Е. сребро; лит. sidábras; лтш. ssudrabs, др. пр. sirablan (въ косв. пад.), гот. silubr — мнѣнія различны: Юнгманъ, слѣдуя Потту, сближаетъ его съ скр. çуб'ра splendidus; albus; отъ çуб' splendere; Миклошичъ, слѣдуя Бенфею, разлагаетъ его на два слова: скр. çвêта бѣлый и аб'рас золото. Оба мнѣнія сходятся покрайней мѣрѣ въ томъ, что понятіе о бѣлизнѣ заключается въ смыслѣ слова серебро. Производство Потта менѣе натянуто. **)

Понятіе о свѣтѣ заключается въ древнѣйшемъ славянскомъ наименованіи драгоцѣннаго камня: въ О. Е. бисьръ μαργαρίτης. Добровскій замѣчаетъ объ этомъ словѣ только: peregrina vox est. ***) Но самостоятельное употребленіе его въ языкѣ Св. Писанія свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ его существованіи у Славянъ: у Ул. ему соотвѣтствуетъ грецизмъ: markreitus. Наше бисеръ употреблялось въ Санкритѣ въ формѣ прилагательнаго б'âçура lucidus, splendidus, б'âçвара luminosus, отъ глаг. б'âç, или съ краткимъ a:

---

*) Другое объясненіе см. въ Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr. herausg. v. Höfer, 1847, 1, 99.

**) Etym. forsch. 2, 414.

***) inst. l. sl. 295.

бас lucere, splendere; слѣд. скр. эпитетъ сохранился у насъ въ названіи предмета. Потому-то понятіе о свѣтѣ и сіяніи постоянно соединяютъ наши старинные писатели съ словомъ бисеръ: „въ невѣрныхъ человѣцѣхъ *свѣтящеся* аки бисеръ *) въ калѣ“, говоритъ Несторъ объ Ольгѣ, Лавр. 29. — Въ одной миѳологической сербской пѣснѣ (Вук. Ст. Кар. 1, № 226) Вила строитъ: „једна врата сва од злата, „друга врата од бисера.“ Въ Словарѣ 1282 бисеръ причтенъ къ словамъ жидовскимъ, т. е. иностраннымъ, съ объясненіемъ: камень честьнъ, Кал. I. Е. Б. 194.

Въ названіяхъ миѳологическихъ эпитетъ достигаетъ высшаго значенія. Понятіе о свѣтѣ глубоко лежитъ въ названіи Русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа. Хотя онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ начальною ихъ стихіею. Рѣчное названіе Руса, откуда Русалка черезъ форму рус-ло, ведетъ свое происхожденіе отъ слова: русый, распространившагося не только на сѣверъ, гдѣ находимъ фин. rus **) красный, рыжій, но и на югъ, такъ что у сербовъ руса постоянный эпитетъ головы: „и русу му осијече главу.“

---

*) Рейфъ, не взявъ въ расчетъ древняго и слѣдовательно настоящаго значенія слова бисеръ, объясняетъ его по теперешнему значенію арабскимъ: bouser, bousra—grain de verre.

**) Бутковъ ограничиваетъ названіе Русы финскимъ происхожденіемъ, см. о Финск. слов. въ V части Труд. Рос. Ак. 1842.

Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: na potoku Rusawě, но и въ келт. rus, ros озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка санскритскаго, именно въ языкѣ Ведъ, находимъ руṣат rutilans, глаголъ же руṣ остался и въ послѣдствіи, но только въ значеніи ferire, occidere, съ перемѣною же небнаго ṣ въ ч, перешелъ въ руч lucere, splendere.—Сначала покажемъ связь огня съ водою въ языкѣ, и потомъ въ повѣріяхъ.

а) По скр. пâт'а вода, пâт'ис море, (гр. πόταμος, πόντος;) и вмѣстѣ огонь, солнце: первое значеніе обыкновенно производятъ отъ пâ пить, а второе отъ пâ servare, sustentare. Въ др. нѣм. названія источниковъ также стоятъ въ связи съ огнемъ: prunno отъ prinnan ardere, sôt отъ siodan fervere; точно такъ, какъ др. нѣм. velle fluctus относится къ vallan fervere, и sual subfrigidus къ suëlan ardere: такъ и скр. вâри вода къ нашимъ варъ (вообще жаръ), варити, врѣти; и чух. wari aestas: такъ что время точно также происходитъ отъ врѣти, и означаетъ сначала жаркое время года и потомъ вообще время, какъ лат. tempus отъ скр. тап, откуда наше топ-ить, лат. tep-eo. У Индійцевъ время происходитъ отъ дождя: скр. варша дождь и абда дающій дождь (т. е. облако), собственно дождливое время года, а потомъ и время или годъ вообще. У Нѣмцевъ время и годъ происходятъ отъ холода: изъ слѣдующихъ сличеній увидимъ, что Нѣмцы жили въ климатѣ болѣе холодномъ, нежели Славяне. Зима въ О. Е. не только χειμών, но и ψύχος, Іоан. 18, 18 яко

2326174

зима бѣ ὅτι ψύχος ἦν, у Ул. kalds, т. е. холодъ. Ясные слѣды находимъ мы, что зима значитъ у насъ не только холодъ, но даже и сѣверъ, на пр. въ Юрид. Акт. а у сосны верхъ кривъ взиму, 168, или еще яснѣе: Кѣргоозерце полуденная сторона къ Липнику, а зимная сторона къ Шубачу, 163. По-литовски žjemys — сѣверный вѣтеръ; въ чис. нарѣчіи зима также значитъ холодъ, что видно изъ Чеш. отр. X в: zima bese, въ томъ же вышеозначенномъ мѣстѣ Евангелія. Для χειμών же Ул. употребляетъ собственно vintrus, которое значитъ у него и вообще годъ, въ исчисленіи времени, ἔτος; точно также и въ скн. языкѣ годы считаются зимами, уже въ Эддѣ: þau bioggo siau vetr, они жили семь зимъ, т. е. годовъ. *) Напротивъ того въ О. Е. годы считаются уже лѣтами: дъвѣнадесате лѣтъ имѧщи, у Ул. же vintruns duatgaggandei, Мат. 9. 20.

б) Преданія и вѣрованія, подобно языку, сближаютъ воду съ огнемъ. По нѣмецкому вѣрованію Ostara, Eástre была божествомъ свѣтлаго утра и восхода солнечнаго, а со введеніемъ Христіанства перешла въ значеніе Пасхи (хотя у Ул. еще только paska); ибо, по преданію, въ первый день Пасхи по утру солнце *скачетъ въ три прыжка*, и играетъ и пляшетъ. Это преданіе было и у Славянъ, что видно изъ эпическихъ формъ Краледв. ркпси: slunce postúpi *wterým krokem* „*i krokem třetiem* nad wršiny lesné“ (Čestm. a Wlasl.); у Лужичанъ это преданіе о

*) Grimm, Lied. d. alt. Edda. 2.

Центральное ... Московск. Обл. Библиотеки

солнцѣ осталось и доселѣ. На рунич. надписяхъ *) находимъ форму austr, сходную съ скн. austr—поднимающаяся вверхъ вода, на пр. на кораблѣ, отъ глагола ausa поднимать, ösa въ томъ же значеніи, но преимущественно о водѣ. Для сближенія этого слова съ обрядомъ любопытно скн. языческое выраженіе: at ausa vatni, т. е. облить водою, кѣему соотвѣтствуетъ Христіанское: at skira — очистить: по языческому скн. обряду новорожденныхъ дѣтей орошали и освящали водой. У Лужичанъ и доселѣ спрыскиваютъ и поливаютъ скотину на Пасху. Проповѣдники Слова Божьяго, примѣняясь къ древнимъ обычаямъ, крестили около Пасхи; а вода воскресенская, по нѣмецкому и славянскому (у Лужичанъ) суевѣрію, молодитъ и краситъ лицо, такъ какъ у насъ вода съ перваго вешняго грома. Согласно съ этимъ повѣрьемъ находимъ въ Густ. лѣт. XVII в. не только: „поливаня водою на великъ день“, но и подробное описаніе языческаго обряда на Пасху: „отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: въ день пресвѣтлаго Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметаютъ человѣка въ воду..... по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою обливаютъ, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяютъ.“ Ипат. въ прибавл. 257. Нѣмецкую Остару Лужичане осмыслили себѣ словомъ,

*) Dieterich, Runen-Wörterb. Stockholm, 1844, стр. 229.

намекающимъ на утро, для означенія Пасхи, а именно: jutry, witry, jatřy, jatschy, watschy и даже jastry, что всего ближе къ нѣмецкому. Конечно *утренняя пляска* солнца могла бы какъ не льзя лучше согласоваться съ понятіемъ объ утрѣ, но jutřo, утро во множ. jutřa, а не jutřy. Самое множественное число въ луж. названіи Пасхи согласуется съ множ. нѣм. ôstarûn; вышедшее изъ употребленія нижн. луж. названіе мѣсяца Апрѣля jatschman есть др. нѣм. и др. сакс. ôstar-mânôth, eáster-mônadh, получившее происхожденіе отъ Остары *), о чемъ свидѣтельствуетъ и Беда (de temp. ratione 13) слѣдующими словами: „eostur-mônâth, qui nunc paschalis mensis interpretatur, quondam a dea illorum, quae Eostra vocabatur et cui in illo festa celebrabant, nomen habuit, a cujus nomine nunc paschale tempus cognominant, consueto antiquae observationis vocabulo gaudia novae solemnitatis vocantes.“ Подобное же поклоненіе свѣту и огню, соединенное съ поклоненіемъ водѣ, находимъ и въ обрядѣ Весталъ: что особенно важно потому, что нѣкоторые сличаютъ нѣмецкую Остару съ лат. Вестою **). Служеніе Весталъ состояло между прочимъ въ почерпаніи очистительной воды въ священные сосуды; и anclare почерпать есть вѣроятно сокращенная форма глагола anculare ***), отъ коего Фестъ производитъ

---

*) v. d. Hagen, Neues Iahrb. d. Berlin. Gesellsch. f. deutsch. Spr. u. Alterth. 1846, стр. 132.

**) Id. 1844, стр. 244—250.

***) Pfund, Altitalische Rechtsalterth. 1847, 2.

слово ancilla: „ancillae— sic appellantur quod antiqui anculare dicebant pro ministrare.“ Отъ глагола anclare произошло anclabris, такъ объясняемое Фестомъ: „anclabris ea (т. е. mensa), quæ in sacrificando diis anclatur, quod est hauritur ministraturque.“ Здѣсь кстати замѣтимъ, что лат. anclabris соотвѣтствуетъ нашему точило, коимъ въ словарѣ 1282 г. объясняется алтарь, Кал. I. Е. Б. 194; въ О. Е. оно употребляется только въ смыслѣ ὑπολήνιον, Мат. 21, 33. Ул. своимъ переводомъ этого слова, Мр. 12, 1, объясняетъ связь того и другаго значенія нашего точило; именно: dal uf mesa, слово въ слово: углубленіе, яма въ столѣ или доскѣ.

Итакъ ни языкъ, ни повѣрія не препятствуютъ признать въ нашей русалкѣ значеніе не только существа, живущаго въ водѣ, но и свѣтлаго, яснаго: не одна *быстрота* (и въ смыслѣ сербск. наръчія) воды допускала такое сближеніе, но и самое поклоненіе этой стихіи. Даже, судя по Санскриту, можно допустить, что понятіе о свѣтѣ было первоначальнымъ.

Соотвѣтственное Русалкѣ божество, Вила сопровождается постояннымъ эпитетомъ, означающимъ свѣтъ, красоту, бѣлизну: бјела вила, въ Серб. пѣсн.; ибо бѣлый значитъ первоначально и прекрасный, ясный, свѣтлый: у Славянъ и доселѣ сохранилось это значеніе. Какъ важенъ при имени этой богини эпитетъ, свидѣтельствуютъ Словаки, которые ее называютъ только по эпитету: bjle panj. Слич. крн. węl бѣлъ, wélina, welûst—бѣлизна.—Въ старину вѣроят-

но далѣе было распространено между славянскими племенами вѣрованіе въ Вилъ. Въ одной болгарской сказкѣ, ркпсь XIV в., греческія богини названы: вилы пророчицѫ, Вост. Оп. Рум. Муз. 387. Онѣ были и у насъ, чему свидѣтельствомъ служитъ Слово нѣкоего Христолюбца 1525 г.: »вѣрующе—въ вилы ихже чісломъ тридевять сестреніцъ», ibid 228. — Какъ Русалка, живя въ водѣ, любитъ выходить и на сушу, и, сидя на деревѣ, расчесываетъ свои длинныя косы; такъ и Вилы, хотя живутъ на горахъ, но *около воды*. Какъ Русалки, такъ и Вилы почитаются душами усопшихъ младенцевъ: это вѣрованіе роднитъ Вилу съ лит. wélės души умершихъ, и съ латыш. wels первоначально богъ усопшихъ, а въ послѣдствіи чортъ, равно какъ и лит. wélnas. Сличая вилу съ лит. и латыш. формами, мы должны остановиться вопервыхъ на измѣненіи *и* въ *е*, и вовторыхъ на приставномъ звукѣ *s*. Уже Шафарикъ *), сблизивъ вилу съ скн. völa, допускаетъ измѣненіе звука і въ ö: а надобно замѣтить, что скн. völa колдунья, въ отношеніи гласной предполагаетъ древнѣйшую форму vala, которая дѣйствительно и употребляется, и въ томъ же значеніи **); слич. у Славянъ: vilenik чернокнижникъ, колдунъ, vilenisctuo— чернокнижіе, vilensztvo— колдовство; въ отношеніи же окончанія замѣчательна болѣе полная форма: скн. vôlva тоже колдунья, но

*) Slow. Starož. 51.

**) Fr. Dietrich, altnord. Leseb. 282.

первоначально миѳологическое существо, о коемъ говоритъ одна изъ древнѣйшихъ пѣсень Эдды, именно Völuspâ. Слѣдовательно изъ сличенія нашей вилы съ лит. и нѣм. формами выводится древнѣйшій видъ этого слова: валес, валс, велс, валв, велв. Конечные звуки *с*, *в*, утративъ значеніе, становятся придыханіями, равно какъ *х*, *г*: потому скн. völva колдунья есть женская форма фин-го völho, velho колдунъ: и какъ скн. völva ходитъ и въ сжатой формѣ: völa, такъ и фин. völho измѣняется въ völlo. По свойству славянскаго языка гласный звукъ передъ плавнымъ переходитъ по другую сторону плавнаго, напр. helm шлемъ: потому völva, völho является въ О. Е. въ древ. слав. формѣ влъхвъ, т. е. влўхвъ или влŏхвъ, влăхвъ; а русскій языкъ ставитъ гласный звукъ и передъ плавнымъ и послѣ, напр. шеломъ: слѣдовательно волхвъ или волховъ *), и особенно у Нестора: волъсви, Лавр. 16, собственно русская форма. Въ отношеніи окончанія

*) Бутковъ Волховъ производитъ отъ финскаго wuollas стремительный потокъ, о Фин. слов. Но это слово есть общее достояніе европейскихъ народовъ: уже въ древнихъ агс. законахъ vyllas—ручьи причисляются къ предметамъ языческаго поклоненія. Вообще производство слав. словъ изъ фин. языка требуетъ большой осторожности: Бутковъ паше древн. серепъ производитъ отъ фин. sieraun, siereyn — земля, покрытая зимою твердою корою. Но въ Ипат. стр. 185 читаемъ: »падшу снѣгу и серену». Какимъ же образомъ можетъ падать съ неба мерзлая земля? Еще Памва Берында толкуетъ: »Слана: *серéнь*— роса змерзлая, слотá. слань: слотá.»

это слово весьма важно для исторіи славянскихъ звуковъ: ибо не только производныя слова, на пр. въ Вологодской губерніи волхать—колдунъ, въ Малороссіи волшити хитрить, но и въ народныхъ пѣсняхъ извѣстное собственное имя Волхъ—показываютъ, что конечнымъ звукомъ *в* замѣняется утраченный гласный заключительный звукъ: слѣдовательно древнѣйшая форма могла быть: влъху, влъхо, влъхѣ: что будетъ совершенно согласно съ формами: völho, völva. — Какъ жрецъ, жертва, пол. żarzyzna произошли отъ поклоненія огню, будучи произведены отъ жрѣти, горѣти, лит. gáras дымъ: такъ и волхвъ, влъхъ, völho, согласно съ вѣрованіемъ въ высшую свѣтящую силу солнца, является въ первоначальной формѣ въ скр. глаголѣ: валг свѣтить, блистать. Слѣдовательно волхвъ есть не только синонимъ жрецу но и его древнѣйшее индоевропейское именованіе, жрецъ же есть уже позднѣйшая, въ языкѣ славянскомъ созданная форма; волхвъ носитъ въ себѣ память о поклоненіи свѣту, жрецъ прямо указываетъ на жертву и огонь. Слѣдовательно въ древнѣйшемъ образованіи слова волхвъ заключается причина тому, что это слово въ послѣдствіи потеряло свой опредѣленный смыслъ, смѣшавъ понятіе о жрецѣ съ понятіемъ о божествѣ и существѣ сверхъестественномъ, что видно изъ скн. völva и нашего Волха Всеславича. Такъ какъ въ племени чудскомъ сохранилось въ болѣе чистой формѣ это слово, то въ немъ же нужно указать и оправданіе нашему производству: у Мадъяровъ или Уральской Чуди дѣйствительно на-

ходимъ скр. глаголъ валг въ существительныхъ: világ сіяніе, свѣтъ, и villám молнія.—Кромѣ понятія о свѣтѣ, скр. валг, по закону являющееся въ формахъ: балг и барг, значитъ ferire, occidere, точно такъ какъ и руç означаетъ и то, и другое. Слѣдовательно въ самомъ Санскритѣ находимъ оправданіе родству Вилъ и Русалокъ: и сербская Вила, согласно съ своимъ производствомъ, обыкновенно *стрѣляетъ* по врагамъ своимъ въ руку, въ ногу, или въ сердце. Эпическое представленіе оружія также сближаетъ понятія о пораженіи съ понятіемъ о свѣтѣ, какъ въ нѣм. преданіяхъ, такъ и нашихъ. У Славянъ стрѣла значитъ и sagitta и лучь, что видно изъ glos. Mat. verb: strel se virsene (стрѣлъ же верженіе) radiorum autem ictus; равно какъ и у Нѣмцевъ strâl radius, муж. род., а др. нѣм. strâla жен. рода—наша стрѣла, впрочемъ въ arc. stroel хотя и муж. род., но въ значеніи стрѣлы. Согласно съ представленіями въ языкѣ, преданія говорятъ о свѣтѣ, выступающемъ на концѣ оружія: въ пѣсняхъ Эдды находимъ эпическое выраженіе: *на копьяхъ лучи стоятъ* *); въ другихъ мѣстахъ говорится яснѣе: „это зовется огонь, но онъ долго (lengi, высоко?) трепещетъ на остреѣ копья"; или: „смертное пламя (hraelog) горитъ на копьяхъ". Оддо такъ ослѣпилъ Норвежцевъ въ одномъ сраженіи, что въ суевѣріи видѣли, какъ пламя стремится изъ мечей вражескихъ. Слич. Tacit. ann. XV,

---

*) Brüd. Grimm, Lieder d. alt. Edda, 1815, стр. 64—66.

7 pila militum arsere, XII, 64 signa militum arsere. Вѣроятно тоже представленіе лежитъ въ основаніи темнаго въ Сл. о П. И. выраженія: „смагу мычючи въ пламянѣ розѣ.“ Не стоитъ ли въ связи съ словомъ рогъ—рожанецъ?—въ Ипат. 186 читаемъ: „срѣлцемъ же обаполъ идущимъ, и держащимъ въ рукахъ рожанци своѣ, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ.“

Примѣч. Для полноты сближенія эпическихъ представленій нѣмецкихъ съ нашими, укажемъ на другое свойство оружія: оно поетъ. Въ древней скн. клятвѣ говорится: да не *кусаетъ* мечь, тобою обнаженный, хотя бы и *пълъ* онъ у твоей головы, Völsunga. Скандинавская поэзія богата подобными выраженіями: мечь кусаетъ и звенитъ о ихъ черепы, saga Hrolfs konûngs Kraka; топоръ *высоко запълъ*, отрубивъ ему голову, saga Ketils Haengs *). Этими эпическими формами объясняется темное мѣсто въ Сл. о. П. И. „копіа поютъ на Дунаи.“ Подобно оружію, и знамена одарены тою же человѣческою способностью: въ Сл. о П. И: „стязи глаголютъ;“ Вольфрамъ въ Парц. говоритъ: ein Trühendingaer pfanne mit krapfen selten dâ erschrei, слич. также Helmbrecht 1398: sö schriet mir mîn pfanne.“ Вообще взгляды нѣмца и славянина на оружіе и воинскіе доспѣхи во многомъ сходятся: такъ въ Сл. о П. И. щиты червленные, въ нѣмецкихъ памятникахъ эпитетъ щи-

*) Philologus, изд. Schneidewin. 1846, № 2, стр. 340—343.

ту: красный *). Выраженіе въ С. о П. И. „конець копія въскръмлени“ — согласуется съ представленіемъ въ Эддѣ: „копьями кормилъ гадовъ змѣиныхъ“, т. е. трупами падшихъ отъ копій. Заимствованія одного народа отъ другаго здѣсь никакъ не льзя предположить: воображеніе и одинаковый взглядъ на вещи— источникъ этимъ представленіямъ. Какъ естественно, на пр., преданіе о слѣпомъ Вермундѣ, отличающемъ свой мечь по звуку. Уже у Гомера, какъ и въ нашихъ пѣсняхъ, поетъ тетива, спѣла тетивка, Од. 21, 411:

δεξιτερῇ δ'ἄρα χειρὶ λαβὼν πειρήσατο νευρῆς.
ἡ δ'ὑπὸ καλὸν ἄεισε, χελιδόνι εἰκέλη αὐδήν.

Согласіе эпическихъ представленій въ языкѣ съ эпическими формами народной поэзіи опредѣляетъ древнѣйшую эпоху образованія и исторіи языка.

Дальнѣйшее развитіе того же воззрѣнія, которое лежитъ въ основѣ вѣрованій въ Русалку и Вилу; находимъ въ нѣмецкихъ преданіяхъ объ Эльфахъ и Валькиріяхъ. Вотъ главнѣйшія черты, опредѣляющія родство славянскихъ повѣрій съ нѣмецкими:

а) Какъ Вилы и Русалки почитаются душами некрещеныхъ младенцевъ, такъ и Эльфы **) не только души умершихъ — потому-то они и пляшутъ на кладбищѣ и празднуютъ смерть человѣка—, но и падшіе съ неба ангелы, однако не погибшіе въ аду, а въ печали и мукѣ ожи-

*) Grimm. D. R. A. 35, 74.
**) Irische Elfenmärch., von d. Brüd. Grimm, 1826.

дающіе рѣшенія своей участи: подобно тому, какъ страдаетъ душа некрещенаго младенца, по нашимъ преданіямъ, и летаетъ безпріютная, прося крещенія. Самая внѣшность Эльфа согласуется съ нашимъ преданіемъ о младенцахъ: въ настоящемъ своемъ видѣ онъ является прекраснымъ дитятею. Какъ съ одной стороны существа водныя олицетворяютъ души некрещеныхъ младенцевъ, такъ съ другой стороны огонь, а именно блудящій, есть тоже душа умершаго безъ крещенія младенца, на пр. у Лужичанъ.

б) Эдда различаетъ два рода Эльфовъ: *бѣлые* Эльфы, или Эльфы свѣта, и *черные*, или Эльфы тьмы. Не только эпитетъ Вилы, но и самое названіе ея, равно какъ и Русалки, указываютъ на то, что наши миѳологическія существа относятся къ первому разряду, какъ древнѣйшему: ибо низверженіе божества во тьму относится уже къ тому времени, когда Христіанство оказало вліяніе на древнѣйшія народныя вѣрованія: потому-то бѣсъ, первоначально существо свѣтлое, отъ скр. бʻас свѣтить, въ вѣрованія Христіянскомъ перешелъ въ духа тьмы. *) Точно такъ и Дивъ первоначально божество, что видно изъ слѣдующей

---

*) Согласно съ представленіемъ въ языкѣ, Христіянскіе живописцы, по древнему преданію, изображали змія прельстителя съ прекраснымъ лицомъ.

приписки въ переводѣ Григор. Богосл., ркпс. XI в., по Кеппену (Библ. лист. 1825, N° 7): „*Овъ дыю* жъреть, а дроугыи *дивии*“ — происходитъ отъ скр. див splendere, и собственно божество небесное, ибо скр. див, дива небо. Въ послѣдствіи, въ серб. поэзіи Дивы имѣютъ своего старшину, и являются существами враждебными, см. Вук. Ст. Срб. пѣсн. 2, N° 8. Въ Сл. о П. Иг.: „дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ“. Гриммъ *) приводитъ подобное же мѣсто изъ одного др. нѣм. произведенія, гдѣ является бѣда, какъ бы нѣкій демонъ, сидящій на деревѣ. Подобное вышеупомянутому дѣленію въ Эддѣ, мы находимъ и у насъ, такъ въ Лавр. 77 читаемъ: „то каци суть бози ваши, кдѣ живутъ? онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небо, слушающе ваших̀ъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ ваших̀ъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ наших̀ъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну“. — Это сказаніе отличается отъ преданій нѣмецких̀ъ только тѣмъ, что приписываетъ бѣсамъ (и ангеламъ?) крылья, тогда какъ Эльфы безъ крыльевъ, подобно Вилам̀ъ и Русалкам̀ъ. Хотя представленіе о крылатомъ духѣ могло образоваться отъ вліянія Христіянства: однако замѣчательно въ древнѣй-

*) D. M. 66.

шихъ славянскихъ памятникахъ употребленіе крылатца вмѣсто ангела: такъ въ Фрейзинг. ркпс. uuizem crilatcem bosiem, вьсѣмъ крылатьцемъ божиемъ, т. е. ангеламъ; и потомъ удержаніе этого представленія въ народной поэзіи: такъ въ сербскихъ пѣсняхъ: Реля крилатица; а въ Сл. о П. Иг. „вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрильци"; у Сербовъ употребляется въ Христіянскомъ значеніи: свети шестокрили Арандіеле!

в) Согласно съ дѣленіемъ на бѣлыхъ и черныхъ, Эльфы раздѣлили себѣ день и ночь. Одни являются только днемъ, и именно въ полдень, въ образѣ прекрасныхъ *бѣлыхъ* дѣвъ; и особенно замѣчательно для насъ явленіе такой дѣвы въ Мейссенѣ, предъ городомъ на *Piel* — Berg *), т. е. на *бѣлой* горѣ. Этому преданію соотвѣтствуютъ наши полудницы, о коихъ говоритъ уже Вацерадъ: poludnice dryades, deae silvarum. У насъ много преданій о явленіи сверхъестественныхъ существъ въ полдень. Особенно отличается чертами древности полудница у Лужичанъ, přezpołnica, připołnica: ровно въ полдень является она на поляхъ съ серпомъ въ рукахъ—почему называется также sserpyschyja—передъ тѣми, кто замѣшкался въ полдень идти

*) Deutsche Sagen, von d. Brüd. Grimm. № 11.

домой съ поля; въ подробности начинаетъ распрашивать ихъ о томъ, какъ обработывать и прясть лепъ, и кто не устоитъ противъ ея распросовъ, тому срубаетъ голову серпомъ. Согласно съ этимъ преданіемъ, и на Руси искони почиталось вредно въ полдень работать: „Спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваеть и звѣрь и птици и человѣци“— говоритъ Владиміръ Мономахъ, оправдывая набожнымъ убѣжденіемъ народный обычай, Лавр. 103. Пристрастіемъ къ пряденью льна лужицкая prězpołnica напоминаетъ Валькирій.— Ночные же Эльфы избѣгаютъ солнца, которое потому называется въ Эддѣ *заботою Эльфовъ*. Если оно ихъ застигнетъ, то они превращаются отъ его лучей въ камень. Подобное повѣствуется у Сербовъ о миѳическомъ царѣ Троянѣ, который выѣзжалъ только по ночамъ, боясь солнца, которое наконецъ его застигло и растопило.

г) Какъ Русалки любятъ расчесывать свои длинныя косы, такъ и Эльфы. И тѣ и другіе отличаются этимъ украшеніемъ. Одна колдунья, по нѣмецкому преданію *), засадила дѣвицу въ теремъ, въ которомъ не было выходу, и лазила къ ней въ окно по ея прекрасной косѣ, которую спускала заключенная изъ окна на двѣнадцать локтей. Въ Бретани нѣмецкій Эльфъ извѣстенъ подъ именемъ Korr, а женская форма:

*) Kind. u. hausmärch v. d. Brūd. Grimm, 1843, 1. 76.

Korrigan, т. е. наша Русалка: подобно сей послѣдней, она сидитъ при источникѣ, расчесывая свои косы; кто ее застигнетъ, долженъ на ней жениться, или черезъ три дня умереть *). Прекрасная коса есть всеобщее индоевропейское достояніе миѳологическихъ существъ. Наша коса ведетъ свое происхожденіе отъ скр. кеça — coma, caesaries: отсюда кеçара грива льва, и потомъ кеçарин гривистый, т. е. левъ. И какъ Греки думали видѣть въ прическѣ Зевса подобіе львиной гривѣ, такъ въ Санскритѣ Кришна прозывается Кеçава, т. е. имѣющій большую и красивую косу. Такимъ образомъ пластическое представленіе, основанное на эпической формѣ, ведетъ свое начало отъ языка. — Такъ какъ многіе народные ботаническіе термины имѣютъ свое происхожденіе въ періодѣ миѳологическомъ: то любопытно обратить вниманіе на серб. вилина коса, cuscuta europæa.

д) Въ Эддѣ Валькирія ѣздитъ на сѣромъ конѣ, а грива труситъ холодную росу по глубокой долинѣ — т. е. она летаетъ по воздуху, гоня облака, fra Helga oc Svavu; о самой героинѣ этой пѣсни Эдда говоритъ: „она называлась Свава, была Валькирія, и летала по воздуху и черезъ море“; отсюда эпическая форма для моря въ агс. поэзіи: svanrâd, т. е. лебединый путь. Чехи лег-

*) Villemarqué, I, 17. Grim. D. M. 416.

кія облака называютъ babky. О Вилахъ въ сербскихъ пѣсняхъ читаемъ, Вук. 1, № 226.

Град градила б'јела вила
ни на небо ни на землю,
но на грану од облака.

Любопытно соотношеніе воздушнаго коня Валькиріи съ быстрыми конями сербскихъ пѣсень. Конь Кралевитя Марка Шарац *видовит*, и потому можетъ видѣть Вилу, высоко прыгнуть и достичь ее, Вук. 2, № 38:

Вила лети по врьу планине,
Шарац језди по среди планине;
ни где виле чути ни видети.
Кад је Шарац сагледао вилу,
по с три копля у висину скаче,
по с четири добре у напредак,
брзо Шарац достигао вилу.

Потому-то конь называется вилован: на дјогату коню виловноме.

e) Кромѣ воздуха и облаковъ, вода есть стихія этихъ сверхъестественныхъ существъ, и у Нѣмцевъ, и у насъ. Такъ какъ вода прозрачна и свѣтла, то Эльфы, обитающіе въ водѣ, причисляются къ свѣтлымъ. Чтобы скрыть свои ноги, они одѣваются, по нѣмецкому преданію, въ длинныя одѣянія: одинъ любопытный, желая узнать, какія у нихъ ноги, насыпалъ золы, и на ней обозначились гусиныя лапы. Къ дополненію олице-

творенія, нѣмецкое преданіе, какъ Эльфамъ, такъ и Валькиріямъ приписываетъ лебединыя сорочки: „рано по утру, говоритъ Эдда: увидѣли они на берегу морскомъ трехъ женщинъ, онѣ пряли ленъ, *при нихъ были лебединыя сорочки, это были Валькиріи*, fra Völundi. Одна изъ нихъ называлась Svanhvit, т. е. бѣла, какъ лебедь, или бѣлая лебедь, и носила на себѣ лебединыя перья: var Svanhvit, svanfiaþar dró, говоритъ пѣсня. Эти обычныя эпическія выраженія ясно указываютъ на самую тѣсную связь существа валькиріи съ лебедемъ. Если возьмемъ въ соображеніе, что эти божества по преимуществу вели жизнь воинственную, и вмѣстѣ съ собой приносили войну; то нѣтъ никакого препятствія видѣть подобное же существо въ слѣдующемъ мѣстѣ Сл. о П. И.: „въстала *обида* въ силахъ Дажь-божа внука, вступилъ *дѣвою* на землю Трояню, въплескала *лебедиными крылы на синѣмъ море*, у Дону плещучи.“ Въ одной болгарской пѣснѣ *) являются какія-то сверхъестественныя существа, соединяющія въ себѣ вилу, божество воздушное, съ водяною русалкою: „Ночью я всталъ, сонный, пасмурный, говоритъ эта пѣсня: и пыталъ мать мою мачеху: пѣли ли первые пѣтухи и вторые? Кричалъ ли Селимъ Ходжа на минаретѣ? Не послушалъ я мать мою мачеху, и пошелъ въ свою темную

*) Сообщенной мнѣ покойнымъ Болгарцемъ Бусилинымъ.

коношню, вывелъ своего береженаго коня, осѣдлалъ, обуздалъ его (замѣчательны музыкальностью эти стихи: „Оседлах го, обуздах го аз него, „восседнах го, пропуснах го аз него“): прискакалъ на студеный колодязь, и увидѣлъ трехъ взрослыхъ дѣвицъ, и спрашивалъ я ихъ: нельзя ли бродомъ перейти ту студеную воду, нельзя ли сломать этой красной калины? Отвѣтъ держали три взрослыя дѣвицы: не перейдешь той воды студеной, не ломается красная калина“.

ж) Пляска, пѣнье и музыка—любимая забава и Эльфовъ, и Вилъ, и Русалокъ. Эльфы всю ночь проводятъ въ пляскѣ, и только лучи солнца прогоняютъ ихъ: Русалки также грѣются и пляшутъ на лунномъ свѣтѣ. Кто увидитъ помятую кругами росистую траву, въ Шотландіи, Скандинавіи, въ сѣверной Германіи, обыкновенно говоритъ: здѣсь плясали Эльфы. Одна сербская пѣсня такъ описываетъ хороводъ Вилъ, Вук. 1, N 183:

oj вишніо, вишнице!
дигни горе гране,
испод тебе виле
дивно коло воде,
пред нима Радиша
бичем росу тресе,
до две виле води,
а третіој беседи.

Празднества Эльфовъ всегда сопровождаются музыкой, столь необыкновенной, что она очаровы-

ваетъ всѣхъ. Въ южной Швеціи есть преданіе объ одной пѣснѣ Эльфовъ, которую никто не можетъ слышать, что бы не плясать: даже тотъ, кто ее играетъ, до тѣхъ поръ не можетъ удержаться отъ пляски, пока не проиграетъ всю пѣсню наизворотъ, т. е. съ конца до начала. Впрочемъ Эльфы любятъ слушать и пѣсни людей, и щедро награждаютъ пѣвцовъ. — Сербская Вила также любитъ музыку, и въ пѣніи соревнуетъ людямъ. Вотъ замѣчательное въ этомъ отношеніи мѣсто, Вук. 2, N. 38:

Одна Милош поче да попева,
а красну је песму започео
од сви наши больи и старији,
како ј' који држ'о краљевину
по честитој по Матіедонији,
како себе има задужбину;
а Марку је песма омилила,
наслони се седлу на облучје,
Марко спава, Милош попијева;
зачула га вила Равијојла,
па Милошу поче да отпева,
Милош пева, вила му отпева,
лепше грло у Милоша царско,
јесте лепше него је у виле;
расрди се вила Равијојла,
пак одскочи у Мироч планину,
запе лука и две беле стреле,
једна уд'ри у грло Милоша,
друга уд'ри у срце јуначко.

Любятъ музыку и пляску и существа водныя, и русское преданіе волненіе моря и рѣкъ объясняетъ

пляскою водяныхъ божествъ. Святитель Николай говоритъ Садкѣ, явившись ему во снѣ (Др. р. ст. 341):

Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость!
а рви ты свои струны золоты,
и бросай ты гусли звончаты,
расплясался у тебя царь морской:
а сине море всколебалося,
а и быстры рѣки разливалися,
топятъ много бусы, корабли,
топятъ души напрасныя
того народу православнаго.

Также прекрасно измѣнено по Христіанскимъ идеямъ лужицкое преданіе о музыкальныхъ существахъ, совершенно соотвѣтствующихъ Эльфамъ: Лужицкіе ludki пропали съ тѣхъ поръ, какъ завелись колокола, звону которыхъ они не могутъ терпѣть.

3) Эльфы знаютъ будущее и все, гдѣ что ни дѣлается: карликъ Alvis (всезнающій), въ Эддѣ, умѣетъ отвѣтить на всѣ вопросы бога Тора; онъ вездѣ бывалъ, все видывалъ и все знаетъ. Въ Нибелунгахъ водные Эльфы предсказали Бургундамъ ихъ судьбу. Вила предсказала Кралевитю Марку, что онъ скоро умретъ „од Бога, од старог крвника“, Вук. 2, 440. Валькирія Брингильдръ сообщила Сигурдру: „всѣ руны, какія только человѣкъ желаетъ знать, и говоритъ на всякомъ человѣческомъ языкѣ, и исцѣлятъ мазями“, Gripis spà. Замѣтимъ кстати,

что темныя изобразительныя выраженія въ Эддѣ называются *рунами*: Сигрунъ говоритъ Гельги: „ты разсказываешь о битвѣ воинскими рунами (val-rúnom)“: такая руна, на пр.: кормить орловъ копьями, вм. поражать. Сл. о П. И. предлагаетъ много выраженій, подобныхъ скн. рунамъ. Особенно любопытно обратить вниманіе на одинъ эпическій мотивъ: существа сверхъестественныя, какъ все знающія, любятъ предлагать смертнымъ загадки, которыя безъ сомнѣнія тѣ же руны. Въ одной малорусской пѣснѣ Русалка загадываетъ одной дѣвицѣ слѣдующія загадки (Макс. Мал. Пѣсн. 162):

Ой що росте безъ кореня,
а що бѣжить безъ по́вода,
а що цвѣте безъ всякого цвѣту?
Камень росте безъ кореня,
вода бѣжить да безъ по́вода,
папороть цвѣте безъ всякого цвѣту.

Разрѣшеніе высшихъ вопросовъ также предоставляется существамъ сверхъестественнымъ, какимъ является въ одной сербской пѣснѣ рыба, не только соотвѣтствующая водянымъ Русалкамъ, но и напоминающая божественную рыбу въ индійскомъ эпизодѣ о потопѣ, Вук. I, N 285:

Дјевојка сједи крај мора,
пак сама себи говори:
„ах, мили Боже и драги!
има л'што шире од мора?

има л'што дуже од поля?
има л'што брже од коня?
има л'што сладје од меда?
има л'што драже од брата?"
Говори риба из воде:
„дјевојко, луда будало!
шире је небо од мора,
дуже је море од поля,
брже су очи од копя,
сладји је шетјер од меда,
дражи је драги од брата."

Въ шотландскихъ и древне-англійскихъ балладахъ любовь выражается подобными же загадками, на пр.: „что длиннѣе дороги, глубже глубокаго моря, громче громкаго рога, востръе востраго терну, зеленѣй зеленой травы?—Любовь длиннѣе дороги, адъ глубже глубокаго моря, громъ громче громкаго рога, голодъ востръе востраго терна, зелье зеленѣе зеленой травы", и проч. *). Смѣтливость въ разрѣшеніи трудныхъ загадокъ, приписываемая преданіями Эльфамъ, Виламъ, Валькиріямъ и Русалкамъ, становится вообще достояніемъ эпической поэзіи, которая любитъ опредѣлять мудрость рѣшеніемъ загадокъ. Вотъ нѣсколько подобныхъ мотивовъ изъ одной древне-датской пѣсни о героѣ Вонведѣ: „что кругляе колеса? гдѣ всего веселѣе пьютъ на

*) Talvj, Versuch einer geschichtl. Charakt. d. Volkslied. germ. Nation. 1840, стр. 136.

святки? гдѣ садится солнце, и гдѣ покоятся ноги мертвеца? чѣмъ наполняются всѣ долины? что всего лучше украшаетъ царскій чертогъ? кто громче журавля и бѣлѣе лебедя? у кого борода на затылкѣ? что чернѣе засова? *) и что быстрѣе серны? гдѣ самый широкій мостъ? что всего противнѣе глазамъ человѣка? куда всѣхъ выше дорога? и гдѣ пьютъ самое холодное пойло? — Солнце кругльѣе колеса, на небѣ всего веселѣе святки, къ западу садится солнце, и къ востоку ложатся ноги мертвеца. Снѣгъ наполняетъ всѣ долины. Человѣкъ самое благородное украшеніе царскаго чертога, громъ громче журавля, и Ангелъ бѣлѣе лебедя. У пиголицы борода на затылкѣ, грѣхъ чернѣе засова, и мысль быстрѣе серны. По льду самый широкій мостъ, жаба всего противнѣе глазамъ человѣка, въ рай самая высокая дорога, и въ преисподней пьютъ самое холодное пойло". **) Любопытно обратить вниманіе на то, какъ миѳологическіе намеки скрываются за Христіянскія идеи и перемѣшиваются съ наивными воззрѣніями на окружающую природу.

---

*) Для уразумѣнія этого страннаго выраженія надобно припомнить средне-вѣковое представленіе дьявола не только подъ символомъ молота, но и запора, дубины, засова. Grim. D. M. стр. 951, 952.

**) Altdänische Heldenlieder, v. W. Grimm, 1811, стр. 234—235.

и) Въ нѣмецкихъ преданіяхъ лебедь—предвѣщающая птица; остаткомъ этого вѣрованія въ языкѣ сохраняется глаголъ: es schwant mir—предчувствуется. Слѣдовательно лебяжій образъ Валькирій имѣетъ символическій смыслъ. Въ одной украинской пѣснѣ (Макс. Укр. нар. пѣсн. 1834, 116) бѣлая лебедка разсказываетъ сизоперому орлу *всю щирую правдоньку* о битвѣ при Кистринѣ. Между древними русскими стихотвореніями мы имѣемъ драгоцѣнную пѣсню, подъ названіемъ: Потокъ Михайло Ивановичь, служащую доказательствомъ, что преданіе, выразившееся въ Эддѣ въ образѣ лебединыхъ Валькирій, было туземнымъ и на Руси, и притомъ въ русской пѣснѣ оно сохранилось первобытнѣе, нежели въ нѣмецкомъ сказаніи, которое можно признать порчею и подновленіемъ древнѣйшаго миѳа, сохранившагося у насъ. Потокъ Михайло Ивановичь на синемъ морѣ увидѣлъ бѣлую лебедушку, она черезъ перо была вся золотая, а голова у ней увита краснымъ золотомъ и скатнымъ жемчугомъ усажена. Онъ прицѣливается въ нее, и поэтъ входитъ въ малѣйшія подробности стрѣльбы, какъ Гомеръ *) въ опи-

---

*) С. П. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ о рус. сл. обратилъ вниманіе на это мѣсто въ доказательство сходства эпической настроенности Гомера съ представленіями славянскихъ пѣвцовъ. Выпускъ 1, стр. 104.

саніи стрѣльбы Пандара (Ил. 4, 105 и слѣд.): мѣсто, въ высшей степени проникнутое эпическимъ воодушевленіемъ, свидѣтельствующее о самородности всей басни. Чуть было спустить Потоку каленую стрѣлу, провѣщится бѣлая лебедь человѣчьимъ голосомъ, выходила на крутой берегъ, оберпулась красной дѣвицей, Авдотьей Лиховидьевной. Тутъ была у нихъ и помолвка. Авдотья Лиховидьевна предложила условіе: кто изъ нихъ прежде умретъ, другому за нимъ живому въ гробъ идти. Потокъ поѣхалъ въ Кіевъ, а невѣста его прежде него успѣла прилетѣть туда: тамъ они и вѣнчалися. Молодая *искала мудрости надъ мужемъ своимъ*, и черезъ полтора года скончалась. Вмѣстѣ съ покойницей посадили въ глубокую могилу и Потока Михайла Ивановича, съ конемъ и со всею збруею ратною. Въ могилу собирались гады змѣиные, а потомъ пришолъ и *большой змпй, жжетъ* и *палитъ пламенемъ огненнымъ*. Потокъ ссѣкаетъ ему голову и мажетъ ей свою жену, отъ чего она и воскресаетъ; и оба выходятъ на бѣлый свѣтъ. Жена-еретница должна была поплатиться за свои мудрости тѣмъ, что пошла живая въ могилу вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, когда уже онъ состарѣлся и переставился. — Нѣмецкая сказка *) сверхъестествен-

*) Brüd. Grimm, Kind. u. Hausmärch., 1843, 1, N 16.

ную женщину-оборотня низвела до обыкновенной, хитрой и невѣрной царевны, на тѣхъ же условіяхъ, какъ и русская еретница, выходящей замужъ за храбраго воина. Когда она умираетъ, мужъ ея также вмѣстѣ съ ней опускается въ могилу, но уже не съ конемъ, а со столомъ, на которомъ было четыре коровая хлѣба и бутылка вина. Явившаяся въ могилѣ змѣя уже не жжетъ ни палитъ, а только ползетъ къ мертвому тѣлу; онъ ее разсѣкаетъ на три части, но только тогда воскрешаетъ свою жену, когда другая змѣя, приложивъ какіе то три листика къ суставамъ мертвой змѣи, воскресила ее. И уже оставшимися отъ змѣй листиками воскрешаетъ онъ свою жену. Въ смерти ея не было никакой съ ея стороны *мудрости:* и потому, чтобы удержать къ концу нравоученіе древнѣйшаго сказанія, нужно было по воскресеніи представить ее порочною: именно тутъ то какъ нарочно она становится невѣрна мужу, ищетъ его погибели; но правда торжествуетъ, и она погибаетъ съ своимъ любовникомъ: а мужъ остается въ живыхъ. Слѣдовательно условіе: быть погребеннымъ вмѣстѣ, не состоялось; и именно потому, что оно въ нѣмецкомъ сказаніи является уже случайностью, а не существеннымъ обрядомъ, какъ у насъ. Нѣмецкая царевна оправдываетъ это условіе нѣжностью: если онъ меня любитъ, что ему за жизнь безъ меня! Потокъ Михайло Ивановичъ

безъ всякаго принужденія пошелъ къ мертвой женѣ въ могилу, ибо признавалъ законность условія: мужа нѣмецкой царевны принудили къ тому, оцѣпивъ всѣ ворота стражею. Мы видимъ, что нѣмецкое преданіе идетъ по слѣдамъ русскаго шагъ за шагомъ, но постоянно подновляетъ его и почти сглаживаетъ слѣды миѳологическіе. Можно сказать, что эта русская пѣсня служитъ какъ бы переходомъ отъ преданія о Валькиріяхъ въ Эддѣ къ нѣмецкому сказанію. Въ Авдотьѣ Лиховидьевнѣ видно еще существо сверхъестественное, являющееся въ образѣ лебедя, а палящій змѣй, воскрешающій своей головой, восходитъ до глубокой древности. Полнота эпическаго представленія согласуется въ этой пѣснѣ съ древнѣйшимъ миѳологическимъ содержаніемъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ вѣрованій и преданій, столь общихъ у Славянъ съ Нѣмцами, лежитъ единство воззрѣнія и тѣхъ и другихъ на природу, слѣды котораго открываются въ языкѣ. Эльфъ проходитъ слѣдующія діалектическія измѣненія: др. и средн. нѣм. alp, elb; агс. älf, скн. âlfr, по свойству гот. языка предполагается гот. форма: albs. Такъ какъ Эльфы, по темному преданію, имѣютъ символическую связь съ образомъ лебедя: потому въ языкѣ мы находимъ сродство между тѣмъ и другимъ названіемъ: лебедь по др. и средн. нѣм. albiz, alpiz, elbiz, elbez; агс. elfet, ylfet; скн. âlft; суффиксъ въ образованіи этого слова, проходящій

по всѣмъ нѣмецкимъ нарѣчіямъ: z, t, указываетъ на коренную форму, заключающуюся въ имени Эльфовъ. Горы и воды, какъ жилище этихъ сверхъестественныхъ существъ, и по названію имъ соотвѣтствуютъ: покрытыя снѣгомъ, высокія горы называются alpes, а прозрачная рѣка—albis, elbe, такъ что по-скн. elf есть нарицательное имя для всякой рѣки, точно также, какъ шв. elf, дат. elv. Какое же начальное впечатлѣніе зародило въ народной фантазіи такую связь между этими предметами, породнивъ ихъ между собою и въ языкѣ, и въ преданіяхъ? Языки древніе, удерживая коренной звукъ *a*, являютъ намъ такой же, соотвѣтственно нѣмецкимъ нарѣчіямъ, переходъ согласныхъ губныхъ, т. е. *b*, *p*, *f*; а именно: лат. albus, сабинск., по Фесту, alpus, и греч. ἀλφός (vitiligo), ἀλφιτώ. Слѣдовательно впечатлѣніе свѣта и блеска сопровождало вѣру въ Эльфовъ, какъ и въ нашихъ Вилъ и Русалокъ; то же впечатлѣніе породило и названія водъ и снѣжныхъ далекихъ горъ, и наконецъ названіе баснословной птицы, живущей на водахъ. Славяне начинаютъ слово плавнымъ звукомъ, провождая его звукомъ *a*, который въ другихъ языкахъ выступаетъ впередъ: и потому alba или elba живетъ у Славянъ въ формѣ: лаба, лабе, означающей не только Ельбу,—въ Сербіи Лаб, Лаба въ Книгѣ, глаг. больш. черт.: а въ рѣку Кубу пала рѣка Лаба изъ горъ, *)—но и вообще всякую рѣку, какъ имя нарицательное. И какъ у Нѣмцевъ является язычный суффиксъ: z, t,

*) Изд. Спасскимъ, 1846, стр. 57.

такъ и у насъ: д, т, ц: срб. лабуд., рус. лебедь, чеш. labuť, пол. łabędź, łabęć. Согласно съ первоначальнымъ впечатлѣніемъ, лебедь получилъ у насъ эпитетъ: бѣлая: бѣлая лебедь; а согласно съ женскими божествами, Русалкою и Вилою, какъ эпическая форма, лебедь употребляется въ женскомъ родѣ, какъ постоянный эпитетъ женщины; въ др. и ср. нѣм. albiz, elbez родъ еще колеблется между мужескимъ и женскимъ, какъ наше лебедь; но, что весьма замѣчательно, въ скн. âlft, âlpt пересиливаетъ уже форма женская, вполнѣ согласуясь съ тѣмъ божествомъ, для котораго служитъ символомъ. Въ этомъ отношеніи грамматическій женскій родъ этого слова и въ нѣм. эпическихъ формахъ болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ женскимъ божествамъ, нежели Эльфамъ того и другаго рода. У насъ Лыбедь не только рѣка, но и названіе женщины, какъ древнѣйшее, можетъ быть, олицетвореніе лебедя, намекающее на существо миѳологическое.

И такъ не только преданія, и нѣмецкія и славянскія, но и самыя названія въ языкѣ развились самостоятельно. Ибо нѣтъ ни какой возможности предположить вліяніе нѣмецкой формы на образованіе нашихъ: лаба, лабуд, удержавшихъ первобытные звуки *а*, *б*; такъ что затерянная готѳская форма albs является историчѣски только въ нашемъ *лаб*.

Теперь обратимся къ исторіи эпитета: *бѣлый*. Сначала замѣтимъ, что собственное значеніе этого слова тоже, что слова красный: т. е. прекрасный, свѣтлый; и ограниченіе того и другаго слова названіемъ из-

вѣстнаго цвѣта есть позднѣйшее. Въ миѳологическомъ имени божества: Бѣлъ - богъ, хотя и видно первоначальное значеніе и древность этого прилагательнаго: однако это имя могло быть только частнымъ, не распространившимся между всѣми Славянами: между богами языческой Руси его не находимъ. Бѣлъ - богъ, какъ и Черно - богъ сохранились у Славянъ въ названіяхъ урочищъ, на пр. двухъ горъ въ Лужицахъ около Будешина: но преданіе о значеніи ихъ почти изгладилось. Наше бѣл, билъ находимъ въ двухъ древнѣйшихъ формахъ: 1) въ кельтскихъ нарѣчіяхъ: beul, beil, beal, beli и древне-кельт. belenus, belinus (у Авзонія, Тертулліана и на многихъ надписяхъ), означаетъ бога свѣта и огня. И доселѣ еще въ первыхъ числахъ Мая совершаются въ кельтскихъ племенахъ обряды въ честь этому божеству, зажигаютъ огни и черезъ нихъ прыгаютъ, какъ у насъ на Ивана Купалу. Этотъ день называется la bealtine, beiltine, beltein: lá значитъ день, teine, tine —огонь, a beal, beil, bel—богъ belenus. 2) у Литовцевъ и Латышей въ формѣ baltas, balts, и именно въ собственномъ, т. е. обширномъ значеніи нашего прилагательнаго бѣлъ. Что Литовцы были старожилами на Балтійскомъ морѣ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ латышское названіе янтаря: sihtars, sihters, означающее также и вообще кристаллъ: это имя было извѣстно и древнимъ, какъ скиѳское: sacrium или satrium; *) слѣдственно mare balticum,

*) Slow. Staroż. Шафарика, стр. 365.

insula baltia, еще задолго до Р. Х. извѣстныя древнимъ писателямъ, безо всякаго сомнѣнія могутъ быть произведены отъ лит. baltas, balts, и слѣдовательно море балтійское значитъ: море бѣлое. Бѣлый, baltas, какъ названіе для воды, есть синонимъ словамъ: быстрый, русый, лаб.

Какъ наша, или кельтская форма, такъ и литовская, означая только впечатлѣніе, производимое свѣтомъ, не только естественнымъ, но и божественнымъ, являются въ болѣе опредѣленномъ образѣ въ миѳологіи нѣмецкой *), какъ божество Phol, Paltar, а въ древнѣйшемъ видѣ въ Эддѣ: Baldr. Чистое и невинное божество Бальдръ, по сказанію Эдды, побѣжденный слѣпымъ Гёдромъ, нисходитъ въ адъ, всѣми оплакиваемый, ничто не можетъ оттуда его извлечь, и вѣрная супруга его Нанна слѣдуетъ за нимъ. По агс. сказанію Bäldäg, какъ нашъ Бѣлъ-богъ, есть богъ свѣта: потому-то его сынъ называется Brond, о коемъ Эдда умалчиваетъ; a brond, brand, скн. brandr значитъ jubar, fax, titio.

Еще у Готѳовъ эти миѳологическія представленія низошли уже до названія обыкновенныхъ понятій: и скн. baldr является въ гот. формѣ: balþs храбрый, смѣлый: ordinant super se regem Alaricum, cui erat ex *Baltharum* genere origo mirifica, qui dudum ob

---

*) D. M. стр. 201 и слѣд.

audaciam virtutis, *baltha*, id est audax, nomen inter suos acceperat, Jornand. Hist. Goth. — Отсюда arc. bealdor, baldor господинъ, князь.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ вѣрованія въ свѣтъ, воду и огонь, въ связи съ народными преданіями и эпическими формами, и показавъ прямое отношеніе преданія и вѣрованія къ языку, обратимся къ основному, древнѣйшему представленію божества свѣта и огня, для того, чтобы опредѣлить исторически предѣлы славянскимъ повѣрьямъ и миѳологическимъ формамъ языка.

Шафарикъ *) сравниваетъ скр. сварга coelum Indri, aeter, съ слав. Сварогъ, неоднократно встрѣчающимся въ Ипат. сп., на пр., на стр. 5: „Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажь-Богъ.“ Слѣдовательно солнце, или Дажь-Богъ есть сынъ Сварога, т. е. Сварожичь, а Сварожичемъ въ одной рус. ркси 1523 г. называется огонь: „огневи молятся зовутъ его Сварожіцемъ,“ Вост. Опис. Рум. Муз. 228. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ словѣ, именно свидѣтельство Дитмара (+ 1018) не опредѣляетъ на-

*) О Сварогѣ, въ Чтен. Общ. истор. и древн. рос. Прохожу молчаніемъ другое божество свѣта, извѣстное подъ именемъ Хорса, отсылая читателя къ прекрасному изслѣдованію О. М. Бодянскаго: О тожествѣ славянскихъ божествъ, Хорса и Даждьбога, напечатанному въ 2 N Чтеній Общ. истор. и древн. 1846 года.

стоящаго его смысла: говоря о богахъ Славянъ Сѣверной Германіи, онъ прибавляетъ: quorum primus Zuarasici dicitur et præ ceteris a cunctis gentilibus honoratur et colitur. Отсюда скорѣе можно заключить, что Сварожицъ есть солнце, или Даждь-Богъ: ибо это божество по преимуществу было уважаемо Славянами, что видно изъ Сл. о П. Иг., гдѣ Русь названа внукомъ Даждь-Бога: слѣдовательно Даждь-Богъ былъ дѣдомъ Руси, что совершенно согласуется съ слѣдующимъ объясненіемъ въ словарѣ Памвы Берынды: „Дѣдъ: старецъ. умалителнѣ же, дядко. старчикъ, *а не дѣдко. сице бо птицыи обыкоша діавола именовати*“. Изъ сличенія Ипат. списка, въ коемъ говорится о Сварогѣ, съ двумя другими свидѣтельствами о Сварожичѣ, непремѣнно должны мы вывести слѣдующіе результаты: славянская миѳологія отдѣляетъ Сварога отъ Сварожича: Сварогъ не только ἥφαιστος, но и отецъ огню и солнцу, индійское небо Индры, Сварга; Сварожичь есть дитя неба, рожденный отъ неба: слѣдовательно и огонь и солнце—оба Сварожичи: согласно съ этимъ производствомъ, въ сербскихъ пѣсняхъ солнце—чадо бога, а въ Малороссіи богачь—огонь, сынъ бога *). Слѣдовательно языкъ славянскій отдѣляетъ въ вѣрованіи въ Сварога два періода: древнѣйшій, индоевропейскій, представителемъ коего былъ Сварогъ, и позднѣйшій, собственно славянскій, когда уже это

*) Срезневскаго Святилища и обряды языч. Слав. 1846. 27.

слово осмыслилось у Славянъ отечною формою -ищѣ, -ичь. Теперь обратимся къ самому слову сварга, и покажемъ слѣды его составныхъ частей въ формахъ славянскаго языка. Сначала разберемъ индійское *сварга*: оно сложено изъ двухъ элементовъ: изъ *свар*— небо, свѣтъ, и изъ окончанія *-га*, означающаго хожденіе; слѣдовательно сварга имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ, или хожденія по небу, т. е. жилища бога. Скр. свар является въ древнечешскомъ zuor, svor, которое объясняется въ Mat. verb.: zodiacus. Но этого мало; можно найти еще болѣе глубокіе слѣды этого слова въ языкѣ славянскомъ, и именно, разобравши происхожденіе скр-го свар: оно происходитъ отъ глагола сур свѣтить; откуда сура богъ: отъ этого глагола производятъ скр. сурис, лат. sol, гр. σείριος, гот. sauil, наше солнце. Что же касается до суффикса -га въ скр. сварга и въ сл. сварогъ, то онъ въ первобытномъ индоевропейскомъ значеніи остался у насъ и доселѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, равно какъ и образовалъ изъ себя слова и въ другихъ родственныхъ нашему языкахъ.

1) пра-гъ, поро-гъ образуется изъ скр. пâра онъ полъ, та сторона, съ приставкою -га, скр. пâра-га значитъ переходящій, переступающій: у насъ порогъ ведетъ смыслъ отъ глагола не въ дѣйствительномъ залогѣ, а въ страдательномъ: такое перенесеніе значенія не должно казаться страннымъ, ибо оно свойственно нашему языку, напр. въ др. р. ст. „а стань ты подъ башню *протъзжую*“ 267, „а наѣхалъ Дунай *бродучій* слѣдъ“, 93. Впрочемъ, порогъ на рѣкѣ не столько

препятствіе теченію, сколько быстрѣйшій переливъ; и по значенію приближается къ скр. пâра-га. Можетъ быть къ этому же скр. пâра-га слѣдуетъ отнести и названіе города: Прага. Древнѣйшее преданіе такъ объясняетъ происхожденіе имени этого города: Любуша велѣла построить замокъ, и по отвѣту работника, что онъ работаетъ на порогѣ, дала ему имя: Прага *). — Юнгманъ объясняетъ это словó порогами, т. е. водопадами на рѣкѣ Влетавѣ и горныхъ потокахъ **). Чтобы подкрѣпить производствó нашего слова поро-гъ, обращаю вниманіе на другое наше слово, стоящее въ родствѣ съ скр. пâра—другой берегъ, та сторона: отъ винительнаго падежа скр. пâрам производятъ гр. πέραν ***); отъ скр. глагола пâр—переходить, сроднаго съ пâра, причастіе пâрам — переходящій: этимъ окончаніемъ -м; флексіею скр. слова, объясняется суффиксъ или образующее окончаніе нашего слова паро-мъ, чеш. pràm; пол. prom, pram, prum, даже нѣм. prahm: по Юнгману это словó происходитъ отъ прямой, въ отличіе отъ ладьи, чешск. přímý: но переходъ звуковъ не допускаетъ такого производства.

2) доро-га или дра-га; имѣющее смыслъ не только via, но и толпа, собирающаяся куда нибудь, множество, свита, за кѣмъ-либо слѣдующая, на пр. въ

---

*) Palacky, Gesch. v. Böhmen. 1, стр. 88.
**) Slown. Česco-něm.
***) Burnouf, comment. sur le Yaçna.

чешск: откуда наше подражать: Юнгманъ это послѣднее значеніе дороги отдѣляетъ отъ перваго, производя его отъ дорогой: но единство того и другаго, и согласіе въ значеніи открываются въ ихъ происхожденіи отъ скр. дру—бѣжать, откуда и гр. δρόμος не только бѣгъ, но и самое мѣсто для бѣга, ристалище; къ соображенію при объясненіи этого слова припомнимъ гот. ga-þvô улица, отъ га—идти; только у насъ скр. га осталось суффиксомъ, у Готѳовъ же оно корень. Что скр. дру, потерявшее свое значеніе въ словѣ доро-га, было извѣстно Славянамъ, свидѣтельствуетъ имя рѣки: Драва, по-скр. драва, отъ дру, значитъ бѣгущій, текущій.

3) колыма-га. Павскій *) производитъ это слово отъ скн. hvël колесо и vagn возъ. Гораздо своеземнѣе и проще объясняется колымага приставкою -га и колыма, твор. множ. отъ коло, какъ сербск. ономàдне, вмѣсто оными дни, откуда наше намедни; слѣдовательно колымага значитъ: идущая, двигающаяся колесами или на колесахъ: это слово сравнительно объясняется латинскимъ navi-gare, которое Боппъ **) остроумно производитъ отъ га—идти и существительнаго navis.—Шафарикъ ***) производитъ колымага отъ

---

*) Филолог. наблюд. 2, ст. 61.

**) Vergl. Gram.

***) Статья о гортан. звук. Časop. Česk. Mus. 1847, N 1, стр. 43.

коло и мага , латыш. mahja—domus, tabernaculum; мал. рус. маза (currus opertus).

4) другое древнѣйшее названіе для повозки пользуется тѣмъ же суффиксомъ: крък-ы-га. Миклошичь *) производитъ это слово отъ сред. лат. carcare (onus vehere). Но у Славянъ есть и свой ему корень: крок шагъ, крочити шагать, идти шагомъ ; слѣдовательно крькы-га—идущая шагомъ.

5) съ тѣмъ же суффиксомъ и третье подобозначащее слово: телѣ-га; уже въ Сл. о П. И. „Кричать тѣлегы полунощы“. Что же значитъ теле или телѣ? Это слово въ исторіи славянскаго языка весьма важно для опредѣленія давности діалектическихъ измѣненій въ звукахъ: отъ Финновъ до Полабцевъ мы видимъ въ этомъ словѣ измѣненіе к въ т, и наше коло является и въ фин. tela цилиндрическій желѣзный катокъ, по объясненію Буткова, и въ полаб. tgela коло, колесница, возъ; слич. tiesa коза, и у насъ квѣтъ, твятъ. Слѣдовательно телѣ-га есть тоже слово, что и колыма-га , т. е. идущая колесами , или на колесахъ: есть діалектическое измѣненіе колыма-ги. Телѣга есть и у другихъ Славянъ, на пр. у Иллирійцевъ талига, въ чичевск. нарѣчіи **) taljuga; мадъяр. talige не имѣетъ себѣ корня въ мадъяр-

---

*) Radic. lingu. Slov.

**) Коллара Cestopis, 1843, стр. 47.

скомъ языкѣ, и потому производится изъ славянскаго *).

6) для исторіи суффикса -га весьма любопытно слово лежя-га, встрѣчающееся въ переводѣ Дамаскина Іоанномъ Екс. Болг., какъ вставка въ слѣдующемъ мѣстѣ: „изведе животы велики и малы, киты, смоки, *лежягы морьскыя*, рыбы въ водахъ“; ибо этого слова нѣтъ ни въ подлинникѣ: ἐξήγαγε δὲ ζῶα μικρά τε καί μεγάλα, κήτη, δράκοντας, ἰχτύας ἐν τοῖς ὕδασιν ,—ни въ текстѣ Епифанія, ни Амвросія, см. Калайд. Іоан. Екс. Бол. 44—45. По смыслу видно, что лежя-га означаетъ гада, и какъ глосса, или же какъ прибавка, скорѣе можетъ относиться къ предъидущему, т. е. къ смоки, нежели къ послѣдующему, т. е. рыбы. Смокъ, чешск. zmek первоначально крылатый змій, также духъ въ видѣ мокрой птицы: лежяга, какъ показываетъ первая часть слова—лежя—отъ лежать, не летаетъ. Змій по-скр. называется урага отъ ура грудь и га идущій, слѣдовательно собственно: идущій, или ползующій на груди, грудью; лежя, кромѣ того, стоитъ въ связи съ ложесна μήτρα, uterus, отъ глагола лежать: слѣдовательно лежя-га значитъ: чревомъ идущій, или въ лежачемъ положеніи двигающійся: въ этихъ двухъ описательныхъ эпическихъ формахъ—урага и лежяга, Индійцы и Славяне раздѣлили между собою въ сво-

*) Dankovszky, Magyaricae linguae lexicon, стр. 871, 938.

ихъ языкахъ первобытное еврейское преданіе о проклятіи змія: „проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ, и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ: *на персѣхъ твоихъ и чревѣ ходити будеши*“, Быт. 3, 14.—Въ подтвержденіе этого производства, для сравненія, приведемъ два скр. слова: джалосая рыба, отъ джала холодъ, вода, и сая лежащій, спящій;—и джигма-га змій отъ джигма кривой, извивающійся, и га идущій: наше змій, въ О. Е. змлии, вѣроятно, отъ этого скр. прилагательнаго джигма, очевидно образовавшагося редупликаціею.

Примѣч. Если вѣрно производство *) словъ птаха и прахъ отъ скр. пата-га и пара-га, то ха и хъ будутъ уже искаженіемъ суф. *га* — идущій: ибо пата-га производятъ отъ пата полетъ, а парага отъ пара назадъ, назади; *х* въ словѣ прахъ измѣняется въ *с* въ словѣ персть.

Вѣрованіе въ огонь и небесный свѣтъ являетъ замѣчательное видоизмѣненіе въ преданіяхъ о пламенномъ змѣѣ и молніи: и тотъ и другая предполагаютъ между собою нѣкоторую доисторическую, въ отдаленныхъ вѣкахъ затерянную связь, открываемую только въ языкѣ и немногихъ темныхъ преданіяхъ. Древнѣйшее славянское сказаніе о змѣѣ находимъ въ судѣ Любуши (IX в.): „ot gor creconosi, „ide se trut pogubi san lutu“ — отъ горъ крьконоши,

---

*) Максимов. Ист. др. Рус. слов. 1, стр. 135, 136.

идеже трутъ погуби сань люту. Отсюда видимъ, что горы были жилищемъ змію въ баснословномъ преданіи чешскомъ. Въ др. рус. ст. змій называется горынчище, т. е. горыничь, или сынъ горы. Не одно только мѣсто жительства могло быть причиною такому наименованію: надобно предполагать какое либо внутреннее соотношеніе, основанное на вѣрованіи. Готѳскій языкъ даетъ поводъ заключить, что въ IV в. у Славянъ горы олицетворялись наименованіями миѳологическихъ существъ: Ульфила гр. ὄρος, гора переводитъ fairguni, т. е. перунъ или лит. perkunas (гот. f соотвѣтствуетъ нашему п); средній родъ этого гот. слова олицетворяется мужескимъ и женскимъ въ божествахъ Эдды: fiörgynn отецъ Фригги, жены Одина, и fiörgyn мать Тора, богиня земли *). Въ отдаленныя среднія времена Sanct Bernhard назывался mons jovis, вѣроятно, по понятіямъ народовъ сѣверныхъ, ибо у классическихъ писателей такого названія этой горы не находимъ. Гриммъ приводитъ нѣсколько названій горъ, получившихъ оныя отъ Donner и Thor **). Остатками этого древнѣйшаго обоготворенія горъ можно назвать: buskahm (бужь-камъ, божій камень), скалу у Горенскаго мыса, близь Руяны; горы Corny

---

*) Боппъ въ своемъ скр. Глосс. предлагаетъ другое объясненіе, нѣсколько усиленное, сближая гот. fairguni съ сербск. брдо и скр. парвата гора, отъ парв implere.

**) D. M. 154—155.

bóh u bjeły bóh близъ Будешина, и др. Слѣдовательно если горы первоначально посвящались Перуну, то весьма естественно огненному змію быть сыномъ горы, или горыничемъ. Эдда предлагаетъ много поэтическихъ образовъ окаменѣлыхъ вѣдьмъ: въ видѣ огромныхъ скалъ ложатся онѣ въ устьѣ рѣки, и, запружая ее, производятъ наводненія. — По славянскимъ преданіямъ, змій весь вооруженъ и одѣтъ огнемъ, потому Лужичане называютъ его plón: такъ что можно сказать, что эпическая форма сербскихъ пѣсень: *живи огань*—какъ бы олицетворяется въ образѣ огненнаго змія, и нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ миѳологическаго представленія лежитъ наглядное впечатлѣніе, производимое силою огня: какъ естественно, напр., слѣдующее описаніе огня въ одной нѣмецкой народной сказкѣ: „огонь сталъ уже *лизать* ихъ платья *своими красными языками*“. *) Золото, какъ блестящій металлъ, лежитъ во владѣніи огненнаго змія, и составляетъ какъ бы частицу его собственнаго существа: потому-то въ одной русской пѣснѣ оно названо: *змѣиное крылище*; по-серб. змајеве отресине значитъ блестякъ, и составляетъ предметъ суевѣріямъ. Змій лежитъ на золотѣ и хранитъ его: потому-то въ нѣм. поэзіи вмѣсто золота употребляется эпическое выраженіе: *змѣиное ложе*. — Добрыня Никитьевичь

Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
у лютаго змѣища Горынчища,
пашелъ онъ много злата, серебра.

*) Grimm, Kind. u. hausmärch. 1, стр. 61.

Связь преданій о золотѣ съ преданіями объ Эльфахъ выражается скн-мъ âlfrödull—золото, собственно же солнце Эльфовъ.

Исторія слова молнія, въ О. Е. млъния, восходитъ къ IV в. Молнія по-гот. lauhmuni , lauhmoni, слово сложное изъ liuhan свѣтить, блистать, и muni, т. е. наше молнія: ибо въ гот. языкѣ нашему л соотвѣтствуетъ у, напр. diups глубокъ, по-серб. дубок; въ серб. нарѣчіи нашъ л также замѣняется гласнымъ у, потому гот. muni совершенно созвучно сербскому муня. Здѣсь почитаю нужнымъ упомянуть о другомъ производствѣ гот. lauhmuni, принадлежащемъ Боппу *). Онъ производитъ это слово отъ глагола liuhan посредствомъ формы причастія: скр. - mânas, гр. - μενος, лат. - minus; какъ напр. отъ скр. кри дѣлать кар - ман дѣло; лат. se - men, скр. nâ - ман, наши сѣ-мя, и - мя, т. е. сѣ - мен, и - мен. Дѣйствительно это начало плодовито примѣняется во многихъ случаяхъ, напр. въ лат. языкѣ: такъ amamini есть нечто иное, какъ причастіе страдат. муж. рода именит. множ. числа, вмѣсто: amamini estis, какъ гр. τετυμμένοι ἐισί; отъ причастія же образовались: alumnus, vertumnus, утративъ *i*; такъ fe - mina отъ fê, откуда fetus, fetura, fecundus, съ этой же формою причастія ge-mini; terminus отъ скр. три, тар переходить, сохранившагося въ лат. in-tra-re, pene-

*) Vocalismus, стр. 131—132.

ira-re. Но едва ли это производство можетъ быть допущено въ гот. lauhmuni: кромѣ этого слова въ гот. языкѣ есть еще глаголъ, въ коемъ также является muni, мупя, и значитъ тоже свѣтить, блистать, именно: glitmunjan, состоитъ изъ glit, скн. glita, и munjan отъ muni. Странно предположить, чтобы форма прічастія страдательнаго цѣликомъ вошла въ образованіе дѣйствительной формы глагола. И почему же именно только *молнія* и *блистать* удерживаютъ въ гот. языкѣ суффиксъ muni? Если бы это было не наше мупя, то этотъ звукъ, какъ суффиксъ, образовалъ бы и многія другія слова. Самый родъ готѳскаго lauhmuni совпадаетъ съ женскою формою молнія.

Допустивъ въ гот. lauhmuni (аге leoma, скн. liomi) наше муня, надобно предположить, что въ начальномъ впечатлѣніи, выражаемомъ словомъ молнія, нѣтъ намека на свѣтъ, или блескъ: въ противномъ случаѣ не нужно бы прибавлять lauh-, glit-: a lauhmuni значитъ собственно блистающая молнія. И дѣйствительно наше молнія, млънія, въ glos. mat. verb: miln—fulgur, quod conditur, si cadat de coelo, у Лужичанъ miļina сѣверное сіяніе, — первоначально сходится съ значеніемъ молота, и вмѣстѣ съ этимъ словомъ происходитъ отъ млѣти, молоть, скн. mala, гот. malan; и является олицетвореннымъ въ скн. miölnir, означающемъ вмѣстѣ и молнію, и млатъ, и стоящемъ съ обоими въ родствѣ по происхожденію. Богъ Торъ держитъ въ рукахъ чудесный молотъ miölnir, и бросаетъ имъ въ великановъ: этотъ miölnir имѣетъ то

свойство, что самъ собою возвращается въ руки богу. Miölnir имѣлъ форму креста, точно также какъ и громовая стрѣла, которую держитъ Индійскій Индра *). У Нѣмцевъ млатъ былъ священнымъ орудіемъ, имъ освящали невѣсту, мертвеца; бросаніемъ молота узаконивалось и освящалось право на владѣніе землею. У Литовцевъ былъ святой молотъ, коимъ нѣкоторый исполинъ освободилъ солнце изъ заточенія **). Вѣрованія согласуются не только съ воззрѣніями народа на природу, но и коренятся въ обычаяхъ, даже иногда и въ домашней утвари, или какомъ либо орудіи; такъ съ вѣрованіемъ въ молнію, miölnir, согласуется древнѣйшее употребленіе молота вмѣсто всякаго оружія: въ Краледв. ркпси герои дерутся молотами. Въ Чешскомъ Музеѣ сохраняется одинъ такой старобытный каменный молотъ. Такимъ образомъ находимъ новое свидѣтельство о связи оружія съ огнемъ и свѣтомъ.

Старобытный эпитетъ молніи: *синяя*, какъ у насъ, такъ и у Нѣмцевъ: у Сербовъ даже громъ называется синимъ: „пуче као сини громъ“; въ сл. о П. Иг.: „трепещуть синіи млъніи.“ Въ одной прусской народной сказкѣ гроза „гонитъ дьявола *синимъ* бичемъ.“ Синимъ пламенемъ клянутся.

Изъ всѣхъ Славянъ преимущественно у Сербовъ сохранилось во всемъ величіи представленіе о силѣ

---

*) Höfer, Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr. 1847, 1, 176—177.
**) Нарбут. Dzieje staroż. narod. litewsk. 1, 472.

и власти божественной молніи: она господствуетъ надо всѣмъ въ мірѣ, ею все устроено и приведено въ порядокъ. Такъ одна сербская пѣсня говоритъ, Вук. 1, N 230:

Стаде муня даре дијелити:
даде Богу небесне висине,
свѣтом Петру петровске врутине,
а Іовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији муніе и стријеле.

Самыя существенныя и важнѣйшія явленія нравственной жизни и природы внѣшней народъ возводилъ до предметовъ своего поклоненія, увлекаясь врожденнымъ стремленіемъ къ сознанію существа безконечнаго. Наименованія предметовъ священныхъ были дороги для народа, и онъ охотно любилъ припоминать ихъ, называя ими и горы, и урочища, и другіе предметы, съ которыми стоялъ въ близкомъ соотношеніи. Все непонятное въ природѣ казалось ему чудомъ, и переходило въ область вѣрованія. Самая жизнь и смерть, какъ предметы величайшей важности для человѣка, стояли въ ближайшей связи съ Миѳологіею. Отъ скр. джив живу, джӣва живой образуются два слова, одно съ суффиксомъ т: джӣвита, наше животъ; а другое съ суффиксомъ н: джӣвана, жизнь: слогъ -ана собственно имѣетъ смыслъ Лат-го -ficus, что видно изъ скр. прилагательнаго джӣв-ана vivificus; слѣдовательно чешск. živ-ena Ceres,

краткая форма котораго есть жива, объясняемая Ва-церадомъ въ glos. mat. verb (1202) по-латинѣ: dea frumenti, ceres,—значитъ *дающая жизнь*; на краинскомъ нарѣчіи планета Венера называется жива. Съ тѣмъ же суффиксомъ -ана отъ скр. мри умираю образуется скр. мар-ана, смерть, а въ краледвор. рук. дѣйствительно попадается имя божества: морана—т. е: *дающая смерть*, въ слѣдующемъ выраженіи: z Wesny po Morani, т. е. въ продолженіи всей жизни. Весна, съ тѣмъ же суффиксомъ н, имѣетъ корнемъ скр. вас свѣтить, скр. васанта—весна, и соотвѣтствуетъ богинѣ живѣ, или живенѣ, которой, какъ извѣстно изъ старинныхъ преданій, Славяне праздновали въ первыхъ числахъ Мая, т. е. весною. Еще до настоящаго времени Славяне, на пр. въ Чехахъ, имѣютъ обычай встрѣчать лѣто съ соломенной чучелой, которая называется mařena: ее сожигаютъ, припѣвая привѣтствія веснѣ и лѣту. Такимъ образомъ времена года, теплое и холодное — соединяются въ наивномъ чувствѣ народа съ представленіями о жизни и смерти. Съ помощію того же суффикса н, отъ скр. див блистать, играть, образуется див-ан, день, *подающій*, или *дѣлающій свѣтъ*, сокращенно: дина, откуда наше день; лат. Ju-no, по мнѣнію филологовъ, отъ Djov-ino, стоитъ въ родствѣ съ Diana (дающая свѣтъ), и содержитъ въ себѣ тотъ же суффиксъ н, которымъ образовалось наше день: даже согласно съ родомъ женскихъ божествъ по-лит. день diena женск. рода.—

Есть какая-то особая движущая сила въ языкѣ, соотвѣтствующая силѣ суевѣрія, посредствомъ которой

слово древнѣйшее, имѣющее смыслъ обыкновенный; переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію по разнымъ странамъ и народамъ, теряетъ свое обыкновенное, простое значеніе и принимаетъ миѳологическое, соединяясь съ повѣрьемъ. Таково др. рус. *навіе*. Скр. nac умирать перешло въ гот. naus (мн. naveis) мертвецъ, navis мертвый, образовавшія отъ себя рядъ словъ общаго съ мертвымъ тѣломъ значенія, каковы: navistr могила, ganavistroh погребать. Даже въ Испанію зашло это слово, вѣроятно съ сѣвера, и именно въ языкъ мошенниковъ, конечно не безъ основанія носящій имя germanía: на этомъ языкѣ мертвое тѣло называется navio. Такъ какъ это слово было общимъ достояніемъ сѣверныхъ народовъ индоевропейской отрасли, то его находимъ и въ древ. сканд. nâ мертвое тѣло; и въ латыш. nahwe смерть, nahwigs смертельный, ядовитый; nahweht убивать. И такъ во всѣхъ языкахъ это слово имѣетъ простое понятіе о смерти: въ древнерусскомъ же языкѣ, это слово, будучи древнѣйшаго происхожденія, какъ остатокъ періода временъ темныхъ, исполненнаго преданій и сказаній, получило смыслъ только мертвеца, являющагося между людьми, какъ привидѣніе. Это доказывается двумя мѣстами изъ лѣтописи по Лавр. списку: когда Янка, дочь Всеволода, привела изъ Грекъ Митрополита Іоанна Скопчина, объ немъ говорили: „се навье пришелъ;“ — „отъ года бо до года пребывъ, умре“ — замѣчаетъ лѣтописецъ, стр. 89. — Въ другомъ мѣстѣ, когда Полочане умирали отъ какого-то демонскаго рыска бѣсовъ, народъ го-

ворилъ: „яко навье бьютъ Полочаны“, стр. 92. Надобно обратить вниманіе на странную организацію слова навье: оно хотя означаетъ мертвеца, имѣющаго сверхъестественную способность ходить между людьми; однако употребляется какъ сущ. собирательное, средн. рода: такимъ противорѣчіемъ значенія грамматической формѣ опредѣляется необходимость предположить древнѣйшій періодъ этому слову, указанный нами въ языкахъ отрасли индоевропейской. Полное олицетвореніе навія находимъ въ скн. имени карлика: nâr, nâinn, т. е. мертвецъ. У Чеховъ въ XIV в. еще употреблялось naw въ смыслѣ могилы, на пр. у Далемила: potom krok jide do nawy; въ отрывкѣ Александр. ustlaw jinym w nàwi bydlo. У Славянъ сохранилось даже нав мертвецъ и навити убивать. Прослѣдивъ такимъ образомъ исторію этого слова, увидимъ односторонность слѣдующаго мнѣнія Г. Касторскаго *): „наконецъ что мы наши вѣрованія заимствовали отъ Литовцевъ, *неоспоримымъ доказательствомъ* служитъ суевѣрный слухъ, распространившійся при Всеволодѣ I во всей Руси, будто при семъ Великомъ Князѣ, въ Полоцкѣ, бѣси на коняхъ скакали по улицамъ и убивали гражданъ; такихъ оборотней народъ называлъ, по сказанію Нестора, навье. Nahwe значитъ у Леттовъ смерть.“ Авторъ опустилъ изъ виду то важное обстоятельство, что это слово и у Славянъ, и у другихъ род-

---

*) Начерт. Слав. Миѳ. стр. 66.

ственныхъ имъ народовъ употреблялось въ томъ же смыслѣ.

Безсознательная, первобытная жизнь народа, выражаемая въ языкѣ, по преимуществу отличается наивнымъ согласіемъ природы духовной человѣка съ силами природы физической. Свою собственную душу человѣкъ понимаетъ первоначально иначе, какъ въ связи съ явленіями міра внѣшняго: онъ догадывается о ней, какъ о силѣ, только по тѣмъ проявленіямъ творческой силы, какія замѣчаетъ въ окружающемъ его воздухѣ, въ водѣ и въ другихъ вещественныхъ элементахъ. Не по реторическому тропу составляетъ языкъ метафорическія выраженія, заимствованныя изъ воззрѣній на природу внѣшнюю, для означенія душевныхъ качествъ и способностей: а по глубоко коренящемуся въ народѣ вѣрованію, что повсюду въ природѣ распространена одна высшая сила, вездѣ дѣйствующая съ одинаковыми правами, и что тѣ душевныя движенія, которыя человѣкъ сознаетъ въ себѣ, присутствуютъ и въ окружающей природѣ, но до времени остаются нѣмы, выжидая своего чудеснаго явленія въ какомъ либо сверхъестественномъ существѣ. Божество, нѣкогда воочію представлявшееся смертнымъ, скрывается за явленіями природы, которыя потому и казались способными заключать въ себѣ такую же нравственную жизнь, какова и въ человѣкѣ. Самая Миѳологія есть не иное что, какъ народное созпаніе природы и духа, выразившееся въ опредѣлен-

ныхъ образахъ: потому-то она такъ глубоко входитъ въ образованіе языка, какъ первоначальнаго проявленія сознанія народнаго. Слово понимается каждымъ согласно съ его образомъ мыслей: а народъ, образуя языкъ, находится въ періодѣ безсознательнаго обоготворенія силъ природы: слѣдовательно весь языкъ, прошедши этотъ періодъ, удерживаетъ на себѣ слѣды первоначальнаго мышленія. Изобразительность въ наименованіи духовныхъ способностей произошла не отъ недостатка въ словахъ и не отъ ограниченности самосознанія: но отъ свѣжести воззрѣній на природу и отъ вѣры въ тайное съ нею общеніе человѣческой души. Въ слогѣ украшенномъ есть тропы только потому, что источникъ ихъ глубоко проникаетъ въ образованіе самаго языка: и только то украшеніе въ слогѣ хорошо, которое согласно съ первобытною, безыскуственною красотою формъ языка. Когда яснѣе сознавалось представленіе, выражаемое словомъ; тогда поэтическое украшеніе не только ближе подходило къ воззрѣніямъ языка, но даже какъ бы развилось изъ нихъ: потому-то древнѣйшая эпическая форма стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ образованіемъ слова.

Переводомъ Св. Писанія установилось болѣе опредѣленное нравственное понятіе словъ, означающихъ способности душевныя. Такъ въ О. Е. ψυχὴ переводится: душа, а πνεῦμα духъ; но это уже позднѣйшее, литературное примѣненіе этихъ словъ, собственное же ихъ значеніе открывается въ томъ воззрѣніи,

какое съ ними соединяли первоначально, и въ тѣхъ преданіяхъ, съ какими эти понятія стояли въ связи. Вѣроятно наши предки ясно сознавали значеніе этихъ понятій, когда такъ мѣтко умѣли ихъ употреблять, на пр. въ Ипат. 220: „позна въ себѣ *духъ* изнемогающъ ко исходу *души*.“

Словами *душа*, *духъ* человѣкъ роднилъ себя со всею окружающею себя природою, какъ бы для того, чтобы повсюду въ природѣ чувствовать свое присутствіе, и быть въ ея нѣдрахъ, какъ въ родной своей семьѣ. Вотъ главнѣйшіе образы, въ коихъ представляли себѣ душу и духъ языки индоевропейскіе *):

1. вѣтръ, дуновеніе. Какъ наше душа отъ ду-ть, черезъ ду-хъ, такъ лат. animus, anima, черезъ греч. ἄνεμος, происходитъ отъ глагола ан, затерянаго въ лат. и греч., но сохранившагося въ скр. ан дуть, откуда анила вѣтеръ, и въ гот. ana, удержавшемся въ сложной формѣ uz-ana exspiro, какъ наше издыхаю; отъ гот. ana происходитъ др. нѣм. unst procella. Слѣдовательно не только легкое дуновеніе и воздухъ, но и вѣтръ, и даже гроза и вьюга, по языку роднясь съ душею, выражаютъ какъ бы различныя степени напряженности душевныхъ силъ: по-

*) W. Humboldt, über Bhagavad-Gita, въ Gesam. Werke, 1, стр. 158.

добно тому какъ скн. ôdr означаетъ и духъ, умъ, и ярость, гнѣвъ.

2. дымъ, паръ. Отъ скр. дŷ agitare, commovere, concutere, образуется существ. дŷмас, въ лит. и у насъ безъ придыханія: dûmai, дымъ; въ лат. же только съ измѣненнымъ придыхательнымъ, но безъ твердаго согласнаго звука: fumus, вмѣсто humus: h измѣнилось въ f по свойству сабинск. нарѣчія, въ которомъ fedus вмѣсто hœdus, fircus—hircus, trafere—trahere, vefere—vehere *); въ греч. же совершенно согласная съ Санскритомъ форма, но только въ значеніи нравственномъ: θῦμός. Этимъ воззрѣніемъ въ языкѣ объясняется слѣдующее изобразительное выраженіе въ Соф. вр. 2, 333, о смерти В. К. Василья Іоанновича: „и видѣ Шигона духъ его отшедше аки *дымець малъ*.“

3. огонь. Въ преданіи о блудящихъ огняхъ, какъ душахъ некрещеныхъ младенцевъ, видна связь души съ огнемъ: но подъ огнемъ болѣе разумѣется жизнь, которая впрочемъ принималась за синонимъ духа и души. Старинное уподобленіе жизни зажженой свѣчѣ получаетъ въ народныхъ преданіяхъ необыкновенную свѣжесть повѣрія: такъ въ одномъ нѣмецкомъ сказаніи **), отличающемся чертами древ-

---

*) De lingua Sabina, scr. Henop, 1837, стр. 53, 54.

**) Grimm, Kind. u. hausmärch. 1, 258.

ности, смерть ведетъ своего любимца врача въ подземный адъ: „и горѣли тамъ тысячи свѣтильниковъ, видимо не видимо, были и большіе, и средніе, и малые. Не проходило ни минуты, чтобы одни не погасали, и другіе не вспыхивали вновь, такъ что пламя безпрестанно трепетало. „Смотри, говорила смерть: „это свѣтильники человѣческой жизни: большіе у дѣтей, средніе у взрослыхъ, а малые у стариковъ. Но бываютъ и у дѣтей, и у взрослыхъ малые.“ Согласно съ этимъ сказаніемъ нашъ глаголъ воскресать, въ О. Е. въскрьснѫти, ἀναστῆναι, не грецизмъ, но происходитъ отъ крес, не только огонь, но и день Ивана Купала; кресати, кресити, откуда кресник іюнь, т. е. мѣсяцъ огня, какъ кельт. mí-na-bealtine май.

4. вода, кровь. Не только огонь и воздухъ, но и вещества текучія являются образомъ души человѣческой. Согласно съ вѣрованіемъ въ воды гот. sáivala душа, arc. sâvl, скн. sâl, др. нѣм. sêola, родственно съ гот. sáivs море, вода: слѣдовательно душа, по этому представленію, имѣетъ силу переливаться и волноваться, струиться: потому она и можетъ изливаться вмѣстѣ съ кровію, какъ, напр., видимъ въ слѣдующемъ выраженіи Ипат. 193: „и летящу ему до землѣ изыде душа его съ кровью во адъ.“

5. сила. Душа, какъ внутренняя сила, въ языкѣ эпическомъ приписывается и предметамъ неодуше-

вленнымъ, или означаетъ силу физическую: такъ у Гомера находимъ: μένος χειρῶν, Ил. 5,506, πυρὸς κρατερὸν μένος, Од. 11,220: въ этомъ смыслѣ гомерическому μένος соотвѣтствуетъ въ Эддѣ auðr обиліе, богатство: auðr fura vis pinorum *). Съ гр. μένος, лат. mens родственна Minerva, по-сабинск. Menerva **), откуда въ пѣсняхъ салич. глаголъ promenervat вмѣсто monet ***): точно такъ и въ санскритѣ одного и того же происхожденія и манас animus, mens, и Ману богъ, т. е. возведенный до обоготворенія разумъ: отъ глагола ман cogitare, putare, credere, откуда лат. memini, moneo, наши мню, па-мять, лит. menù воспоминаю, pri-manus разумный, въ ближайшей формѣ къ санскриту; столь же первобытно и гот. man думаю, ga-man воспоминаю: отсюда др. нѣм. minna любовь, minnôn любить, воспоминать любезное; въ скн. же глаголъ minna только въ значеніи воспоминанія. Замѣчательно, что питье въ память умершихъ по скн. называлось minni, совершенно согласно съ нашимъ обрядомъ по усопшихъ, называемымъ: поминки, словомъ, родственнымъ скн-у minni. Производство Боппа нѣм-го minna и нашего милъ, лит. mylìu, miêlas отъ скр. мид, минд pinguem, adiposum, unctum esse, чрезъ ассимиляцію изъ minda въ minna, и чрезъ измѣненіе д въ л, въ мил, —кажется усиленнымъ.

---

*) Lieder d. alt. Edda, изд. Grimm. стр. 8.
**) De lingua Sabin. стр. 12.
***) Hartung, die Relig. d. Römer. 2, 78.

И такъ въ языкѣ народъ созналъ душу, согласно съ своими преданіями, въ тѣхъ элементахъ и силахъ, которымъ поклонялся, олицетворяя ихъ въ образѣ божества. Конечно божество должно было имѣть душу, духъ или жизнь, и потому не было ничего естественнѣе сознать духовную силу въ обоготворенномъ веществѣ. Человѣкъ раздѣлялъ свою духовную природу на двѣ области: частію возводилъ ее до обоготворенія, частію низводилъ до вещественной природы: и такимъ образомъ безсознательно чувствовалъ въ себѣ два противоположныя начала — вѣчное и тлѣнное, осязательно совокупивъ ихъ въ образъ своего божества.

Переселеніе душъ, столь всеобще признанное древними, было необходимымъ убѣжденіемъ народной вѣры. Вмѣстѣ съ вѣрою съ чудеса природы, мы потеряли къ ней и ту искреннюю любовь, какую питали создатели нашего языка. Заодно съ языкомъ европейскіе народы наслѣдовали вѣру въ исхожденіе души изъ человѣка въ предметы окружающей природы. Обычны миѳологическія выраженія древней эпической поэзіи, напр. въ Крал. ркпс. (jelen):

Wyrazi z junoše dušu, dušicu,
sie wyletě pěkným tahlým hrdlem,
z hrdla kràsnýma rtoma.
aj tu ležie!
teplà krėw za dušicù teče, za otletlú,
syrà země wrelú krew pije.

Душу, по древнему выраженію, можно выронить изъ тѣла, какъ нѣчто вещественное: „единъ же

изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожерелье“, Сл. о П. И. Эпическія выраженія: *жемчужная душа*, и *выронить душу*, *какъ жемчужину*, совершенно согласуются съ древнеиндійскимъ представленіемъ душъ въ видѣ жемчужинъ: всѣ души, отдѣляясь каждая другъ отъ дружки своимъ тѣломъ, какъбы нанизаны на одной ниткѣ, ибо подлежатъ общему имъ всѣмъ вліянію *). Хотя тоже въ духѣ древности, но свободнѣе и своеземнѣе слѣдующее эпическое выраженіе въ Сл. о П. И.: „вѣютъ душу отъ тѣла.“

Согласно съ воздушнымъ образомъ души, суевѣрія эпическія изображаютъ ее летающею вмѣстѣ съ птицами, на пр. въ Крал. ркпс. Забой и Славой:

tamo i wěle duš těkà sémo tamo po dřewech,
jich bojie sě ptactwo i plachý swěř,
jedno sowy nebojà sě.

Онѣ летаютъ по деревамъ до тѣхъ поръ, пока не сожгутся тѣла, имъ принадлежавшія. Финны и Литовцы млечный путь называютъ *дорогою птицъ*, т. е. душъ. На древнѣйшихъ надгробныхъ камняхъ обыкновенно изображался голубь, въ знакъ отлетѣвшей души. Душа усопшаго, подобно сѣмени, коренится въ землѣ, и всходитъ деревомъ на могилѣ, на которой обыкновенно воркуетъ голубь:

---

*) Bohlen, das alte Indien, 1, 176.

na tei mogile wyrósł ci dąbeczek,
na niej bieluchny siada gołąbeczek,

говоритъ одна подольская пѣсня. (Войциц. piesn. lud. 1, 73). На могилѣ убитаго брата, по русскому сказанію, выросъ тростникъ: пастухъ срѣзалъ тростинку, сдѣлалъ изъ нея дудку, и она человѣческимъ голосомъ пропѣла, какъ и кто убилъ несчастнаго: душа, переселившаяся въ растеніе, даетъ знать о себѣ печальною пѣснею. Этотъ мотивъ является уже подновленнымъ въ народномъ нѣмецкомъ сказаніи о поющихъ костяхъ: пастухъ поднялъ кость убитаго, приставилъ ее къ своему рогу, и она запѣла *): это уже не такъ складно, и нѣсколько натянуто.

Представленіе о переселеніи душъ глубоко проникло въ языки индоевропейскіе: индійское правосудіе опредѣляло миѳическую казнь переселенія душъ за воровство; виновный переселялся въ такое животное, которое по своему названію могло напоминать украденный предметъ: такъ по закону Ману укравшій корову—*го*, переселялся въ ящерицу *год'а*, похитившій огонь—*павака*—въ птицу *вака* **). Большая часть метаморфозъ классическихъ основывается также на языкѣ: это заставляетъ думать, что въ періодъ образованія языка многія слова должны бы-

---

*) Grimm, kind. u. hausmärch. 1, 175.

**) Deutsch. Rechtsalterth. Grimm. 1828, XIV.

ли составиться по убѣжденію въ переселеніе душъ. Остаткомъ этого древнѣйшаго періода языка надобно почесть наше областное названіе бабочки: *душичка*, напр. въ Яросл. губ. На другомъ концѣ Европы, именно въ языкѣ басск., находимъ подобное же представленіе, но опредѣлительнѣе: бабочка по-басск. astoaren arima, собственно *ослиная душа*, отъ astoa оселъ и arima душа *). Это старобытное представленіе души въ видѣ бабочки— можетъ быть, первоначально основанное на такомъ же поэтическомъ воззрѣніи, по которому и теперь поэты сравниваютъ душу съ бабочкою—осталось доселѣ въ сербскомъ преданіи о колдуньѣ **): вјештица одаржима злымъ духомъ, излетающимъ изъ нея во время ея сна въ видѣ бабочки: потому по-слов. vesha называется и колдунья, и бабочка, и даже блудящій огонь, въ который также любитъ переселяться душа.

И такъ коренящееся въ языкѣ преданіе о переселеніи душъ переходитъ въ вѣрованіе въ оборотней: „се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ“—Калайд. Іоан. Екс. Бол. 211. Народная по-

---

*) W. Humboldt, über die cantabr. oder baskisch. spr. 1817, въ прибавленіи ко 2-й части Аделунгова Митридата.

**) Вук. Српски рјечник, 1818, стр. 74.

эзія являетъ намъ постепенность въ сохраненіи преданія объ оборотняхъ: она или изображаетъ своихъ героевъ дѣйствительными оборотнями, какъ напр. въ др. рус. ст. 47:

> втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
> а и первой мудрости учился
> обертываться яснымъ соколомъ,
> ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
> обертываться сѣрымъ волкомъ,
> ко третей-то мудрости учился Волхъ
> обертываться гнѣдымъ туромъ —золотые рога—

или же употребляетъ эпическія формы, уподобленія, творительный сравненія, эпитеты, въосновѣ коихъ лежитъ повѣріе, какъ напр. въ Сл. о П. Иг. (Боянъ растѣкашется) „сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы“; онъ называется соловьемъ стараго времени, а соловей, славій происходитъ отъ *слово, слава*, соотвѣтственно среди. лат. bardaea, bardala, которое наоборотъ, означая жаворонка (по Дюканжу), происходитъ отъ названія поэта: кельт. bard, уже у Феста: bardus gallice cantor. Далѣе въ Сл. о П. Иг. особенно замѣчательно описаніе подвиговъ Всеслава, все проникнутое представленіемъ объ оборотнѣ: „скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града—скочи влъкомъ до Немиги—самъ въ ночь влъкомъ рыскаше—великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше“: потому-то поэтъ, совершенно согласуясь съ преданіями южныхъ Славянъ о вѣщицахъ, называетъ его душу *вѣщею*: „аще и вѣща душа въ

друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше". Слѣдующія эпическія выраженія: (Князь Игорь) „връжеся на брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, *и полетъ соколомъ* подъ мьглами *избивая гуси и лебеди, завтроку* и *обѣду* и *ужинѣ*" — совершенно соотвѣтствуютъ чудесамъ Волха:

Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
онъ обернется яснымъ соколомъ,
полетѣлъ онъ далече на сине море,
а бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
а и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
а *поилъ, кормилъ* дружинушку хорабрую

Пѣсня Ярославны, столь глубоко проникнутая миѳологическими представленіями, начинается эпической формою, основанной на метаморфозѣ: „полечю, рече, зегзицею по Дунаеви". Не нужно упоминать о всеобщности славянскихъ преданій о превращеніи несчастныхъ женщинъ въ кукушку: замѣтимъ только, что у Нѣмцевъ съ этой птицей соединяется память о древнѣйшемъ возмездіи за воровство: по нѣмецкому преданію, въ кукушку превратился хлѣбникъ, воровавшій у бѣдныхъ тѣсто.

Древнѣйшее понятіе объ отношеніи человѣка къ природѣ во всей ясности выразилось въ народныхъ преданіяхъ о сотвореніи міра. Или изъ частей человѣческаго тѣла преданіе творитъ весь міръ, или наоборотъ, важнѣйшія и существенныя составныя ча-

сти природы входятъ въ составъ человѣка. Уже индійскій миѳъ смѣшиваетъ и то, и другое начало: небо произошло отъ черепа Брамы, и наоборотъ глаза человѣка отъ солнца, волосы отъ растенія, кости отъ камня, кровь отъ воды. Нѣмецкія преданія примѣняютъ микрокосмосъ къ макрокосмосу, и Эдда всю природу создаетъ изъ трупа убитаго Имира: отъ крови его моря и воды, отъ тѣла земля, отъ костей горы, отъ зубовъ и размозженныхъ костей утесы и скалы, изъ черепа небо, отъ мозга облака, и изъ бровей его мидгардъ или вселенная. Для полноты преданія слѣдуетъ присоединить сюда слѣдующую латинскую приписку съ аге. переводомъ *), вставленную переписчикомъ въ рукопись X вѣка: acto pondera de quibus factus est Adam. pondus limi, inde factus (sic) est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhela frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.“ Наконецъ къ этому надобно прибавить еще древнѣйшія преданія о созданіи жилъ изъ корней, волосъ изъ травы, ума отъ облака и глазъ отъ солнца, въ нѣм. поэмѣ о Четвероевангеліи XII в.

von den wrcen gab er ime (Богъ человѣку) di âdren
von dem grase gab er ime daz hâr,

---

*) Rituale ecclesiae dunelmensis, London, 1839.

von den wolchen daz müt,
dü habet er ime begunnen
der ougen von der sunnen.

Это разсѣянное по нѣмецкимъ племенамъ сказаніе о сотвореніи міра глубоко проникло въ преданія русскія, и долго удерживалось въ народѣ, будучи освящено христіанскими понятіями, въ такъ называемомъ стихѣ *о Голубиной книгѣ* *). Оно такъ срослось съ убѣжденіемъ и кругомъ воззрѣнія народа русскаго, что могло быть заимствовано только изъ общаго индоевропейскаго источника. Сличеніе этого стиха съ нѣмецкими и другими сказаніями можетъ предложить, такъ сказать, варіанты для возсозданія первобытнаго преданія.

Изъ стиха о Голубиной книгѣ:

у насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа
самого Христа, Царя небеснаго;
солнце красное отъ лица Божьяго
самого Христа, Царя небеснаго;
младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
самого Христа, Царя небеснаго;
звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ,
самого Христа, Царя небеснаго
ночи темныя отъ думъ Господнихъ,
самого Христа, Царя небеснаго;
зо̀ри утренни отъ очей Господніихъ,

*) С. П. Шевырева Исторія Русской Словесности, 1846, выпускъ 1, стр. 237.

самого Христа, Царя небеснаго;
у насъ умъ-разумъ самого Христа,
сомого Христа, Царя небеснаго;
15. наши помыслы отъ облакъ небесныхъ;
у насъ міръ-народъ отъ Адамія,
кости крѣпкія отъ камени,
тѣлеса наши отъ сырой земли,
кровь-руда наша отъ черна моря.

Варіанты изъ чужеземныхъ сказаній и объясненія:

И до сихъ поръ еще думаютъ видѣть въ солнцѣ образъ лица, что совершенно согласно съ древне-христіанскимъ представленіемъ этого свѣтила *). Но всего вѣроятнѣе предполагать, что первоначальный образъ солнца *око*, равно какъ и звѣзды и мѣсяцъ— очи Божія; хотя нашъ стихъ и отдѣляетъ каждое изъ свѣтилъ для полнѣйшаго соотношенія природы съ представленіями древне-христіанскими. Скн. поэты называютъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды *очами неба*, а глазъ человѣка— солнцемъ, черепъ мѣсяцемъ, брови звѣздами; солнце по крайней мѣрѣ на десяти языкахъ восточнаго Архипелага называется *окомъ дня* **). Какъ великаны, такъ и богъ Wuotan (т. е. небо) имѣютъ только одинъ глазъ, который вмѣстѣ есть и колесо, и щитъ. Замѣчательно, что у Сербовъ глубо-

---

*) Maszmann, der Egsterstein in Westfalen, 1846.

**) Talvj, Versuch einer geschichtl. Charakt. d. Volkslied. germ. Nat. 1840, 3.

чайшее мѣсто въ морѣ называется *око* *). Съ этимъ миѳологическимъ представленіемъ вѣроятно стоитъ въ связи прекрасное, поэтическое выраженіе въ сербск. пѣсн.: *моје чарне очи*—два бистра кладенца, Вук. 1, 252. Восходъ солнца называется у Сербовъ окномъ Божіимъ:

од божиег прозора,
од сунчевог истока,

Вук. Серб. пѣсн. 1, 207. Какъ прозор происходитъ отъ зор—свѣтъ, и срб. зрак, зрака значитъ солнечный лучь: что согласно съ стихомъ: зори утренни отъ очей господнихъ; такъ окно происходитъ отъ око, чему аналогическимъ доказательствомъ можетъ служить гот. auga-dauro, окно, собственно *дверь оку*. Наблюдательный взглядъ на природу, выражающійся къ языкѣ, и самому лицу даетъ значеніе отъ глазъ, и какъ бы изъ впечатлѣнія, производимаго глазами, развиваетъ для себя представленіе о цѣломъ лицѣ: такъ лице по-басск. beguitartea, собственно *между глазъ*, или, если по́зволено такъ выразиться, *междуглазіе* **), отъ beguia—глазъ. Такое художественное чувство, проникающее языкъ, встрѣчается съ пластическимъ воззрѣніемъ скульптуры греческой, возсоздавшей типъ Юноны, взявъ за основаніе глаза

---

*) Вук. Монтенегро, 62.

**) W. Humboldt, über d. cant. oder bask. Spr.

ея, по гомерическому эпитету: βοῶπις *). Блескъ и зеркальное отраженіе глазъ не могли не произвесть сильнаго впечатлѣнія на составителей языка: любопытно слѣдующее толкованіе Памвы Берынды: „Зѣница, зѣнка, *чоловѣчокъ*, зреница.“

Представленіе грудей въ мѣсяцѣ являетъ весьма замѣчательное отклоненіе отъ преданій другихъ народовъ. Груди вѣроятно означаютъ пятна на лунѣ. Индійскій богъ луны, Чандрас, носитъ зайца, потому и луна называется по-скр., отъ çaça заяцъ: çaça-ḍ'ara носящій зайца, çaç-âṅka имѣющій знакъ зайца, çaç-in зайчій. Ипат. сп. 188 стр., упоминаетъ о поклоненіи Литовцевъ „заячему богу“, соединенномъ съ слѣдующимъ повѣріемъ: „егда выѣхаше на поле и выбѣгняше заяць на поле, въ лѣсъ рощенія не вохожаше ину и не смѣяше ни розгы уломити.“ Это суевѣріе, столь распространенное у насъ, есть и у Финновъ: такъ описываетъ финская поэма **) поѣздъ жениха и невѣсты: „проѣхавъ немножко съ женихомъ своимъ, взглянула она на чистое поле, и говорила: кто это скочилъ поперекъ дороги? Ильмариненъ отвѣтъ держалъ: заяцъ скакалъ поперекъ дороги, зайчикъ перескакивалъ. Кабы знала вѣдала, говорила невѣста, лучше бы я прыгнула изъ саней, и сама топтала тропу заячью.“

---

*) C. A. Böttiger, Ideen zur Kunst-Mythologie, 1836, 2, стр. 311—312.

**) Höfer, Zeitschr. f. d. Wissesch. d. Spr. 1845, 1, стр. 34.

Согласно съ индійскимъ миѳомъ, у насъ до сихъ поръ объясняютъ колеблющееся отраженіе свѣта на стѣнѣ игрою зайчика. И можетъ быть, заступленіе дороги тьмою померкнувшаго свѣтила ведетъ свое начало оттуда же. — Скандинавское преданіе объясняетъ пятна на лунѣ двумя дѣтьми, которыхъ взялъ къ себѣ мѣсяцъ, когда они несли ведро воды на коромыслѣ: ихъ видятъ и теперь. Согласно съ этимъ, наши предки въ лунныхъ пятнахъ видѣли также двѣ фигуры человѣческія, что явствуетъ изъ слѣдующаго описанія луннаго затменія: „въ тоже веремя бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ въстока до запада, измѣняючи образы своя: быть первое и убываніе помалу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудно, черно (замѣчательный варіантъ въ Воскр. сп. 2, 59: яко сукно чрно), и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко *двѣ лици имущи*, одино зелено, а другое желто, и посреде ея яко *два ратьная* сѣкущеся мечема, и одиному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старіи людіе „не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть“ — еже бысть.“ Ипат. 90.

Происхожденіе помысловъ отъ *облакъ небесныихъ* является въ Эддѣ въ изобразительномъ представленіи сотворенія облаковъ изъ мозга Имира. Латинскій писецъ X в. мысль нашего стиха выражаетъ такъ: „pondus nubis, inde est instabilitas mentium,“ а нѣм. поэтъ XII в. говоритъ:

von den wolchen daz mŭt.

Происхожденіе крѣпкихъ костей отъ камня согласно съ индійскимъ преданіемъ о созданіи костей человѣка изъ камня, выразившемся въ скн. миѳѣ о созданіи горъ и скалъ изъ костей и зубовъ Имира. Др. нѣм. поэтъ XII в. говоритъ:

von dem steine gab er ime daz pein.

Сотвореніе тѣла изъ земли есть общее всѣмъ народамъ преданіе, изобразительно выраженное въ Эддѣ въ представленіи тѣла убитаго Имира.

Уже Индійцы производили кровь отъ воды; въ скн. преданіяхъ не только всѣ воды отъ крови Имира, но и самый потопъ произошелъ отъ того же: и въ крови Имира потонули всѣ великаны. Съ нашимъ стихомъ согласуется др. нѣм. поэтъ XII в.:

von dem mere gab er ime daz plut;

но писецъ X в. предлагаетъ замѣчательное разночтіе: „pondus ignis, inde rubens est sanguis est calidus.“ Можетъ быть это представленіе вышло изъ вѣрованія въ огонь, какъ источникъ жизни, и въ исхожденіи души вмѣстѣ съ кровію.

И такъ космогоническое преданіе о сотвореніи человѣка не только своеземно у насъ, но и являетъ замѣчательное дополненіе къ преданіямъ прочихъ народовъ. Мало того. Оно такъ вкоренилось въ народ-

ныя вѣрованія, что еще и доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣріяхъ, и именно такъ догматъ въ расколѣ Духоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи человѣка: человѣкъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ имѣлъ тѣло лучшаго, совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ *мирномъ тѣлѣ*. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака.—Это замѣчательное суевѣріе особенно важно потому, что служитъ дополненіемъ къ стиху о голубиной книгѣ, и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями. Нѣм. поэтъ XII в. также производитъ жилы отъ корня:

von den wrcen gab er ime di âdren.

Этимъ объясняется эпическій колоритъ слѣдующаго мѣста у Даніила Заточника: „тѣло основается жилами, и дубъ крѣпится множествомъ коренія.“ Какъ корень есть источникъ жизни растенія, такъ и жила сознается въ языкѣ орудіемъ жизни, будучи произведена отъ жи-ти, точно такъ, какъ отъ скр. бал жить, бала кровь и келт fuil — кровь. Въ суевѣріи Духоборцевъ о происхожденіи волосъ отъ травы сохраняется преданіе индійское, удержанное и нѣмецкимъ поэтомъ:

von dem grase gab er ime daz hâr.

Какъ эпическая форма, это преданіе и доселѣ осталось въ народной поэзіи, на пр. въ Серб. пѣсн., Вук. 1, 252:

Моја ситна коса зелена ливада.

Происхожденіе мысли отъ вѣтра и благодати отъ облака напоминаетъ лат. приписку X в: „pondus *nubis*, inde est instabilitas mentium; pondus *venti*, inde est anhela frigida; pondus *gratiae*, inde est sensus hominis.“

Самое названіе: *голубиная* книга, кромѣ Христіанскаго значенія, могло согласоваться съ древнѣйшими преданіями, которыя, встрѣтясь съ Христіанскими символами, голубямъ приписали твореніе міра. Это замѣчательное преданіе, какъ отрывокъ того же великаго эпоса о сотвореніи міра, сохранилось въ одной колядкѣ Карпатскихъ Руссовъ *). Чтобъ видѣть, какъ отдаленное преданіе сохраняется въ памяти народа, хотя и въ неясныхъ, неопредѣленныхъ намекахъ, сообщаемъ ее сполна:

Колись то було зъ початку свѣта,
Подуй же, подуй Господи, зъ Духомъ Святымъ по землѣ!

втоды не було неба ни земли,
неба ни земли, нимъ сине море,

*) Кастомарова, Объ историч. значеніи русск. народн. поэзіи. 1843. стр. 66—67.

а середъ моря та два дубойки́:
сѣли-упали два глубойци́,
два голубойци́ на два дубойки,
почали собѣ раду радити,
раду радити и гуркотати:
якъ мы маемо свѣтъ основати?
спустиме мы ся на дно до моря:
вынеме си дри́бного пи́ску,
дри́бного пи́ску, синёго каменьце,
дри́бный пи́сочокъ посѣеме мы,
сини́й ками́нець подунеме мы.
Зъ дри́бного пи́ску—чорна землиця,
студена водиця, зелена травиця;
зъ синего каминьця—синьее небо,
синьее небо, свѣтле сонейко,
свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ,
ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки.

Сотвореніе земли и неба отъ птицы находимъ также въ финскомъ эпосѣ *): орелъ свиваетъ гнѣздо на колѣнѣ Вэйнэмёйнена, и кладетъ въ него яица: Вэйнэмейненъ, почувствовавъ на себѣ теплоту, хватается за колѣно: яица падаютъ въ море, и онъ творитъ изъ нихъ землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды. По финнскому эпосу, вначалѣ ничего не было, кромѣ моря. Касательно двухъ дубовъ, упоминаемыхъ въ карпатской колядкѣ, должно замѣтить, что дубъ дерево священное, принадлежавшее по преимуще-

*) Uber d. finnische epos, статья Я. Гримма, въ Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr. 1845 N 1., стр. 27.

ству Перуну, а у Римлянъ Юпитеру, такъ что даже жолудь называется по-лат. juglans, т. е. jovi-glans, jovis glans. Въ скн. сказаніяхъ сохранилось преданіе о всемірномъ древѣ, простирающемъ свои вѣтви по всему міру и пускающемъ корни не только въ землю, но и въ адъ, и простирающемся до небесъ.

Преданія мало по малу вытѣсняются Христіянствомъ и образованностью; сказанія, не поддерживаясь общимъ интересомъ, предаются забвенію; вѣрованія, отдѣлившись отъ жизненныхъ вопросовъ, превращаются въ суевѣрія и искажаются. Что же остается намъ въ наслѣдство отъ нравственныхъ убѣжденій и вообще отъ духовной жизни нашихъ предковъ? — Отжившихъ повѣрій не воскресить. Народныя сказанія и пѣсни и для тѣхъ, кто ихъ понимаетъ и цѣнитъ, не болѣе, какъ антикварная рѣдкость. Даже простой народъ, по мѣрѣ распространенія грамотности, легко разстается съ своими преданіями и повѣрьями. Миѳологія народная видимо гибнетъ, и никакая нравственная сила не можетъ вдвинуть ее въ интересы житейскіе. Едва ли наука должна жалѣть о такой невозвратимой утратѣ, какъ бы ни была увлекательна возникающая изъ древнихъ сказаній первобытная фантазія простосердечнаго народа. Жизнь народа идетъ по своимъ нравственнымъ законамъ движенія, столь же строгимъ, какъ и законы небеснаго механизма, въ силу которыхъ невозможно обратное теченіе планеты вокругъ солнца.

Но сколько бы народъ ни отклонился отъ своего первобытнаго состоянія: пока онъ не утратитъ своего

языка, до тѣхъ поръ не погибнетъ въ немъ духовная жизнь его предковъ. Мысль, извнѣ привитая къ слову, никогда не оснлитъ живаго образа, въ немъ впервые возсозданнаго. И если народъ силою своего умственнаго образованія разовьетъ самостоятельно строгую мыслительность въ предѣлахъ своего собственнаго языка: то это возможно неиначе, какъ только по глубокому и искреннему сочувствію, хотя и не всегда отчетливому, съ тѣми представленіями, какія лежатъ въ основѣ самаго языка. Вмѣстѣ съ родцымъ языкомъ мы нечувствительно впитываемъ въ себя всѣ воззрѣнія на жизнь, основанныя на вѣрованіяхъ и обычаяхъ, въ которыхъ языкъ образовался: и какъ преданія, донесшіяся до насъ изъ отдаленныхъ вѣковъ только въ звукѣ, миѳологія народная долго, будетъ жить въ языкѣ своей яркой изобразительностью и мѣткимъ взглядомъ на природу.

II.

ПЕРІОДЪ

ХРИСТІАНСКІЙ.

Оправданіе и предѣлъ всякому умственному развитію въ формахъ языка опредѣляются введеніемъ Христіянства и переводомъ Св. Писанія. Слово Божіе, оглашаясь на языкѣ необразованномъ, выводитъ его изъ предѣловъ домашняго, односторонняго воззрѣнія на общечеловѣческое поприще отвлеченной, нравственной мысли. Живость начальнаго впечатлѣнія уступаетъ величію влагаемой въ слово идеи, и Христіянство сглаживаетъ съ языка его изобразительность, воспитанную язычествомъ, точно также, какъ ниспровергаетъ мраморныя изображенія видимыхъ божествъ. Слѣдовательно возведеніе слова отъ наглядnаго представленія до общаго понятія, совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, получаетъ первое и рѣшительное направленіе отъ перевода Св. Писанія: а такъ какъ уясненіе вы-

сокаго ученія Христіянскаго есть окончательное стремленіе мысли; то языкъ перевода Св. Писанія, въ продолженіе всего литературнаго движенія языка, не престаетъ оказывать вліяніе при каждой новой попыткѣ разширить значеніе слова, по мѣрѣ развитія мыслительности. Какъ исторія живописи опредѣляется непрестанной борьбой Христіянскаго воодушевленія съ вещественностью формы и подражаніемъ природѣ: такъ и исторія языка предлагаетъ непрестанное колебаніе отвлеченной мысли и живаго представленія, другъ другу оказывающихъ обоюдное противодѣйствіе. Слѣдовательно существенный вопросъ въ исторіи языка во время перевода Св. Писанія состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ языкъ отъ первоначальныхъ своихъ воззрѣній, глубоко проникнувшихъ и въ жизнь, и въ вѣрованія, и въ преданія народныя, мало по малу переходитъ къ ясному выраженію Христіянскихъ понятій.

1. ВОЗВЕДЕНІЕ ИСТОРІИ СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА КЪ IV ВѢКУ.

Разсматривая славянскій переводъ Св. Писанія съ точки зрѣнія лингвистической, мы убѣждаемся въ той мысли, что переводчики старались передать слово Божіе и идеи Христіянскія во всевозможной чистотѣ. Все что только напоминало обрядъ или обычай, противный Христіянству, всякое слово, имѣвшее смыслъ языческаго поклоненія, они почитали недостойными чистоты Евангельской. Нѣтъ сомнѣнія, что славянскій языкъ уже задолго до Кирилла и Меѳодія

служилъ органомъ Христіянскихъ понятій: въ противномъ случаѣ никакъ не возможно было бы избѣжать словъ и выраженій, намекающихъ на языческій бытъ, при первой попыткѣ переложить Священное Писаніе. Благочестивые переводчики, Греки по преданію, твердо и основательно знали славянскій языкъ; и слѣдовательно, какъ ревностные христіяне, могли почерпнуть свое знаніе славянскаго языка только изъ источника Христіянскаго. Христіянъ между Славянами было уже много во время перевода Св. Писанія: *) по свидѣтельству лѣтопис. IX в. Anast. Bibliothecar., Assemani, II, 190: еще въ V вѣкѣ по Р. Х., Болгары, завоевавъ Мизію, застали тамъ Славянъ-Христіянъ, у которыхъ были цареградскіе священники. Въ VI в. значительныя должности свѣтскія и духовныя въ Цареградѣ занимали Славяне: Доброгостъ, Всегрдъ, Тетимиръ, Оногостъ. Но обратимся къ свидѣтельствамъ собственно лингвистическимъ. Здѣсь-то особенно важенъ для насъ языкъ готѳскій. Готѳы уже въ IV вѣкѣ получили переводъ Св. Писанія, а они по мѣсту жительства и по историческимъ своимъ судьбамъ, постоянно находились въ сношеніяхъ съ Славянами, въ концѣ IV вѣка у нихъ была даже своя особая церковь въ Цареградѣ, и училище для

---

*) Мацеёвскаго Истор. первобытн. Христ. Церкви у Славянъ, 20—36.
Шафар. Slow. Starož. 602.

Готѳовъ, гдѣ учили по-готѳски. Даже въ X в. у Констант. Багрянороди. de caeremon. aulae byzant. 1, 83, упоминается такъ называемый *Готѳикопъ*, драматическое представленіе (παίζειν το γοτθικόν). Слова припѣва варварскія, и готѳскимъ языкомъ объяснены быть не могутъ. Видно, что сами Греки подъ Готѳами разумѣли народъ не одного и того же языка, а смѣсь.

Вообще строгаго отдѣленія народностей, во время средневѣковаго движенія народовъ, быть не могло. Броженіе и столкновеніе племенъ отразились и въ языкѣ. Хотя, по внутреннимъ законамъ своего организма, языкъ отдѣлялся отъ языка, какъ народъ отъ народа: однако, увлекаясь общею судьбою въ историческомъ движеніи, непрестанно сталкиваясь общими интересами, народы передавали другъ другу свою народность и языкъ: или лучше сказать, самая народность племенъ и нарѣчій, будучи общею между варварами, какъ бы кристаллизовалась отъ обоюднаго столкновенія и мѣны словъ и понятій. Преданія и вѣрованія, вмѣстѣ съ звуками ихъ выражавшими, связывали между собою варваровъ, замѣняя имъ то общечеловѣческое братство, какимъ роднятся между собою народы образованные. Слово одного племени отзывается часто подобнымъ же словомъ у другаго: потерянное у Славянъ сохраняется въ нарѣчіяхъ сѣверныхъ; иногда непонятная и безсознательно употребляемая форма у Нѣмцевъ живетъ органически и сознательно въ устахъ Славянъ. Историческое движеніе словъ изъ

одного языка въ другой, изъ одного нарѣчія въ другое, свидѣтельствуетъ намъ о той братственности народовъ, которая уже является намъ расторгнутою совершеннымъ разрывомъ въ періодъ историческій. Даже самая вражда служила для народовъ и языковъ не маловажнымъ средствомъ къ единенію мыслей, къ общенію духовному, служа проводникомъ словъ и понятій отъ одного народа къ другому. Стройное отдѣленіе одной народности отъ другой условливается порядкомъ общественнымъ, устройствомъ политическимъ: а въ глубокіе средніе вѣка этого между варварами быть не могло. Стремленіемъ сѣверныхъ народовъ къ югу, и распространеніемъ Христіянства между варварами отъ юга къ сѣверу, опредѣляется то направленіе, какимъ влеклись народы и какъ сталкивались въ своемъ броженіи. Христіянство, распространяясь между народами разныхъ языковъ и повѣрій, сглаживало слѣды ихъ отличій, и такимъ образомъ древнія вѣрованія и слова, ихъ выражавшія,—различныя по своей мѣстности,—примѣняясь къ понятіямъ Христіянскимъ, болѣе и болѣе теряли свой первобытный характеръ, и другъ съ другомъ сближались: Христіянство было тѣмъ центромъ, къ которому сходились всѣ разнообразныя вѣрованія и обычаи разнородныхъ племенъ.

Вотъ основанія, по которымъ мы можемъ признать важнѣйшимъ источникомъ для исторіи языка славянскаго переводъ Библіи, сдѣланный Ульфилою. Показавъ отношеніе Христіянскихъ понятій къ языку перевода IV в.

и къ языку перевода Кирилла и Меѳодія IX в., мы опредѣлимъ для себя періодъ исторіи языка, отъ языческихъ преданій мало по малу переходящій къ чистотѣ Христіянскихъ идей.

Но сначала обратимъ вниманіе на историческую связь языка готѳскаго съ славянскимъ. Особенно любопытны для исторіи такія формы, которыя, будучи образованы средствами одного языка, получаютъ право гражданства въ другомъ. Таковы въ славянскихъ нарѣчіяхъ слова, коимъ въ готѳскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ образующіяся приставкою ga- (нѣмецкое ge-): такъ что въ древнѣйшую эпоху эти слова были равно понятны и Готѳамъ и Славянамъ.

1. слово *гораздъ* встрѣчается уже собственнымъ именемъ одного изъ древнѣйшихъ учителей славянскихъ пресвитеровъ, именно Архіепископъ Гораздъ, ученикъ Св. Меѳодія. Не только въ народномъ русскомъ, но и въ языкѣ лѣтописей это слово имѣетъ смыслъ хорошаго, смышленаго; въ этомъ же смыслѣ переписчикъ Остр. Е. употребляетъ это слово въ своей припискѣ: „да иже горазнѣе сего напише“. Да- же въ названіяхъ славянскихъ урочищъ встрѣчается это слово, на пр. Гораждіе въ Босніи. Въ гот. языкѣ есть слово razda, употребляемое Ульфилою въ смыслѣ языка, рѣчи: съ приставкою ga-, это слово и по звукамъ и по значенію будетъ наше гораздъ. Слѣдовательно славянское *рада* проходитъ черезъ гот. форму razda въ словѣ гораздъ.

2. готовъ, коимъ въ О. Е. переводится, хотя и близкое по звукамъ, ἕτοιμος, есть и въ лит. gatawas: гот. gatevjan приготовить, сдѣлать, образуется изъ taujan дѣлать, съ приставкою ga.

3. гоньзнѫти, гоньзати σώζεσθαι, гонозити σώζειν, изъяв. наст. гонежу; употребляется и въ лѣтоп. на пр. Ипат. 193: „одиному же Ятвяжину гоньзнувшу изъ весцѣ“ — но уже въ смыслѣ тѣснѣйшемъ. Это слово является въ готскомъ nisan или nasjan, которое съ приставкою ga-образуетъ ganisan, откуда нѣм. genesen.

4. гобьзъ (uber) откуда гобьзитисѧ, гобьзовати: готск. ga-bigs (богатый), производимое Боппомъ отъ скр. б'ага часть, счастіе, слѣдовательно ga-bigs, съ счастіемъ, какъ наше у-богій, безъ счастія. Впрочемъ у Славянъ былъ уже далеко распространившійся въ старину корень гоб-, не только у насъ въ лѣтописяхъ попадающійся въ формѣ „гобино“, которая, какъ древнѣйшая, уже замѣняется болѣе понятнымъ варіантомъ „обилье“, Лавр. 75; но и въ иллир. гобино, и даже въ мадъяр. gabona съ тѣмъ же значеніемъ жита: слѣдовательно прилаг. гобьзъ вмѣстѣ съ гот. gabigs будетъ уже вторичной формаціи.

5. говѣть имѣетъ смыслъ не только поститься, но и почитать: Памва Берында объясняетъ: „говѣинъ учтивый, честный, почтивый; говѣніе венераціо, реверенція: встыденье ся зъ почтивостью, чченье“. —

Отсюда благо-говѣть. Согласно съ „говѣинъ“ въ старину было говѣйно вмѣсто говѣнье, на пр. въ Новг. лѣт. „въ заговѣйно Петрово“, 139. По-гот. ga-veihan, εὐλογεῖν, съ приставкою ga- отъ veihs святый, скн. ve, агс. wih святилище, храмъ. — Слич. скр. гу diis offere, sacrificare; гавья quod offertur, offerendum diis.

6. котора, слово, въ рус. лѣт. столь часто употребляемое, находимъ въ Glag. Cloz. въ глагольной формѣ: „въземлѧ свѣтъ отъ распинаѭштіхъ. по гї боря ноштьѭ безаконнѫѭ *котераетъ* дръзость безаконьѣ шодѣиска“, (солнце) adimens lucem a crucifigentibus, pro Domino pugnans, nocte illegitima coarguit audaciam impietatis Judaicae. Употребляется также и прил. которьнъ. Соотвѣтственно нашему котора, находимъ гот. gataura, σχίσμα, отъ глагола tairan, сроднаго съ лат. terere и нашимъ торить (проторить, про-торы). Бутковъ, не обративъ вниманія на распространеніе слова котора между Славянами, и на гот. форму tairan, родственную и намъ, ограничиваетъ котору финскимъ происхожденіемъ отъ tora *) раздоръ, распря.

7. съ такою же приставкою ga- является славянское слово въ готѳскомъ языкѣ, и именно доба, въ слѣдующей формѣ: ga-dob ist. Еф. 5, 3, Тим. 1, 2, 10; въ славянскомъ текстѣ: подобаетъ. Габел. и Лёб. безъ основанія подводятъ это слово къ daban — passen.

---

*) Труд. Рос. Академ. 1842. ч. V.

Такимъ образомъ исторію многихъ нашихъ словъ, а вмѣстѣ съ ними и понятій, мы легко можемъ возвести къ періоду языка готѳскаго. Такъ чешск. strawa ѣда, иждивеніе; илл. ядъ, сохранившееся и въ лит. strowa ѣда, въ IV и V вѣкѣ имѣло значеніе языческаго празднованія похоронъ, что явствуетъ изъ Іорнандова описанія погребенія Атиллы (454 г.): postquam lamentis est defletus Atilla *stravam* super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant. Это мѣсто почти слово въ слово объясняется повѣствованіемъ Нестора о тризнѣ на могилѣ Игоря: (Ольга) „*плакася* по мужи своемъ, и повелѣ людемъ своимъ *съсути могилу* велику, яко соспоша, и повелѣ *тризну творити*. Посемъ седоша Деревляне пити“, Лавр. 24. — Чтобы еще болѣе сблизить наши преданія о погребеніи съ бытомъ доисторическимъ, укажемъ на сродство готѳскихъ и славянскихъ словъ, означающихъ могилу и гробъ. Хотя въ О. Е. гробъ стоитъ на мѣстѣ гр. τάφος, однако сродно съ гот. groba φωλεός, (ложе, язвина) напр. Мат. 8, 20: fauhons grobos aigun, въ О. Е. лисица ложа имѫть, а въ другомъ мѣстѣ: лисица язвины имѫть, Лук. 9, 58; въ испр. въ обоихъ мѣстахъ: язвины. У Памвы Берынды: „язвина: яма, або яскиня дикихъ звѣрятъ.“ Славянскому же гробъ у Ул. соотвѣтствуютъ: hlaiv, hlaivasna, и aurahi или aurahjo. Какъ гробъ переходитъ въ значеніе ямы, звѣринаго логовища, такъ и hlaiv, др. нѣм. hlewo или hleo (род. hléwes)—tumulus, acervus, agger, mausoleum, соотвѣтствуетъ нашему *хлѣвъ*, от-

куда хлѣвина δωμάτιον, domicula: гот. ai=нашему ѣ, такъ что hlaiv также созвучно нашему хлѣвъ, какъ hlaibs=хлѣбъ. Производное hlaivasna еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ сближеніи, ибо суф. -asna есть нашъ -изна, имѣющій смыслъ мѣста, напр. въ словѣ отчизна: a hlaivasna именно и означаетъ мѣсто гробовъ, кладбище, пещеру: Лук. 8, 27: въ храмѣ не живѣаше. нъ въ гробѣхъ, по O. E., у Ул. in garda ni gavas ak in hlaivasvom. Гот. hlaiv имѣетъ свой глаголъ въ скн. hlŷa укрѣплять, огораживать, и потому-то arc. hlëov, совершенно согласно съ значеніемъ нашего слова хлѣвъ, имѣетъ смыслъ покрыши, укрѣпленія, прибѣжища; а того же корня слово въ сокращенной формѣ: hlaev, hlâv значитъ не только могилу, т. е. насыпь, но и земляной валъ. Слѣдовательно hlaiv, hlëov, hlaev, хлѣвъ собственно значитъ окруженное валомъ городище, въ которомъ, какъ извѣстно, находятъ сожженныя кости людей и животныхъ, доспѣхи и украшенія погребенныхъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что у Славянъ и до сихъ поръ находимъ точно такое же отношеніе городища къ хлѣву, какъ гот. hlaiv къ arc. hlëov: именно хлѣвъ по-ниж. луж. называется grožj, откуда grožischczo. Краледв. ркпсь ясно говоритъ о погребеніи мертвыхъ на горѣ, соединенномъ съ языческимъ обрядомъ приношенія покорма богамъ: „tamo k wrchu pohřebat mrch, „i dat pokrm bogowóm“ (Zaboj a Slaw.). Въ значеніе стравы вѣроятно входилъ и покормъ.— Касательно же слова aurahi, aurahjo, должно замѣтить, что оно совершенно сближается съ нашимъ оврагъ,

врагъ, ругъ, и стоитъ въ томъ же отношеніи къ славянскому, какъ наше гробъ къ готск groba. Гот. произношеніе aurahi свидѣтельствуетъ, что древнѣйшая, исторически извѣстная намъ форма нашего овргъ, ругъ была аургъ: -гъ есть суффиксъ.—Потомъ мы видимъ, что ау сокращается: или въ у, ю: откуда мадъяр. üreg пещера, яма, и ür дира; или въ я и е: наше яръ, въ значеніи крутой скалы, или берега, а чешск. gar потокъ, ровъ, пол. iar, iaruga долина, яма, ровъ; кроат. iarëk долина. *) Самое полное развитіе этого слова находимъ въ рус. формахъ: согласно съ готѳскимъ aurahi—оврагъ; согласно съ мадъяр. üreg—врагъ и ругъ; потомъ: яръ, ракъ въ сложномъ бу-ракъ. Въ чеш. сохранилось въ этомъ словѣ понятіе о теченіи воды, равно какъ и нашъ оврагъ означаетъ ровъ, промытый водою, засохшее русло: слѣдовательно скр. ира вода съ суффиксомъ га идущій: ира-га—будетъ соотвѣтствовать нашему ру-гъ, т. е. теченіе воды, спускъ или ходъ для воды; для означенія же ямы, т. е. углубленія земли, языкъ образуетъ сложное бу-ракъ, бу-ругъ; а бу есть скр. бу земля, сохранившееся какъ приставка и въ другомъ нашемъ словѣ, именно бу-дара-жить, т. е. поднимать вверхъ: скр. бу-дара значитъ гора, т. е

---

*) Дифенбахъ также производитъ гот. aurahi отъ нашего оврагъ, но запутываетъ изслѣдованіе сличеніемъ съ латыш. rôku рою, и съ рака гробница, т. е. arka. Vergl. Wörterb. d. goth. Spr. часть 1, стр. 62 и часть 2, стр. 123.

несущій землю, отъ бʿу и дʿара, означающаго *несущій*; Чехи скр. дʿара перевели *поша* въ названіи горъ: крыконоша; а дʿарâ по-скр. значитъ *земля*, какъ все несущая и приносящая плодъ: скр. дʿарâ сохранилось въ кельт. daiar, duar, doar, и въ нашихъ: доръ, дорище, напр. въ Юрид. актахъ: 1490 года: „на дорѣхъ покосы,—судьи велѣли межу учинити дору по старой межѣ, куды коса съ косою сходилася—кто тѣ доры косятъ? укажите вы намъ тѣмъ дорищомъ межу — которые, господине, дорища и покосы—кому то вѣдомо, что то дорищо роскоси нашихъ деревенъ.“ 1555: „сосна сухая на дору на заросломъ.“ Слѣдственно доръ значитъ: земля съ покосомъ: измѣненіе скр-го *а* въ наше о и утрата скр-го предыханія при *дʿ* въ нашемъ *д*—суть явленія самыя обыкновенныя въ исторіи языка, чему доказательствомъ служатъ и кельт. формы. — Производство *) слова бу-горъ отъ па-горъ, па-горекъ, употребляемыхъ у Чеховъ и Поляковъ, вышеизложенному мнѣнію не противорѣчитъ: языкъ всегда любитъ осмысливать для себя понятнымъ древнѣйшее, вышедшее изъ употребленія. Отъ чего же по преимуществу слова, означающія гору, рытвину, пользуются приставкою *бу*?

Для дальнѣйшаго сличенія готѳскаго языка съ славянскимъ ограничимся указаніемъ на Шафарика, который привелъ цѣлый рядъ славянскихъ словъ, родственныхъ языку готѳскому, въ своихъ Славянскихъ

---

*) Шимкевича Корнесловъ, 1, стр. 48.

Старожитностяхъ *). Въ своемъ мѣстѣ будемъ говорить подробно о многихъ изъ нихъ.

2. ОТВЛЕЧЕННОСТЬ ПОНЯТІЙ, ВЫРАЖЕННЫХЪ СЛАВЯНСКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ СВ. ПИСАНІЯ.

Теперь покажемъ, въ какомъ отношеніи и готоскій и славянскій языки стоятъ къ Христіянству: участіе наше къ готѳскому переводу Библіи должно непрестанно поддерживаться тою мыслію, что въ этотъ переводъ входили слова и понятія народа славянскаго.—Переводъ Ульфилы при первомъ взглядѣ поражаетъ яркостью жизни дѣйствительной, непрестанно выступающей разнообразными намеками, проглядывающими сквозь идеи Христіянскія: отвлеченность ученія Христіянскаго низводится до осязательныхъ образовъ, заимствованныхъ изъ дѣйствительности; чистота христіянскихъ идей омрачается намеками на язычество. Вездѣ очевидно, что Ульфила прямо изъ устъ язычника взялъ еще неочистившіяся молитвою слова и формы для выраженія ими Св. Писанія.

Св. Писанія.

Обратимся къ фактамъ:

δαίμων переводится въ славянскомъ текстѣ словомъ бѣсъ, болѣе въ отвлеченномъ смыслѣ злаго духа: у Ул. же находимъ еще самые свѣжіе слѣды преданій языческихъ: нашему бѣсу у Ул. соотвѣтствуютъ два слова unhulþo и skohsl. Un-

---

*) Стр. 347.

hulþo отъ hilþan быть ласкову, оказывать пріязнь, есть какъ бы переводъ нашего стариннаго: *непріязнь.* Въ О.Е.: отъ неприязни, ἀπὸ τοῦ πονηροῦ, Лук. 11, 4. Мат. 6, 13, вмѣсто нынѣшняго: отъ лукаваго; согласно съ Остром. текстомъ находимъ также: *отъ неприязни* въ Евангеліяхъ 1144, 1270, 1307, 1358 годовъ. Впрочемъ издревле шла и другая редакція, замѣнившая это древнѣйшее выраженіе и нынѣ принятымъ: *отъ лукаваго,* именно въ Еванг. 1132, 1164, 1230 годовъ. Фрейз. ркпсь свидѣтельствуетъ, что первое чтеніе первобытнѣе: текстъ Фрейз. ркпси: zavuiztiubui nepriiaznini завистиѫ бы непріязниноѭ,—замѣняется позднѣйшимъ чтеніемъ XV в.: завистію діаволею. Glag. Cloz. стр. XXXVII, XLV. — Въ другомъ мѣстѣ Фрейз. ркп.: nepriiaznina uznenauvidesse a bosiu uzliubise—непріязнина възненавидѣщѧ а божиѭ .възлюбишѧ. Особенно заслуживаетъ вниманія жен. родъ нащего непріязнь и гот. unhulþo: какъ у Ул., такъ и въ др. нѣм. языкѣ, согласно съ древнѣйшимъ вѣрованіемъ въ злое божество женскаго пола, это слово женск. рода; и потомъ уже, по вліянію греческому, переходитъ въ Св. Писаніи въ родъ муж.: вотъ почему unhulþo у Ул. попадается и въ томъ, и въ другомъ родѣ; такимъ образомъ языковѣденіе одной только флексіей родовой можетъ вѣрно опредѣлить характеръ вѣрованія народнаго. Unhulþo образовалось, вѣроятно, черезъ отрицаніе отъ милостивой богини Holdâ, для означенія богини немилостивой. Замѣчательно, что Діанѣ соотвѣтствовали въ нѣмецкой старинѣ и Holdâ и Unholdâ: въ смыслѣ язычес-

комъ она была милостива, въ понятіяхъ Христіянъ переходила въ злое, демоническое существо. — Другое гот. слово для бѣса: skohsl есть чисто славянское, сохранившееся въ чешск. kauzlo, колдовство: въ ниж. луж. kostlaŕ колдунъ; *kost* переходитъ въ *кощ*, откуда наще кощей, въ значеніи миѳологическомъ; слич. *костить*—ругать. Итакъ славянское языческое слово, отвергнутое нашимъ переводомъ Св. Писанія, удерживается въ готѳскомъ.

οἰκουμένη въ О. Е. вьселѥная, у Ул. midjungards, т. е. домъ или жилище въ срединѣ: это слово носитъ на себѣ колоритъ древности миѳологической, ибо по преданіямъ Эдды midgardr создашъ для жилища людей изъ бровей Имира, и окруженъ зміемъ, вѣроятно моремъ. Готѳск. слово живо отзывается повѣрьемъ и преданьемъ; славянское же—вселенная, какъ прилагательное, образованное для перевода греч. слова, носитъ на себѣ характеръ чисто отвлеченный; хотя и напоминаетъ обычныя наши выраженія: въ Юрид. акт. „а новые, господине, деревни, что волостели *сажали* по лѣсамъ“, 1498—1505. „а наши, господине, отцы *садились* на тѣхъ земляхъ“, 1534. У Нестора постоянно *сѣсти* въ значеніи населить.

таина, μυστήριον, въ О. Е. имѣетъ отвлеченное понятіе о сокрытіи, у Ул. же переводится словомъ runa, означающимъ не только тайну, но и βουλὴ, συμβούλιον, коему въ О. Е. соотвѣтствуетъ также отвлеченное *съвѣтъ*. По-скн. rûn, не только буква, но и тайна, загадка, и дружественный разговоръ; rûni совѣтникъ, ryndr колдунъ; а по-фински runo пѣснь.

Понятія о пѣсни, вэрожбѣ, письмѣ и таинствѣ въ древнѣйшую эпоху совпадаютъ: что и указываетъ на миѳологическій слѣдъ въ Ульф. переводѣ отвлеченныхъ понятій: тайны и совѣта.

знаменіе σήμειον, собственно понятіе отвлеченное, отъ знать, Ул. переводитъ словомъ, имѣющимъ смыслъ болѣе изобразительный, стоящимъ въ связи съ дѣйствительностью, а именно: bandva, отъ bidan вязать, стягивать, соотвѣтственно нашему старинному стягъ, попадающемуся, на пр., въ Сл. о П. И.; гот. bandva было уже у Лонгобардовъ въ смыслѣ знамени: vexillum, quod bandum appellant, Paul. Diacon. Histor. Longobard. 1,20. Чувственный образъ для означенія понятія о знакѣ, знаменіи, σύμβολον, находимъ въ словѣ бѣлѣгъ, употребляющемся не только въ др. болг. и сербск. памятникахъ; но и въ теперешнемъ срб. биљега nota, meta, scopus, и даже въ мадъяр. béllyeg, billyeg, bèlyeg, billeg, bilyog.

Индивидуальность и частное понятіе всегда изобразительнѣе общаго; и синекдоха получаетъ существенное свое значеніе въ исторіи перехода частныхъ представленій къ общимъ понятіямъ. Эпическое воззрѣніе древнѣйшаго языка любитъ схватывать всякую общность въ осязательномъ, единичномъ образѣ: позднѣйшее умственное развитіе возводитъ частности къ общему. У Ул. болѣе изобразительныхъ выраженій: пътица въ О. Е. означаетъ и πετεινόν, и στρουθίον, тогда какъ Ул. отличаетъ общее понятіе fugls, переводя имъ первое, и частное понятіе sparva (sperling), переводя имъ послѣднее. — гърлц-

чищъ, τρυγών, у Ул. переводится сложнымъ словомъ, имѣющимъ не только спеціальное значеніе, но и стоящимъ въ связи съ преданіемъ, именно: hraiva-dubo, т. е. надгробный голубь, отъ hraiv трупъ, скн. hrae; въ скн. есть и hraelundir надгробное дерево. Славянское преданіе о душахъ усопшихъ, летающихъ по священнымъ деревамъ, подобно птичкамъ, вполнѣ согласуется съ готѳск. hraiva-dubo и скн. hraelundir: преданіе о сѣтующихъ на могилѣ голубяхъ есть общее и Славянамъ и Нѣмцамъ.

3. ДРЕВНѢЙШІЯ СЛАВЯНСКІЯ СЛОВА ЗНАЧЕНІЯ ЧИСТО ХРИСТІЯНСКАГО.

Не однѣми общими, отвлеченными понятіями, славянскіе переводчики передавали Христіянскія идеи; но уже и готовыми словами Христіянскаго значенія, задолго до перевода уже утвердившимися въ славянскомъ языкѣ. Эти Христіянскія слова вошли въ переводъ Св. Писанія какъ бы по преданію уже Христіянскому. Таковы: крестъ, алтарь, церковь. Онѣ были уже всѣмъ понятны, совершенно ославянились, ходили въ устахъ народа, задолго до перевода Св. Писанія, вытѣснивъ собою языческія понятія, имъ соотвѣтствующія. Копитаръ въ своемъ сочиненіи: Glagolita Clozianus *) эти и другія имъ подобныя слова объясняетъ вліяніемъ нѣмецкимъ и именно баварскимъ: црькы kirche, олтарь altar, хрьстъ и хрьстити (будто бы уже позднѣе: крьстъ и крьстити) christ и christen, постъ fas-

*) Стр. IX и XXXII предисловія.

ten, попъ phaph, пеклъ и пекло pëch, употребляв шееся у Нѣмцевъ въ IX в. вмѣсто ада; среда, вмѣсто dies Mercurii, mittwoch; цѣсарь caesar, оцьтъ acetum, крамола carmula, слово попадающееся въ баварскомъ правѣ средн. временъ, и проч. — Шафарикъ *) объясняетъ исторически возможность внесенія латинскаго элемента въ языкъ Славянъ: Болгары, сѣвши на Дунаѣ, нашли тамъ племена, говорящія болѣе по-латинѣ, нежели по-гречески, а въ Дакіи и Мезіи Славяне могли внести къ себѣ вліяніе Готѳовъ, въ началѣ IX в. сосѣдили съ Франками, были въ сношеніятъ съ Нѣмцами, и слѣдовательно отовсюду могли удержать что либо. Но никакъ невозможно допустить, чтобы въ славянскій языкъ систематически изъ какого-либо одного языка входили понятія и слова: это совершенно невозможное дѣло въ средніе вѣка. Въ отношеніи лингвистическомъ для насъ важно то, что еще до перевода Св. Писанія на славянскій языкъ въ IX в., языкъ славянскій уже былъ органомъ понятій Христіянскихъ: даже то самое обстоятельство, что эти слова были чуждаго происхожденія, было весьма выгодно переводчикамъ: ибо тѣмъ менѣе напоминали онѣ Славянамъ старину и ихъ прежнія вѣрованія. Столкновеніе народовъ могло занести новыя реченія извнѣ: но мысль, сообщенная словами, была велика, мысль Христіянская. Слѣдовательно эти слова, первенцы между Христіянскими выраженіями славян-

*) Slow. Starož. 819.

скаго языка, заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія.

1. крьстъ, σταυρός, въ О. Е. употребляется въ смыслѣ орудія казни, но уже имѣетъ и значеніе символа Христіанства, тогда какъ у Ул. переводится словомъ galga, т. е. висѣлица, позорный столбъ; агс. galga тоже крестъ, въ глоссахъ объясняется даже словами: labarum, vexillum. Въ др. нѣм. Еванг. VIII в. *) крестъ, какъ орудіе казни: crucі отъ лат. crux: слич. Мат. 23, 34 hahet in cruci, О. Е. распьнете; Мат. 26, 2 in cruci za slahanne, О. Е. „на пропѧтиѥ," также „на распѧтиѥ." Въ нѣм. поэмѣ о страшномъ судѣ (Schmeller, Muspilli): uuirdit denne furi kitragan „daz frônò *chrûci*, „dâr der hêlîgo christ „ana arhangan uuard. Это выраженіе съ cruci въ IX в. еще не укоренилось въ употребленіи, что видно изъ Tatiani Harman. Evang., **) гдѣ вышеприведенныя изъ др. нѣм. Ев. мѣста значатся такъ: inti hahet, et crucifigetis, Мат. 23, 34; thaz her uuerde erhangan, ut crucifigatur. Точно также безъ cruci Io. 19, 6. Впрочемъ готѳское представленіе креста въ видѣ висѣлицы находимъ еще и въ др. нѣм. памятникахъ X вѣка: „ube er gotes sun si, so stige er abe demo galgen"—si filius Dei est, descendat de cruce, Notker, Ps. 31, 8. Эта древнѣйшая готѳская редакція могла идти по преданію издревле, чему свидѣтельствомъ

---

*) Fragmenta theotisca versionis antiquissimae Evang. S. Matthaei, 2-е изд. Массмана, 1841.

**) Изданіе Шмеллера, 1841.

можетъ служить IX вѣка стихотворное сочиненіе Отфрида, употребляющаго въ немъ galgo въ значеніи креста, IV, 30, 15; V, 2, 3. Въ Фрейз. ркпси распятіе на крестѣ выражено слѣдующими словами: po lezv vuesachu—по лѣсу вѣшахѫ (ligno suspendebant). Никакого нѣтъ сомнѣнія, что слово крестъ задолго до перевода Библіи между Славянами получило смыслъ Христіянскій: ибо уже въ О. Е. для βαπτίζειν, βάπτισμα, βαπτιστής есть слова самобытныя, не грецизмы: крьстити, крьститисѧ, крьщеніѥ, крьститель, самостоятельно происшедшія отъ креста, какъ символа Христіянства: напротивъ того у Ул. эти слова грецизмы переводные: daupjan, daupeins, daupjands, отъ прилаг. diups, сроднаго съ нашимъ глубокъ, чрезъ сербск. дубок: слѣдовательно собственно: купать, погружать и пр. Даже по синтаксическому сочиненію, daupjan глаголъ новый, не подчинившійся еще организму готѳскаго языка; ибо употребляется въ дѣйствительномъ залогѣ на мѣстѣ греческихъ страдательнаго и возвратнаго *). Согласно съ гот. diups, daupjan, въ ниж. луж. dupisch крестить, dupene крещеніе, dupaŕ крититель. Это не очищенное Христіянствомъ понятіе, общее у Лужичанъ съ Готѳами, у насъ осталось въ языческомъ преданіи о *купалѣ*.—Откуда же происходитъ наше крестъ? Лингвистическія свидѣтельства удостовѣряютъ насъ, что это слово нѣкогда было общимъ между племенами европейскими: въ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ употребля-

*) Gabetentz et Loebe Ulfilas, II, 2, 139.

лось въ смыслѣ креста: kors, откуда korsa крестить, знаменовать крестомъ; kryss, сходное съ польскимъ и въ лѣтописяхъ попадающимся: крыжь. Даже на рунахъ находимъ krus, оставшееся въ скн. kross, шв. и дат. kors, и проч. Отъ слова крьстъ въ О. Е. есть уже окрьстъ и окрьстъныи; а въ припискѣ переписчика и „крестьяньскіи“, или христіянскій: „на утѣшение мъногамъ дшамъ крестияньскамъ“. Уже въ древнѣйшемъ Христіянскомъ памятникѣ у Славянъ, въ Фрейз. ркпси читаемъ и crisken—крьщенъ, и Хр̃en—Хр̃щенъ.

2. алтарь, др. нѣм. altari, котораго конечный мягкій звукъ і соотвѣтствуетъ нашему ь; въ г. слово сложное: hunsla-staþs, переводъ греческаго θυσια-στήριον, но съ намекомъ на языческій обрядъ: ибо состоитъ изъ staþs мѣсто, и hunsl, первоначально жертва языческая, а потомъ Христіянское Таинство, и именно Причащеніе; агс. húsl, húsel; скн. hûsl. Гриммъ не находитъ источника этому слову въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ *). Если мы возьмемъ въ соображеніе слѣдующія славянскія слова, то родство этого готѳскаго слова съ славянскими окажется вѣроятнымъ. Лужиц. gusslowasch колдовать, gusslowař колдунъ; въ польскомъ gusła, сродное съ нашимъ гусли, значитъ колдовство: утрата носоваго звука въ польск. gusła, объясняется древнѣйшимъ употребленіемъ этого слова безъ носоваго звука, чему служатъ доказатель-

*) D. M. 35.

ствомъ агс. и скн. формы. Сначала разсмотримъ hunsl въ отношеніи лингвистическомъ, а потомъ обратимся къ свидѣтельствамъ историческимъ. — Звуки l, л служатъ образованіемъ словъ, для значенія орудія, какъ въ готѳскомъ, такъ и въ славянскомъ: sitls отъ sitan, агс. sëtl сѣдло, въ общемъ значеніи; stols столъ (standan, стоять). Какъ у насъ суффиксъ *сл* есть уже производный, напр. въ гусли отъ гуду, въ ясли отъ яд-, такъ и въ гот. hunsl (будто бы отъ hinþan ловить, по Габ. и Лёбе.): здѣсь, въ отношеніи суфф. *л*, кстати сближеніе г. skohsl бѣсъ съ чешск. kauzlo колдовство; въ лужиц. производное kostlař колдунъ. Слѣдовательно, въ грамматическомъ отношеніи, нѣтъ препятствія сравнить гусла, гусли съ hunsl, husl. Въ готѳск. носовой звукъ un объясняется нашимъ ѫ въ гѫсли, гѫду. — Вотъ историческія доказательства сему сближенію: а) что гудьба считалась языческимъ занятіемъ это видно вездѣ, гдѣ только наши благочестивые предки упоминаютъ о музыкѣ: Несторъ говоритъ: „сими дьяволъ лстить, и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, *гусльми* и русальи“ — Лавр. 73. Въ словѣ Христолюбца говорится: „не подобаеть крестьяномъ игоръ бесовьскихъ играти иже есть плясба, *гудба*, пѣсни бѣсовъскыя и жертва идолская.“ Опис. Рум. Муз. 229. Что музыка, по мнѣнію нашихъ предковъ имѣла силу чародѣйства, видно изъ слѣдующаго мѣста Ипат. сп. 155: „молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поу-

хати зелья, именемъ евшанъ.“ Такое порученіе долженъ былъ исполнить *гудецъ*. Краледворская рукопись (Забой и Славой) свидѣтельствуетъ, что Забой, древнеславянскій поэтъ, былъ вмѣстѣ и музыкантъ, и предводитель войска, и защитникъ боговъ: „пѣвца добра милуютъ боги“, говоритъ одно изрѣченіе, въ родѣ пословицы, въ томъ же произведеніи. б) какъ runa значитъ: и пѣснь (по-фински), и письмо и мистерія, и символъ: такъ и hûsl могло отъ значенія гудьбы перейти къ значенію жертвы и таинства. в) родство между другими готѳск. и слав. словами, имѣющими смыслъ музыки и пляски, позволяетъ допустить и здѣсь сближеніе: первое слово: плѧсати, гот. plinsjan: „и вѣшьдъши дъщери ѥѧ иродиядѣ и плѧсавъши“, О. Е. Мк. 6, 22, у Ул. jah atgaggandein inn dauhtr herodiadins jah plinsjandein: всѣми признано, что это слово отъ Славянъ перешло къ Готѳамъ; другое же слово, вѣроятно, наоборотъ отъ Готѳовъ къ намъ, именно: ликъ, χορός, гот. laiks: „слыша пѣния и лики, О. Е. Лук. 15, 25, у Ул. gahausida saggvins jah laikans. Гот. laiks имѣетъ при себѣ глаголъ laikan, коему въ О. Е. соотвѣтствуетъ: възиграτисѧ: „вьзиграсѧ младеньць радощами въ чрѣвѣ ѥѧ,“ Лук. 1, 41. у Ул. lailaik barn in qiþau izos. Гот. laiks переходитъ въ агс. lâc жертва, торжество, пляска; а сложное siblâc (жертва мира) означаетъ даже Св. Тайны; въ скн. leika играть, около чего бѣгать, плясать, шутить; leikr игра, шутка; и даже leikregin кудесникъ, чародѣй, фокусникъ; въ др. нѣм. смягчается въ leih игра, но также уже пѣсня и даже стихъ. И такъ нѣтъ со-

мнѣнія, что слово ликъ въ переводъ Св. Писанія перешло изъ нѣмецкихъ нарѣчій г) возможность славянскаго происхожденія слова hunsl, hûsl можетъ быть объяснена тѣмъ, что Славяне искони были самымъ музыкальнымъ народомъ: византійскіе писатели повѣствуютъ, что въ 590 году передъ Императора Маврикія были приведены три Славянина, отъ далекаго западнаго моря, имѣвшіе вмѣсто оружія гусли. Шафарикъ *) полагаетъ, что можетъ быть черезъ Славянъ греч. βαρβιτον,—бывшее у Чеховъ народнымъ инструментомъ warito, какъ свидѣтельствуетъ Крал. рук.—перешло къ Нѣмцамъ въ формѣ rotta, rota, коимъ они переводили, какъ „nomine barbarico“ psalterium, въ IX в. Слѣдовательно вліяніе славянское могло и гораздо прежде содѣйствовать къ образованію hunsl и hûsl. Можетъ быть даже чешск. варито есть скр. вâдитра instrumentum musicum, отъ вад говорить. Не отъ этого ли согласія въ языкѣ между музыкальнымъ инструментомъ и человѣческою рѣчью, произошло старинное объясненіе гуслей — языкомъ? Іоан. Екз. Бол. стр. 194. — Во всякомъ случаѣ славянскій переводъ Св. Писанія отстранилъ хотя и не чуждое Славянамъ, но языческое понятіе, и удовольствовался уже Христіянскимъ словомъ: алтарь. Лужицкое нарѣчіе намъ показываетъ, что древнѣйшее понятіе объ алтарѣ у Славянъ было сходно съ готѳскимъ: to boże blido

*) Wybor z liter. cěsk. стр. 1191.

значитъ по-лужицки Святое Причастіе, ja pojdu k' bożem blidu пойду причащаться, пойду къ Св. Тайнамъ; blido значитъ столъ, слѣдовательно boże blido собственно значитъ алтарь, какъ и по-лит. diewostalas, т. е. столъ бога, идти же причащаться prie diewstalio eiti. — Лужицкое blido ведетъ свою исторію издалека: уже у Ул. biuds употребляется въ смыслѣ стола, τράπεζα, въ О. Е. ему соотвѣтствуетъ грецизмъ трапеза; въ законахъ салическихъ Франковъ 46, 2, столъ называется hëudus или въ новѣйшей формѣ beodus: in beudum pultis manducassent. По-скн. biodr кругъ, тарелка, чаша: этимъ распространяется уже значеніе слова biuds; arc. bëod и столъ, и чаша: что эти слова въ періодъ языческій имѣли смыслъ алтаря видно изъ гот. biudan и arc. bëodan приносить жертву, молить, offerre. Отсюда мы видимъ, что у Славянъ, именно въ лужицкомъ нарѣчіи, удержалось наидревнѣйшее для жертвоприношенія слово, общее всѣмъ нѣмецкимъ племенамъ: въ переводъ же Св. Писанія оно войти никоимъ образомъ не могло; потому что между Славянами, задолго до Кирилла и Меѳодія исповѣдывавшими Христіянскую вѣру, было въ употребленіи слово алтарь.

3. црькы, цьркы, ἱερόν, ναός, ἐκκλησία. Этимъ словомъ еще до перевода Библіи вытѣснены были языческія названія храма, такъ что требище и капище употребляются въ Библіи только въ смыслѣ языческомъ, напр. Іерем. 8, 31, Посл. къ Коринѳ.

1, 8, 10, Исходъ 23, 24, Дѣян. Апост. 17, 23. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ народѣ могли употребляться древнѣйшія слова для понятій Христіянскихъ: такъ напр. изъ вопросовъ Кирика (Пам. Рос. Сл. XII в. 180, 182) видно, что въ Россіи въ XII в. вмѣсто церкви говорилось еще божница: тогда какъ въ послѣдствіи это слово употреблялось собственно для храма языческаго, или по крайней мѣрѣ для храма неправославнаго, въ противоположность церкви. У Ул. нашей церкви соотвѣтствуютъ языческія: 1) alhs, Мат. 27, 5 въ црк҃ъви, in alh, ἐν τῷ ναῷ. 2) gud-hus, Io. 18, 20 въ цр҃кви, in gud-husa, ἐν τῷ ἱερῷ. Ко второму, Христіянскому періоду принадлежатъ у Ул. aikklesjo и переводъ этого слова: ga-mainþs, т, е. gemeinde, соборъ. Однообразное же употребленіе церкви въ О. Е. указываетъ на чистоту и опредѣленность Христіянскаго понятія. — Даже храмъ въ О. Е. не имѣетъ языческаго смысла, означая домъ, и потому употребляется болѣе въ формѣ: храмина: и у Ул. имъ соотвѣтствуютъ слова не миѳологическаго значенія, а именно: 1) razn, вообще домъ, Мат. 5, 15, въ храминѣ, in þamma razna, ἐν τῇ οἰκίᾳ 2) hrot, собственно кровля, Лук. 5, 19 възлѣзъше на храмъ, ana hrot, ἐπί τὸ δῶμα; такъ что въ другомъ мѣстѣ О. Е. вмѣсто храмъ стоитъ кровъ, именно Мат. 10, 27 повѣдите на кровѣхъ, ἐπι τῶν δωμάτων, у Ул. также ana hrotam. 3) gards, т. е. градъ, огражденное мѣсто, какъ напр. въ Ипат. сп. 162: бѣ бо градъ створенъ на церкви. Мр. 2, 26 въ храмъ бжи҃и, in gard guþs, εἰς τόν οἶκον τοῦ

θεόν. Слѣдовательно храмъ въ О. Е. значитъ: кровля, покрыша, закрытое, огражденное мѣсто, и можетъ быть сродно съ хранить, какъ кровля съ крыть. — И такъ право выражать Христіянское понятіе храма принадлежитъ исключительно церкви, слову, хотя происхожденія чуждаго, но глубоко вкоренившемуся уже въ употребленіе во время перевода Св. Писанія. Касательно происхожденія церкви два мнѣнія: одно, сближая это слово съ др. нѣм. kiricha, производитъ отъ κυριακή; другое, сближая съ агс. cyrice, откуда агл. church (слич. новогород. черкы), производитъ отъ лат. circus, коимъ означалась круглая, или покукруглая форма крестильницы и хора. Если даже примемъ первое общепризнанное мнѣніе, то и тогда должны будемъ допустить по-славянски латинскій выговоръ греческой κ, какъ ц; если же второе, то по-нѣмецки греческій выговоръ латинскаго circus, какъ это слово значится напр. у Гесихія: κίρκος, смотр. Meurs. Gloss. graecobarb. Таковой выговоръ по-латинѣ остался еще въ двухъ слѣдующихъ словахъ:

4. какъ нѣмецкому kiricha соотвѣтствуетъ цьркы, такъ и готѳскому kaisar—попадающіяся въ О. Е. цесарь, цесарьствіе βασιλεὺς и проч. Славяне прочли по-латинѣ caesar, Готѳы по-гречески καῖσαρ. Что касается до слова кесарь, то оно имѣетъ болѣе ограниченное значеніе.

5. точно также по-гречески прочли Готѳы и латинское acetum, составивъ изъ него akeit, Славяне

же по-латинѣ: оцетъ, или оцьтъ, коимъ въ О. Е. переводится ὄξος. Что слово оцьтъ, acetum, было употребительно въ устахъ славянскихъ переводчиковъ, видно изъ слѣдующаго мѣста, Мр. 15, 23 оцьтьно вино (которое давали Христу при распятіи), ἐσμυρνισμένον οἶνον, т. е. вино настоенное травами, вино съ смирною, какъ и перевелъ Ул.: vein miþ smyrna: это вино, которое обыкновенно давали Римляне умирающимъ въ пыткѣ для утоленія предсмертныхъ страданій, вѣроятно, было кислаго вкусу, потому и названо оцьтьно: слѣдовательно наши переводчики перевели сознательно, словомъ, тогда употреблявшимся. Въ испр. же текстѣ непонятный грецизмъ: есмурнисме́но вино́.

6. рачица, γλωσσόκομον, отъ лат. arca, въ чемъ свидѣтельствуетъ ульфилово arka: arca habaida, въ О. Е. рачицѫ имы. Іо, 12, 6. Что это слово ходило въ устахъ Славянъ видно изъ его уменьшительной формы, хотя въ чешск. отрывкѣ X в. и замѣняется оно своеземнымъ: meski imaia, т. е. мѣшки имая, а въ испр. текстѣ вмѣсто рачица ковчежецъ. Ул. же ковчегъ κιβωτός дѣйствительно переводитъ arka, Лук. 17, 27; въ О. Е. ковьчегъ, Мат. 24, 38; слѣдовательно, рачица, рака и гот. arka, лат. arca одно и тоже. Въ алфавитѣ XVII в. *арха* объясняется словомъ *киотъ*, и названо чешскимъ словомъ. Рум. Муз. 2. обыкновенная форма, рака, въ О. Е., хотя переводитъ μνημεῖον, но имѣетъ смыслъ Христіянскій, означая гробъ праведника: ракы правьдьныихъ, μνημεῖα των δικαίων, Мат. 23, 29.

7. въ О. Е. попадается уже папежь: окончаніе -жь предполагаетъ звукъ s, что дѣйствительно мы и находимъ въ др. нѣм. XI в. bâbes, въ Boeth. de consol. Philos. johannem den bâbes; и въ XII в. pâbis, въ одной риѳмованой хроникѣ: эта форма произошла, вѣроятно, отъ византійскаго πάπας, πάππας. Объ этомъ словѣ есть свидѣтельство первой половины IX в., именно въ Walafrid. Strab. de reb. ecclesiast. 7,667, если только изданіе вѣрно, въ чемъ однако сомнѣваются: ab ipsis autem Graecis (theotisci acceperunt) kyrch a kyrios et Papst a Papa, quod cujusdam paternitatis nomen est, et clericorum congruit dignitati. Съ этимъ свидѣтельствомъ согласно наше попъ. Здѣсь противъ Копитара можно замѣтить, что наше слово попадья, согласное съ образованіемъ греческаго языка, находится въ византійскомъ, подъ формою παπαδιά, sacerdotissa, въ Meurs. Gloss. Graecobarb.: ἄγον, ἱέρειαν, παπαδιάν.

Наконецъ самыя названія греческаго и латинскаго языка въ переводѣ Св. Писанія указываютъ ясно на то, откуда и какъ могли онѣ перейти къ Славянамъ: въ О. Е. Іо. 19, 20, греческій текстъ: καὶ ἦν γεγραμμένον ἑβραιστὶ, ἑλληνιστὶ, ῥωμαϊστὶ, переведенъ такъ „и бѣ написано евреискы грьчьскы. латиньскы.“ Отсюда видимъ, что Славянамъ, точно такъ какъ и Готѳамъ, Еллины извѣстны были подъ латинскимъ названіемъ graecus, грькъ, готѳск. kreks. Равномѣрно и „латиньскы“ указываетъ на вліяніе Римлянъ: такъ что оба эти нарѣчія соотвѣтствуютъ латинскымъ: graece,

latine: согласно съ нѣм. текстомъ IX в. Tatiani Harmonia Evangel.: inti uuas giscriban in ebraisgon, in crichisgon, inti in latinisgon: чего слѣдовало и ожидать, ибо отношенія Славянъ и Нѣмцевъ къ Риму и Византіи не могли во многомъ разниться до IX в. Другое мѣсто, именно Лук. 23, 38, въ О. Е. ближе къ греч. тексту: „кънигами елиньскими и римьскими.“ Здѣсь надобно замѣтить двѣ вещи: вопервыхъ „римьскыи“ не есть буквальный переводъ гр-го ῥωμαϊχός, но самостоятельно произведено отъ Римъ, равно употребляющагося вмѣсто Roma и у западныхъ Славянъ, и у восточныхъ: измѣненіе о въ і указываетъ намъ на произношеніе того славянскаго племени, которое прежде другихъ познакомилось съ Римомъ. — Вовторыхъ касательно слова „елиньскыи“ слѣдуетъ замѣтить, что собственно оно значитъ: языческій, и „елини“ ἕλληνες въ О. Е. язычники, что видно напр. Io. 12, 20, гдѣ этому слову въ чешск. отр. X в. соотвѣтствуетъ pogane, равно какъ и въ чешск. Ев. XIV в. pohanowe, а у Ульфилы þiudo, т. е. язычники. Слѣдовательно „еллины“ не было географическимъ названіемъ въ устахъ нашихъ переводчиковъ. Такимъ образомъ въ самомъ переводѣ Св. Писанія находимъ мы источникъ тому древне-русскому убѣжденію, что все еллинское есть языческое: такъ въ правилѣ Митрополита Кирилла (XIII в.) мы читаемъ: „пакы же увѣдѣхомъ бесовьская еще дьржаще обычая треклятыхъ *елинъ*, въ божествьныя праздьникы позоры нѣкакы бесовьскыя творити,“ Рус. Дост. 1, 114.

Примѣч. Точно также Самаряне О-а Е-я замѣняются въ чешск. Евангеліи XIV в. погаными: напр. въ О. Е.: „гл҃а ѥму жена Самарѧныни како ты иудеи сы. отъ мене пити просиши жены самарѧныня сѫща не прикасаѭтьбоса иудеи самарѣнехъ," Io. 4, 9; въ чеш Ев. XIV в.: tehdy wece jemu žena ona *pohanka:* kak ty když jsi Zid, piti ote mne potřebuješ, jenž jsem ja žena *pohanka?* nebo neobciji Židowé s *pohany*.

4. СЛОВА, СОСТАВЛЯЮЩІЯ ПЕРЕХОДЪ ОТЪ ДРЕВНѢЙШАГО ПЕРІОДА КЪ ХРИСТІЯНСКОМУ.

Кромѣ словъ заимствованныхъ, прямо получившихъ у Славянъ значеніе Христіянское, надобно обратить вниманіе на слова туземныя, столь утратившія свое прежнее нехристіянское употребленіе, что уже ихъ можно считать какъ бы принадлежащими вполнѣ къ періоду Христіянскому. Исторія такихъ словъ будетъ заключаться въ изслѣдованіи ихъ древнѣйшаго значенія, до внесенія ихъ въ языкъ Св. Писанія.

1. слова, означающія молитву и поклоненіе. Въ Фрейз. рукописи еще встрѣчаемъ странное сочетаніе обрядовъ нехристіянскихъ съ идеями христіянскими. А именно: о питьѣ въ честь богамъ мы читаемъ у Гельмольда: est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviis et compotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationis, sed execrationis verba sub nomine deorum boni scilicet et mali. По языческимъ нѣм. обычаямъ на празд-

нествахъ пили въ честь и память боговъ, что называлось minni; по принятіи Христіянства minni была перенесена къ Христіянскимъ понятіямъ, и пили Krists minni, Michaêls minni. Согласно съ этими языческими обычаями, въ Фрейз. ркпси, въ смыслѣ христіянскомъ, говорится: u circuvah ich clanam ze i modlim ze im i *zesti ich pigem* i obeti nasse im nezem o zcepasgenige telez nasich i dus nasich — въ цьркъвахъ ихъ кланяемъсѧ и модлимъсѧ имъ и чьсти ихъ пиемъ и обѣти наша имъ несемъ о съпасеніе тѣлесъ нашихъ и душь нашихъ. Къ объясненію этого мѣста нужно прибавить, что у языческихъ Славянъ, какъ свидѣтельствуетъ Краледв. ркпсь, obiecati obiet, paliti obiet—были обычными выраженіями для языческаго поклоненія, слѣдовательно „obeti nasse im nezem“ имѣетъ смыслъ также не собственно христіянскій.—Уже въ О. Е. употребляющіяся: молитисѧ προσέυχεσθαι, молитва δέησις, въ доисторическую эпоху были распространены не только между славянскими, но и нѣмецкими племенами. Какъ у западной отрасли Славянъ это слово, со вставкою д передъ л, звучитъ: модлитисе, модлитба, такъ и въ готѳск. переводѣ Библіи Ульфилы maþljan говоритъ, равно какъ и агс. mädlan или mädelian: какъ у насъ молить является варіаціею формы модлить, такъ готѳское maþljan переходитъ въ салическихъ законахъ, писанныхъ на варварской латинѣ съ примѣсью словъ племени нѣмецкаго, въ форму: mallare—говорить въ собраніи, на площади. Впрочемъ древнѣйшая форма, судя по памятникамъ письменности, даже у юговосточн. Сла-

вянъ: модлитися, о чемъ свидѣтельствуетъ Фрейз. ркпсь: modlimze. У Нѣмцевъ это слово осталось съ понятіемъ юридическимъ, потому гот. maþl значитъ собраніе, forum, и fauramaþleis ἄρχων; у Славянъ же оно осталось съ понятіемъ религіознымъ, отзывающимся преданіями миѳологическими, что особенно видно изъ чешскаго *модла*, кажется, неправильно относимаго Юнгманомъ къ лат. modella *): въ этомъ чеш. словѣ даже соединяются оба значенія — и теперешнее славянское, и древненѣмецкое, и оба онѣ возводятся къ значенію миѳологическому: ибо модла значитъ: не только идолъ, но и храмъ, божница, и даже, подобно гот-му maþl, сборище: такъ въ одномъ др. чешск. Еван. Мат. 23, 6 in synagogis переводится: v modlách, въ О. Е. на соборищихъ; въ томъ же чешск. Ев. ἀρχισυναγωγος переводится: starosta tey modly, а у Ул. faura-maþleis, т. е. предсѣдатель собранія: слѣдовательно модла= maþl. Отсюда заключаемъ, что *молиться*, означая общее понятіе говоритъ, ведетъ свое начало отъ періода миѳологическаго, стоитъ въ связи съ славянскими идолами, и съ древненѣмецкимъ понятіемъ о судѣ и сборищѣ, съ понятіемъ, сохранившимся частію и у Славянъ. Если мы захотимъ это слово возвести къ періоду языка скр., то можемъ взять въ соображеніе мнѣніе Боппа (въ скр. Глос.), который наше

---

*) Мнѣнія Юнгмана держится Срезневскій, см. Святилища и обряды языч. богосл. древн. Слав. стр. 56. Мы развиваемъ намекъ Шафарика, въ Slow. Starož. стр. 262.

молить сличаетъ съ скр. мантр говорить, собственно говорить втайнѣ, отъ сущ. мантра (ман мню, суф. тра) — совѣтъ, гимнъ, священная пѣснь. — Языковѣденіе приводитъ насъ къ догадкѣ даже о первоначальной формѣ молитвы: въ О. Е. Іо. 4, 20—24 кланятися и поклонятися соотвѣтствуютъ въ чешск. текстѣ XIV в. слову modlitisě, προσκυνεῖν. Согласно съ этимъ Крал. рук. для языческой молитвы употребляетъ не только: se biti w čelo, но и: se klanieti; Гельмольдъ скрѣпляетъ намъ свидѣтельство языка, говоря о языческой молитвѣ: pronis vultibus adorare. Даже у Нестора встрѣчаемъ еще кланяться вмѣсто молиться: „и единою, по обычаю, наставшю вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья", Лавр. стр. 82.

2. Богъ, Спаситель и другія лица Христіянскаго поклоненія. Богъ имѣетъ ближайшую форму въ скр. бага часть, счастіе, блаженство, отъ глагола: бадж дѣлить; отъ скр. бага происходитъ багават блаженный, точно такъ, какъ отъ богъ—богатъ, у-богъ, лит. nabagas бѣдный, луж. nabogi умершій, почившій. Какъ счастіе, участь происходятъ отъ часть, такъ и бага отъ бадж; а богатъ къ богу стоитъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ лат. dives къ divus, deus *). Понятіе о богатствѣ и обиліи, заключающееся въ словѣ богъ, Нѣмцы возстановляли себѣ эпическою

*) Слич. С. П. Шевырева Истор. русск. слов. выпускъ 1. стр. 98.

формою: rîki god, rîche got. Самое замѣчательное употребленіе слова богъ въ языческомъ смыслѣ находимъ въ сербск. пѣсняхъ, гдѣ онъ называется *старымъ кровникомъ*: од бога од старог крвника, Вук. 2,440. Можетъ быть въ этомъ языческомъ представленіи заключается причина названіямъ многихъ болѣзней отъ *богъ*: богиие оспа, божій бичь, божа моць падучая болѣзнь, божа рука ударъ, божа рана чума, божіе обморокъ.—Въ О. Е. уже отличается господь κύριος отъ господинъ οἰκοδεσπότης; въ Фрейз. ркпси: nas gozbod zueti cruz нашъ господь свѧтыи кристусъ. Суффиксъ инъ въ: господинъ, даетъ слову смыслъ нѣкоторой зависимости или отношенія: какъ напр. людинъ одинъ изъ людей: въ нѣм. и роман. нарѣчіяхъ наоборотъ: только полная форма: hêriro, hêrro, dominus, domnus—означаетъ Господа Бога, а сокращенная her, don—никогда. — Спасъ для означенія Христа употребляется уже въ О. Е: „яко есть въистиниа съпасъ миру Христосъ, ὅτι οὑτός εστιν ἀληθῶς ὁ σωτὴρ τοῦ κόσμου, ὁ Χριστός, Io. 4,42. Даже въ Фрейз. ркпси уже zpasitel: необходимость окончанія -тель произошла отъ употребленія съпасъ въ значеніи σωτηρία. По свидѣтельству Краледв. ркпси древніе Славяне своихъ боговъ называли уже спасами: „i tamo bohóm *spasám* dát mnostwie obětí“ (Zab. a Slaw.) —Древнѣйшія названія для Ангела, Апостоловъ и Святыхъ находимъ въ Фрейз. ркпси, которая въ исторіи славянскаго языка особенно важна, предлагая переходъ отъ христіянскихъ понятій, еще неустановившихся въ языкѣ, къ опредѣленному и твердому пе-

реданію Слова Божія въ языкѣ перевода Св. Писанія. Эти названія суть: uuizem crilatcem bosiem — вьсѣмъ крилатьцемъ божиемъ, т. е. ангеламъ; uzem zelom bosiem—вьсѣмъ сьломъ божиемъ, т. е. апостоламъ; useh bosih zil—вьсѣхъ божиихъ сълъ, т. е. апостоловъ; uzeh ƀ moki—вьсѣхъ божиихъ мощии, т. е. силъ, или угодниковъ божіихъ, властей. Итакъ въ этой ркписи находимъ древнѣйшее употребленіе мощей (reliquiae), слова, внесеннаго уже и въ календарь О-а Е-я: възвращения мощии: 263, в; обрѣтение мощемъ, 280, г. Согласно съ Фрейз. ркписью др. нѣм. памятники апостола и ангела переводятъ: gotes boton апостолы, metpotin ангелы, furstpoten архангелы *).

3. понятія о святости, Христіянскомъ законѣ и Св. Тайнахъ. Понятіе о святости относится къ древнѣйшимъ, доисторическимъ временамъ, равно какъ и присхожденіе самаго слова. Мы находимъ его уже въ знд., подъ формою: спѣнта превосходный: знд. *n* соотвѣтствуетъ скр-му и слав-му *в*: напр. знд. спаêта, скр. свêта бѣлый, наше свѣтъ. Слѣдственно знд. спѣнта, по замѣчанію Бюрнуфа **), въ Санскритѣ было бы: сванта; но такого слова въ немъ не находимъ: оно является въ нашемъ: святый, по древнѣй-

---

*) R. Raumer, die einwirkung d. Christenth. auf d. althochd. spr. 1845, стр. 293, 365, 366, 379.

**) Commentaire sur le Yaçna, 1835.

шему въ О. Е. начертанію: свѧтыи, ἅγιος, откуда: свѧщѧсѧ ἁγιάζω. Въ др. чеш. исповѣди XIII в. Таинства называются: swatosty: wsedmerzye swatosty czyerkwe swate—in septem sacramentis ecclesiae sanctae; то же понятіе святости вошло въ названіе Христіянскаго таинства и въ др. нѣм. языкѣ; такъ въ X вѣкѣ находимъ: diu *heilichtuom* mines lichamin unde bluotes, Notker, ps. 21, 26. — Законъ въ О. Е. употребляется въ смыслѣ νόμος: таково древнѣйшее и собственное значеніе этого слова, сколько можемъ судить по памятникамъ письменности: Чехи рѣшали правду „po zaconu uecosiznih bgou“— по закону вѣкожизныхъ боговъ, какъ свидѣтельствуетъ Судъ Любуши. Несторъ говоритъ о Славянахъ: „имяху бо обычаи свои, и *законъ* отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ,“ Лавр. 6. Въ этомъ смыслѣ извѣстенъ былъ законъ Константину Багрянородному, подъ формою *ζάκανον*, de adm. imp. глав. 8 и 38. Для исторіи языка любопытно производное: законникъ, которое въ древнѣйшихъ памятникахъ употребляется въ двухъ противоположныхъ значеніяхъ: 1) въ значеніи формальнаго исполнителя закона Іудейскаго въ противоположность послѣдователямъ живоначальнаго ученія Христа; такъ употребляется законникъ въ О. Е. „въ врѣмѧ оно законьникъ нѣкыи приде къ иг҃сови“ τῷ καιρῷ ἐκείνῳ νομικός τις προσήλθεν τῷ ἰησοῦ; у Ул. vitoda-fasteis, Лук. 10, 25, отъ fastan держать крѣпко, и vitoþ собственно testamentum, отъ vitan знать и veitan видѣть, какъ у насъ съвѣдѣтельство и свидѣтельство.

2) въ значеніи христіянина, исполняющаго всѣ предписанія Евангелія и Церкви: въ Фрейз. ркпси: useh Б zaconnic вьсѣхъ божихъ законьникъ: въ основаніи такого значенія лежитъ законъ въ смыслѣ Христіянства, и особенно въ смыслѣ Св. Таинъ Причастія, сохранившемся и доселѣ въ срб.: ајдемо на закон. данас сам узео закон. Др. нѣм. исповѣди IX и X в. также употребляютъ wizzod lex въ значеніи sacramentum: then heilagon wizzod ni erita — sanctum sacramentum non honoravi. Въ томъ же значеніи употреблялось и право, что видно изъ ниж. луж. hopschajasch, hopschajany, hopschajane, въ значеніи причащенія больныхъ.

4. празднества и время для подвиговъ благочестія христіянскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что время праздное и недѣля, не выражая понятія собственно христіянскаго, ведутъ свое происхожденіе отъ временъ дохристіянскихъ. Въ О. Е. ἑορτή переводится не только словомъ: праздьникъ, но и описательно: „на вьсакъ же дьнь великъ“ κατὰ δὲ ἑορτην, Мат. 27, 15; впрочемъ и въ текстѣ читаемъ: ἦν γὰρ μεγάλη ἡ ἡμέρα ἐκείνου τοῦ σαββάτου, бѣ бо великъ дьнь тои сѫботы, Іо. 19. 31. Однако свободное употребленіе этого описанія въ слав. переводѣ заставляетъ предполагать, что оно принадлежитъ намъ: такъ въ др. чеш. Еван. XIV в.: před šesti dnów weliké noci — вмѣсто Остромирова: „прѣжде шести дьни пасхы“ Іо. 12, 1. Праздникъ по-серб. год, откуда верх. луж. hody, ниж. луж. gódy праздникъ Рождества Хри-

стова; Сербы же называютъ его бо́жить, т. е. божичь.—Слово постъ обыкновенно производятъ отъ гот. fastan νηστεύειν, въ О. Е. поститисѧ: но мы не имѣемъ къ тому никакихъ лингвистическихъ данныхъ: можемъ заключить только, что это слово и между Славянами, и между Нѣмцами получило самостоятельную вокализацію, и осталось отдѣльнымъ, не будучи окружено родственными словами: гот. fastan, агс. смущаетъ *a* въ *ae*: faestën; Остромирово постъ, др. чеш. удлиняетъ *o* до *uo*: puost, откуда пов. чеш. pŭst; ниж. луж. являетъ замѣчательную перестановку согласныхъ: spot; лит. языкъ по собственной своей организаціи измѣняетъ славянское *o* въ *a*: pasnikáuju—пощусь. Такъ какъ почти всѣ важнѣйшія понятія благочестія и ученія христіянскаго образовались въ слав. языкѣ, независимо отъ Готѳовъ: то нѣтъ причины дѣлать исключеніе для слова, означающаго столь существенный обрядъ, вмѣняемый въ необходимую обязанность христіянину.

5. адъ. Сами Нѣмцы *) снисходительнѣе Копитара къ нашему пеклу, столь распространившемуся между всѣми славянскими нарѣчіями и даже въ Литвѣ и въ древ. прус. языкѣ: въ священномъ языкѣ славянскомъ употребляется не только пекло, но и пьцьлъ **), серб. пакао, чеш. peklo, слов. pekel, пол.

---

*) Grimm, D. M. 765.

**) Miklosich, Radic. linguae slov. 119.

piekło, лит. péklà, др. прус. pickullis. Гриммъ объясняетъ вліяніемъ славянскаго языка не только мадъяр. pokol адъ, но и новогреч. πίσσα адъ. Пекло означаетъ первоначально смолу, потому у люнеб. Вендовъ адъ называется smela; а потомъ пекло адъ въ смыслѣ христіянскомъ, исполненный смраду и горящей смолы: слѣдовательно это слово должно причислить къ древнѣйшимъ христіянскимъ; и у Литовцевъ, собственно по христіянскимъ понятіямъ, чортъ pyculas, др. прус. pickuls; другое же лит. названіе чорта wélnas— перенесено отъ языческаго божества къ христіянскому понятію. Хотя въ древ. нѣм. памятникахъ bëh (pix) и употребляется въ смыслѣ ада: in dem beche, diu pechwelle; однако это названіе не болѣе, какъ случайное и не столь распространившееся, какъ пекло. Собственно же нѣм. слово для ада идетъ еще отъ самаго Улф.: halja, производимое отъ helan скрывать.

5. НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАННОСТИ, ОПРЕДѢЛЯЕМОЕ ВЪ ЯЗЫКѢ ГОТОСКАГО ПЕРЕВОДА БИБЛІИ.

Исповѣданіемъ христіянской вѣры предполагается знаніе грамоты; и если между Славянами задолго до Кирилла и Меѳодія распространилось уже Христіянство, то безъ сомнѣнія извѣстна была и грамотность: „кръстившежесѧ, римсками и грѣчьскыми писмены нѫждаахѫсѧ“, говоритъ Черноризецъ Храбръ о Славянахъ до изобрѣтенія славянской азбуки. Древнѣйшее названіе для знающаго грамоту было: бу-

карь, употребляемое тѣмъ же черноризцемъ: „аще ли въпросиши словенскыѧ букарѧ, глѧ: кто вы писмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ? то вьси вѣдѧть.“ Слово букарь употреблено уже у Ул. въ формѣ: bokareis, для перевода гр-го γραμματεύς, коему въ О. Е. соотвѣтствуетъ кънижьникъ, отъ слова: кънигы, употребляемаго въ О. Е. только во множественномъ числѣ, и означающаго не только βίβλος, βιβλίον, но и γραφὴ, γράμματα: точно такъ и гот. boka имѣетъ смыслъ и того и другаго, и только во множ. числѣ — bokos — означаетъ книгу.

Другое слово, совершенно сходное по образованію съ букарь, bokareis, но имѣющее значеніе грамотника судебнаго, подъячаго, мздоимца, также одинаково и у Славянъ, и у Готѳовъ. Именно: мытарь, τελώνης, у Ул. motareis; мытьница, τελώνιον, у Ул. mota, которому по формѣ соотвѣтствуетъ наше мыто, въ памятникахъ юридическихъ, но оно отсутствуетъ въ О. Е. Мытарь неоднократно въ О. Е. замѣняется словомъ мьздоимьць, которому у Ул. всегда отвѣтствуетъ только motareis, напр. Лук. 5, 27 „и оузрѣ мьздоимьца именемь леуиѣ сѣдѧща на мытьници,“ у Ул. gasaw motari namin laivvi sitandan ana motastada. Отсюда ясно видимъ, что мѣсто или домъ, гдѣ собиралась пошлина, неизмѣнно назывались именемъ, происходящимъ отъ мыто, самъ же собиратель пошлинъ, кромѣ оффиціальнаго названія: мытарь, имѣлъ и другое, мздоимецъ, отъ слова мьзда, которое въ О. Е., равно какъ и у Ул. mizdo, стоитъ тамъ, гдѣ въ

гр. текстѣ μισθός, въ смыслѣ merces, напр. Мат. 20, 8 „призови дѣлателѧ. и даи имъ мьздѫ," κάλεσον τοῦς ἐργάτας, καὶ ἀπόδος αὐτοῖς τὸν μισθὸν, — и въ смыслѣ praemium: Мат. 5, 46 „аще бо любите любѧщѧѧ вы. кѫѧ мьздѫ имаате," τίνα μισθὸν ἔχετε, у Ул. wo mizdono habaiþ. Готѳское mizdo вовсе не имѣетъ отъ себя производныхъ, слѣдовательно менѣе вкоренилось въ языкъ; въ О. Е. кромѣ *мздоимца*, коимъ переведено τελώνης, встрѣчается *безмьздьникома*, что по-греч. отъ инаго корня: τῶν ἀναργύρων. Собиратели пошлинъ не только въ Іудеи, но и въ другихъ областяхъ, находившихся подъ вліяніемъ Римской имперіи, были въ пренебреженіи, и имя ихъ переходило въ бранное, какъ теперь у насъ ябедникъ. Потому не удивительно, что Мат. 5, 46 τελῶναι, въ О. Е. мытарие, Ул. переводитъ презрительнымъ наименованіемъ: þiudo—язычники.—Мытарь первоначально не было названіемъ унизительнымъ, что видно изъ Рус. Пр.: „вывести послухы любо мытника,"—или: „выведеть свободна мужа два или мытника."

Наконецъ столь извѣстное въ средніе вѣка славянское титло жупанъ, записанное Византійцами—Константиномъ Багрянороднымъ, Анною Комниною и друг. (смотр. у Дюканжа),—отъ юга къ сѣверу достигшее до Литвы и древ. Пруссовъ, въ формахъ župponê, supûni, для означенія женщины, госпожи,—было извѣстно и Готѳамъ *) въ смыслѣ человѣка

*) Предисловіе Гримма къ Вуковой срб. грам., 1824, стр. II.

знающаго, избраннаго, лучшаго: греч. μαθητής, ученикъ, Ул. переводитъ именно этимъ словомъ: sipôneis, которое совершенно необъяснимо въ нѣм. наръчіяхъ, мимо славянскаго жупана.

6. ИСТОРІЯ ПОНЯТІЙ СЕМЕЙНЫХЪ ВЪ ЯЗЫКѢ.

Въ отношеніи семейной жизни слѣдуетъ рѣшить вопросъ особенной важности о томъ, какое вліяніе произвелъ переводъ Св. Писанія на понятія о жизни семейной. Были ли онѣ и до того времени достаточно уже чисты, или же переводчикамъ предстоялъ трудъ, весьма тяжелый, облагородить ихъ, примѣняя къ языку Евангелія, для того, чтобы не нарушить святости Слова Божія нечистыми намеками на древнеславянскіе обряды?

Языкъ нашъ свидѣтельствуетъ, что Славяне преимущественно передъ всѣми индоевропейскими народами въ большей чистотѣ сохранили древнѣйшія названія семейныхъ отношеній и членовъ семейства: такъ что славянскія слова, означающія эти понятія, по прямой линіи ведутъ свою исторію отъ Санскрита, и стоятъ въ самомъ близкомъ къ нему отношеніи. Первобытная жизнь, въ языкѣ выражаемая, столь далека отъ порчи нравовъ, возникающей вмѣстѣ съ развитіемъ общества, что семейныя понятія мало подверглись въ славянскомъ языкѣ перевороту отъ внесенія въ него идей христіянскихъ. Конечно, язычество вошло во многіе обряды семейные: но

Христіянство, какъ скоро проникло къ Славянамъ, еще во времена доисторическія уже изгнало изъ языка перевода Св. Писанія все, что въ понятіяхъ семейныхъ оскорбляло Христіянскія идеи. Нѣмецкіе переводчики Св. Писанія поступали иначе: Христіянскія понятія о семействѣ часто передавали они такими словами, которыя во всей яркости живописали языческій обрядъ. А такъ какъ эти обряды были общими и у Нѣмцевъ, и у Славянъ, то для исторіи славянскаго языка, въ отношеніи къ понятіямъ семейнымъ, нѣмецкіе переводы Св. Писанія предлагаютъ немаловажный источникъ.

Обратимся къ самымъ фактамъ.

1. женихъ, νυμφίος, стоитъ въ родствѣ съ жена, отъ скр. джан рождать, откуда джана мужъ, джанî жена. Нашему женихъ собственно соотвѣтствуетъ скр. джанака родитель. Что понятія мужа и родителя могли совпадать, свидѣтельствуетъ гот. aba, перешедшее въ скн. afi, собственно avus, а прежде и отецъ, сродно съ скн. afl robur, afla posse, gignere, др. с. abal—vis. Какъ скр-му джанî и нашему жена соотвѣтствуетъ гот. quêns, такъ и скр-му джанака родитель, или рождающій, — др. нѣм. cuning, наше князь: а князь имѣетъ значеніе у насъ не только господина вообще, но даже и новобрачнаго, или жениха: такъ подъ 1548 г. въ Акт. Арх. 1, 210 значится: „а промежъ собя въ нашихъ волосткахъ понимаются, и приказщику взяти на князѣ и на

княгинѣ алтынъ; а приведутъ кто изъ за волости въ наши волости, или въ слободку, и приказщику взяти со князя и со княгини четыре денги московская.“ Въ народномъ языкѣ на Руси и доселѣ женихъ и невѣста называются княземъ и княгинею. Понятіе, переданное переводомъ Ульфилы, носитъ на себѣ слѣды грубаго обычая: женихъ по-гот. bruþfaþs, т. е. господинъ (faþs) невѣсты.

2. это понятіе готѳскаго слова оправдывается и другими, стоящими съ нимъ въ связи: Лук. 1, 27 къ двц҃и обрѫченѣ мѫжеви, у Ул, du magaþai in fragibtim abin, πρὸς πάρθενον μεμνηστευμένην ἀνδρὶ. Что греческое μνηστεύομαι не имѣетъ смысла христіянскаго обрученія, свидѣтельствуетъ самъ Гомеръ, употребляющій μνηστεύω, μνηστὸς и др. того же корня слова, въ коихъ нѣтъ и намека на порученіе или обрученіе: значитъ, это послѣднее слово, столь удачно выражающее мысль, принадлежитъ Славянамъ, и поелику оно не грецизмъ, можемъ думать, что оно уже употреблялось и до перевода Св. Писанія. Еще у Индійцевъ бракъ назывался пâни-граһанам (въ зак. Ману), отъ пâни рука и граһ—брать, принимать: слѣдовательно наше обрученіе. Слич. обычай рукобитія при договорахъ. Готѳы и Нѣмцы удержали въ переводѣ Св. Писанія древній обрядъ: гот. fragift, fragibt, имѣющее при себѣ глаголъ fragiban дарить, передавать,—соединено съ понятіемъ полной, рабской зависимости жены отъ мужа, и напоминаетъ продажу невѣсты, обычай, существовавшій и у Славянъ,

но не вошедшій, вмѣстѣ съ словомъ, въ переводъ Св. Писанія. — Столь же нечистое понятіе встрѣчаемъ и въ др. нѣм. переводѣ Евангелія: такъ въ Tatiani Harmonia Evang. IX в., вышеозначенное мѣсто Лук. 1, 27 передано такъ: thiornun gimahaltero gommanne. Gimahaltero причастіе отъ mahaljan, gamahaljan spondere, desponsare, dotare, а это слово происходитъ отъ mahal forum, concio *): отсюда видно, что, по древнимъ обычаямъ, обрученіе было совершаемо общественно, міромъ: потому обрученные или новобрачные въ др. нѣм. законахъ называются gamahali, т. е. confabulati (слич. нашъ сговоръ). Нѣмецкія понятія о сборищѣ и совѣщаніи жениха и невѣсты совершенно объясняютъ слѣдующее мѣсто Нестора о языческихъ Славянахъ: „*схожахуся* на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто *съвѣщашеся*“ Лавр. сп. 6. Сходбища и совѣщанія язычниковъ-Славянъ совершенно выражаются нѣмецкими mahal и gamahali, откуда въ послѣдствіи образовались vermählen, gemahl, gemahlin. Сей часъ увидимъ и славянское *умыканіе* невѣстъ въ древнѣйшемъ нѣмецкомъ переводѣ Евангелія.

3. бракъ, γάμος. Весьма вѣроятно сближеніе этого слова съ глаголомъ брать, и въ умѣ, и на языкѣ Славянъ: ибо сродство словъ приводится до нѣкотораго

---

*) Grimm, D. R. A. 433.

сознанія употребленіемъ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что только отвлеченное понятіе глагола брать ни коимъ образомъ не могло развить существеннаго смысла слова бракъ. Отъ глагола брать, скр. б'ри поддерживать, питать, образуется скр. б'арья̂ жена, собственно: *поддерживаемая, взятая:* слѣдовательно наше слово бракъ, происходя отъ б'ри, стоитъ въ связи съ б'арья̂ жена, какъ женитьба, по-лужицки просто žeň,—съ жена. Кромѣ того бракъ могъ стоять въ связи и съ скр. б'артри мужъ, собственно *поддерживающій, несущій.* Съ этимъ производствомъ согласуется римскій символъ *переносить умыкаемыхъ* невѣстъ черезъ порогъ жилища жениха: то, что по-скр. и по-славянски выражено названіемъ, у Римлянъ сохранилось въ обычаѣ, вѣроятно не чуждомъ славянскому умыканію. Обративъ вниманіе на нѣмецкій переводъ, мы опять увидимъ народный обычай, во всей яркости вошедшій въ Св. Писаніе: въ др. нѣм. Евангеліи VIII в. бракъ переводится bruthlauft, Мат. 22, 2., т. е. быстрое удаленіе, побѣгъ жениха съ невѣстою, т. е. славянское *умыканіе.* Несторъ говоритъ о Древлянахъ: „брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды (вар. вводы) дѣвиця," Лавр. 6.— Несторъ очевидно противополагаетъ христіянское слово бракъ языческому обряду. Позднѣйшій лѣтописецъ (XVIII в.) такъ объясняетъ это мѣсто: „брака у нихъ нѣтъ: воровски на конѣхъ подъѣзжаютъ къ другимъ жилищамъ и гдѣ увидятъ у воды девицъ или женъ молодыхъ: то оныхъ увозятъ къ себѣ и живутъ съ ними." Рум. Муз. 357. Водить невѣстъ

къ водѣ—былъ старинный языческій обычай, не вышедшій еще изъ употребленія при Митрополитѣ Кириллѣ, который такъ говоритъ противъ него: „впредѣлѣхъ новгородскихъ невѣсты водятъ кводѣ и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ.“ Рум. Муз. 321. Обрядъ умыканія могъ сопровождаться нѣкоторыми религіозными обычаями, ибо у воды молились точно также, какъ и подъ деревами: церковный законъ осуждаетъ того „кто молится у воды или подъ рощеніемъ,“ Рум. Муз. 328. Остаткомъ этого поклоненія водѣ при умыканіи невѣстъ должно почесть эстонскій обычай, по которому молодая бросаетъ въ колодязь даръ или жертву, вѣроятно, благодарственную. Преданіе о водѣ при бракосочетаніи идетъ издавна: еще въ Индіи невѣсту кропили водою, и она должна была касаться воды и огня. Римляне *) уводили невѣстъ не только съ факелами, но и съ освященной водой, въ знакъ того, что невѣста вступаетъ въ домъ мужа casta puraque. Въ южной Галліи „virgo quum juberetur a patre aquam porrigere ei, quem virum eligeret“,—Iustin. XLIII, 3, 11. Zuato-cudna uoda, вмѣстѣ съ plamen praudozuesten, употребляющаяся символомъ очищенія въ Судѣ Любуши, происходитъ отъ cud чистота, cúditi очищать, откуда cudař судья. Слѣдовательно употребленіе воды на бракѣ, кромѣ религіознаго значенія, могло имѣть и юридическое.

---

*) Klausen, Aeneas v. d. penat. стр. 626.

4. понятіе о побѣгѣ, выраженное въ др. нѣм. bruthlauft, сохранилось въ О. Е. въ словѣ поть-бѣга: „женѧисѧ потьбѣгоиѫ“, въ исправленномъ текстѣ ближе къ гречес.: пущеницею, λελυμένην. Различное писанье этого слова въ разныхъ рукописяхъ указываетъ на древнѣйшее его употребленіе: въ Glag. Cloz. потыпѣга, въ русскихъ текстахъ подъбѣга: измѣненіе *б* въ *п* послѣ *т*, и измѣненіе *т* въ *д* передъ *б*—произошли отъ ассимиляціи звуковъ и нисколько не могутъ ввести въ сомнѣніе, что потьбѣга не первоначальная форма этого слова. Для объясненія его обратимся къ скр-му пунсчалî, meretrix, которое подобно нашему потьбѣга, состоитъ изъ двухъ словъ: пунс мужъ, самецъ и чала идущій, двигающійся: и такъ первая часть слова потьбѣга — поть должно означать господина, мужа: и дѣйствительно скр. пати dominus, зен. паитис, лит. pats (самъ, мужъ, самецъ), patti (сама, жена), гот. faþs, въ сложныхъ bruþ-faþs господинъ невѣсты, synagoga - faþs начальникъ синагоги. — Касательно же послѣдняго члена въ словѣ потьбѣга именно: бѣга, надобно замѣтить, что объясненіемъ ему служитъ, кромѣ намека въ др. н. bruthlauft, чешское běhlá и běhna meretrix: но такъ какъ языкъ мало по малу теряетъ доисторическіе слѣды родства своего съ языками древнѣйшими, и болѣе и болѣе образуется по собственному организму, то санскрито-славянское поть весьма естественно могло уступить мѣсто предлогу подъ, чему способствовали даже сами звуки посредствомъ ассимиляціи: такимъ образомъ состави-

лось чешск. podbėhnauti violare, прямо отъ чешск. podbyeha, приводимаго въ словар. Bhmr. и Rozk. Если это слово претерпѣло столько измѣненій въ своемъ историческомъ развитіи, то нимало неудивительно, что филологи недоумѣвали при его объясненіи, точно также, какъ противорѣчили и рукописи въ его начертаніи. Вотъ что говоритъ Копитаръ: „ita ut nescias, an sit a потепѫсѧ, quasi потепѧга russice, i. e. pulsa, vagatrix; an подъбѣга quasi perfuga a подъбѣгу; an denique a подъпѣга quasi *subvariegata*, quae nempe fortasse per legem quandam Slavis propriam in poenam male servati conjugii vestis partem inferiorem *variam* debebat gestare? Quid tandem quarta scriptio потьбѣга? quam bis habet Ostromiri cod.“ *) Именно съ послѣдняго, какъ древнѣйшаго начертанія этого слова и слѣдовало бы начать.

Примѣч. Слова такого значенія могли принадлежать къ древнѣйшему періоду образованія языка. Приведемъ здѣсь одно древнечешское слово: ženyma concubina, откуда ženimčic spurius, ženimec concubinarius. Оно образовалось изъ жена и суф.-има, соотвѣтственное коему находимъ скр. указательное мѣстоимѣніе *има*: какъ тезка происходитъ отъ мѣстоимѣнія тез, такъ и лат. imitor, imago весьма остроумно производитъ Боппъ отъ скр. мѣстоимѣнія има, слѣдовательно эти лат. слова имѣютъ смыслъ: тоже дѣлаю, тоже являющее. Павскій **) справед-

---

*) Glagol. Cloz. предисловіе, стр. VIII.
**) Филолог. наблюд. 2, 140—141.

ливо замѣчаетъ, что слогъ *имъ* придаетъ слову значеніе сходства: отчимъ заступающій мѣсто отца, побратимъ подобный брату, нелюдимъ не сближающійся съ людьми, сладимый близкій къ сладкому; но онъ отказывается объяснить этотъ слогъ, и даже склоняется къ тому мнѣнію, будто бы и въ словѣ отчимъ м образовалось изъ предыханія в, или х, т. е. отчимъ вмѣсто отчивъ или отчухъ. Но такое объясненіе не подкрѣпляется историческими фактами: въ Рус. Правдѣ встрѣчаются уже не только отьцимъ, отчимъ, очимъ, но даже иночимъ, иноотчимъ, съ прилагательнымъ иночимль. Слѣдовательно въ др. чешск. *женима* нѣтъ препятствія видѣть остатокъ скр-го мѣстоименія: потому женима значитъ похожая на жену, замѣняющая жену.

5. невѣста, νύμφη, кромѣ собственнаго значенія имѣетъ въ Евангеліи смыслъ снохи, невѣстки: „невѣсту на свекровь свою,“ Tatian. Harm. Evang. snur uuidar ira suigar, Мат. 10, 35. a snur, лат. nurus, схоха—объясняется скр-мъ снушâ, которое можетъ быть произведено отъ сŷну—сынъ: сŷну-шья, какъ бы прилагательная форма отъ род. падежа: слѣдовательно значитъ: сыновняя, т. е. жена *): въ древнемъ языкѣ, подобно невѣстѣ, сноха имѣетъ болѣе общій смыслъ: „стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ,“ говоритъ Несторъ, Лавр. 6. Именно въ этомъ болѣе об-

---

*) Höfer, Beitr. z. Etymologie, 1839 стр. 393.

щемъ значеніи и заключается настоящій смыслъ невѣсты. Въ чешск. языкѣ невѣста значитъ не только sponsa, но и nurus, а невѣстка meretrix; точно также какъ наша золовка переходитъ въ др. нѣм. въ gella (слич. лат. glos) — concubina, мужеская форма коего gellof (levir) *). Въ чешск. невѣста соотвѣтствуетъ зюпо: zeť a newesta, по Юнгману: schwiegerkinder: точно такое же соотвѣтствіе встрѣчаемъ и у Нестора: „не хожаше зять по невѣсту“, т. е. женихъ за невѣстой; Лавр. 6. Отсюда видно, что подъ невѣстою наши предки разумѣли не только обрученную, но и жену вообще: такъ и Памв. Берынд. объясняетъ слово жена — невѣстою; а Еву называетъ: „першая невѣста створеная.“ По-польски niewiasta zła—djablica, ięndza: еще любопытнѣе у Памв. Берынды же мы находимъ: „невѣстникъ, чрътогъ, ложница.“—Вотъ какъ ученые объясняютъ невѣсту: Челаковскій производитъ отъ веду, невѣста какъ бы non ducta (Slow. nar. pjsně, II, 221): но измѣненія *е* въ *ѣ* не допускаетъ организмъ слав. языка; другіе, а за ними и Миклошичь **), производятъ отъ видѣти, и невѣста, по ихъ мнѣнію, какъ бы non visa: такъ какъ невѣста имѣла общее значеніе жены, невѣсты, снохи: то это объясненіе противно самому смыслу слова невѣста. Всѣхъ счастливѣе былъ при объясненіи этого слова Катковъ, ***) потому что обратился къ

*) Pott, Etym. Forsch. 1, 131. Grimm, D. Gr. 2, 183.
**) Radic. lingu. Slow. 9.
***) Объ элем. и форм. слав. языка, 54.

языку скр-му: ибо этотъ языкъ остается источникомъ объясненію славянскихъ словъ, по преимуществу имѣющихъ смыслъ родства. Невѣсту Катковъ объясняетъ скр-мъ причастіемъ: нівêçітâ (введенная, преданная, заученная) отъ віç входить, отъ коего причинная форма: вêç - аjіітум вводить. Это объясненіе, не противорѣча законамъ языка, вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію невѣсты, въ обширномъ смыслѣ принимаемому. Такое производство подкрѣпляется еще болѣе тѣмъ, что въ Магабгаратѣ глаголъ нивиç именно значитъ: uxorem ducere. — Теперь слѣдуетъ разыскать: вопервыхъ остался ли въ славянскомъ языкѣ скр. предлогъ *ни*, перешедшій въ *не* въ словѣ невѣста, и вовторыхъ, нельзя ли помощію славянскаго языка его отдѣлить, чтобы обнажить коренное слово *вѣста* въ словѣ невѣста. Объ остаткѣ скр-го предлога *ни* свидѣтельствуетъ наше древнее слово нетій, серб. нетяк, нетяка племянникъ, -ца, уже у Ул. попадающееся въ формѣ nipjis, въ общемъ смыслѣ родственника, συγγενής, въ О. Е. ѫжика, Io. 18 26. Нетій соотвѣтствуетъ скр-му апатья proles, состоящему изъ апа—отъ, и мѣстоименія тья, коимъ образуются не только скр. нгатья здѣшній, но и гот. framaþia, и наше не-тій: приставка же *не*, общая съ гот. ni въ niþjis, имѣетъ смыслъ: подъ, отъ, внизу въ скр. слитномъ предлогѣ *ни*, сродномъ съ нашимъ ни-зъ, др. н. nidar, gi-na-de, откуда gnade, собственно униженіе, смиреніе. Въ скн. осталось nidr въ значеніи предлога herab, и въ значеніи сына. Къ этому же корню могутъ быть отнесены ник-нуть, ни-чь, ни-щій: это по-

слѣднее слово вѣроятно стоитъ въ связи съ скр. нîча или ньяча humilis, vilis, pravus—состоящимъ изъ приставки *ни* и *анч* идти, почитать: даже до сихъ поръ въ нашемъ словѣ нищій сохраняются слѣды происхожденія отъ прилагательнаго, именно въ склоненіи: свидѣтельство очень важное, ибо состоитъ въ самомъ организмѣ языка. Слѣдовательно нетій точно также происходитъ отъ предлога съ мѣстоименіемъ, какъ и потомокъ. — Отсюда мы видимъ, что скр. *ни* въ формѣ *не* служило образованіемъ въ славянскомъ языкѣ не одному слову невѣста. Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на вторую часть этого слова. Въ славянскомъ языкѣ дѣйствительно осталось слово вѣсть, сокращенная форма отъ (не)вѣста, въ формѣ: свѣсть, еще въ Glos. mat. verb. объясняемой такъ: suest, fratria vel fratrissa, fratris uxor vel uxoris soror; zwezt glos, gloris. Слѣдовательно въ словѣ свѣсть, славянскимъ предлогамъ *съ* переводится древнѣйшій *не* или *ни*: сближеніе же значеній словъ невѣста и свѣсть само собою явствуетъ, если мы примемъ въ соображеніе болѣе общій смыслъ перваго слова, и значеніе предлога во второмъ. По-лит. взрослая дѣвица называется *westina* mergà.

6. общее понятіе для означенія родства въ О. Е. ѫжика, συγγενὴς, коему у Ул. соотвѣтствуетъ грецизмъ sama-kuns. Это слово имѣетъ при себѣ и другія однородныя, каковы: ѫже ἄλυσις, ѫза δεσμὸς, при коемъ есть видоизмѣненная форма ѭза, откуда вязать; ѫзъкъ στενός. — Для опредѣленія этихъ словъ

надобно замѣтить, что во многихъ корняхъ скр. придыхательныя дж, ч, ш въ славянскомъ языкѣ переходятъ въ соотвѣтственныя имъ: г, д, к, т, х:

скр.	слав.
ç̣уш	суш-ить отъ сухъ.
тушни̂ка	тихъ, откуда тиш-ина.
туш (радоваться)	у-тѣха, тѣшить.
вач	вѣт-ить, вѣч-ать вѣщ-ать.
чур (жечь)	курить.
чанд (свѣтить)	кадить, чадъ.
прачʿ	прос-ить.
ичʿ, иш, ишта	иск-ать.

По этому закону слав. ѫж, ѫз подходитъ къ скр-у юдж связывать, соединять; и предполагаетъ соотвѣтственную себѣ форму ѫг, которая и является въ словѣ ѫгълъ γωνία: слѣдовательно съ понятіемъ угла соединяется представленіе съуживающагося пространства; и дѣйствительно отъ гот. agguus (слич. л. angustus) узкій происходитъ скн. ângr узкій заливъ, engi узкая луговина. Какъ наше ѫз переходитъ въ ѫг, такъ и скр. юдж въ юга—собственно пара. Носовой звукъ, отсутствующій въ скр. словѣ, является, подобно нашему, въ лат. jungo, и потомъ исчезаетъ въ conjux, jugum, какъ и въ нашемъ иго, которое опять принимаетъ носовой звукъ въ лит. jungas отъ jungiu. Скр. гласная і въ юга, юдж, переходитъ въ l въ гот. liugan, γαμεῖν, liuga бракъ. Такимъ образомъ древнеславянское понятіе о родствѣ, происходя отъ представленія о связи и сбли-

женіи, въ гот. языкѣ перешло въ понятіе о бракѣ, какъ источникѣ родственныхъ связей. По Гримму *) гот. liuga происходитъ будто бы отъ liugan скрывать, какъ лат. nubere сближается съ nubes, или исп. velarse (жениться) и velado супругъ — съ velar покрывать.

7. особенной важности въ историческомъ отношеніи слово, означающее вмѣстѣ и мужа и жену, именно: манженъ. Это слово вопреки чеш-у manžel мужъ, супругъ, — Юнгманъ, раздѣляя на *мал* и *жена*, сближаетъ съ нѣм. mahl въ gemahl. Въ польскомъ языкѣ кромѣ małżonek употребляется и mążonek. Распространенное употребленіе и видоизмѣненіе въ выговорѣ, затемнившія прямой слыслъ слова, указываютъ на его древность. Очевидно, оно сложное. Въ древнѣйшемъ періодѣ славянскій языкъ особенно любилъ слова сложныя, что видно изъ названій языческихъ боговъ, какъ древнѣйшихъ остатковъ языка, и изъ старинныхъ собственныхъ именъ, напр. въ Судѣ Любуши: Лютоборъ, Ратиборъ, Ярожиръ и друг. — Замѣчательно, что древнѣйшія сложныя слова, по большей части, не пользовались слагающими или соединительными звуками *о* и *е*, которыми теперь обыкновенно соединяются части сложнаго слова: но, подобно Санскриту, гораздо вольнѣе соединялись, о чемъ свидѣтельствуютъ, напр., Стри-богъ, Даждь-богъ. Остатокъ такого санскрито-славянскаго сложенія предлагаетъ намъ О. Е. въ

*) D. Gr. 2, 23.

словѣ братъ-сестръ: »евлампа и евлампин присныма братъсестрома.« Всего ближе объясняется такое сложеніе скр. сложными, напр. для совокупнаго понятія дѣтей и жены скр. употребляетъ: путрадâра, состоящее изъ *путра* сынъ и *дара* жена. Именно къ этому же древнѣйшему періоду должно относиться и маль-женъ, или, по другому произношенію; манженъ, состоящее изъ манж, т. е. мѫжъ (скр. мануджа; т. е. рожденный=джа, отъ гéроя и полубога Ману) и жена; и означающее вмѣстѣ и мужа и жену. Значеніе и употребленіе этого слова особенно явствуетъ, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста въ вопросахъ Кюрика: „достоитъ ли женѣ мужю своему помочи терпѣти опитемьи; и мужю женѣ? достоить; рече, велми, волею; яко и другъ къ другу и братъ брату: добро есть тако и *мальженома*.“ Пам. Рос. Сл. XII в. 194. Въ послѣдствіи, когда утратилось сознаніе о происхожденіи этого слова, въ языкѣ образовались изъ него отдѣльныя названія и для мужа manžel, manžonek; и для жены manželka, mažonka. Въ этихъ словахъ Славяне осмыслили себѣ древнѣйшую форму точно также, какъ скр. форму снушâ (сноха), т. е. сýну-шья (сыновняя) перевели соотвѣтственно Санскриту прилагательнымъ: сноха въ пол., кр. называется: synowa, synâha, т. е. сыновняя.

8. такъ какъ древнѣйшія формы поэзіи тѣсно связаны съ исторіею языка: то весьма любопытно обратить вниманіе, какъ сербская поэзія, по преимуществу сохранившая первобытное эпическое настро-

еніе, возводитъ до апотеозы семейныя связи, Вук. 1, N 231:

радуе се звијезда даница,
жени *брата* сјајнога мјесеца,
испросила муню од облака;
она купи китіене *сватове*:
кума куми Бога јединога,
а *прикумка* светога Іована,
старог *свата* светога Николу,
а *дјевера* апостола Петра;
права *свата* светог Пантелију,
іендибулу огніену Марию.

Высокой нравственностью жизни семейной отзываются эти затѣйливыя представленія эпической фантазіи. Народъ въ своихъ вѣрованіяхъ всегда любитъ возводить до обоготворенія все лучшее и существенное въ своей собственной жизни. Славяне столь вѣрно сохранившіе отъ временъ доисторическихъ чистоту наивныхъ связей семейныхъ, какъ бы сознали всю важность ими сбереженнаго, перенеся свои любимыя понятія о родствѣ и братствѣ въ область религіозныхъ повѣрій. Потому высочайшее беззаконіе, проклятое Богомъ, полагаетъ сербская поэзія въ нарушеніи правъ родственныхъ и семейныхъ: такъ Громовникъ Илія описываетъ Маріи проклятую землю, Вук. 2, N 2:

діе не моле Бога, да помогне,
и не слуша пород родителя,
и не слуша млади старијега;
діе кум кума не држи за кума,
діевер снаси о срамоти ради;
діе брат брата по судовим тіера.

9. благочестивые переводчики Св. Писанія на славянскій языкъ не знали или не хотѣли знать словъ, означающихъ нарушеніе супружескихъ правъ. Кромѣ древнѣйшаго потьбѣга, они не употребляютъ ни одного изъ словъ такого рода въ точномъ, нынѣшнемъ значеніи. Такъ въ О. Е. ὡσεὶ λῆρος τὰ ῥήματα ἀυτῶν— переводится: яко блѧди (т. е. вздоръ, пустяки) гл҃и ихъ, Лук. 24, 11; въ исправленномъ: яко лжа гл҃ы ихъ; — ζῶν ἀσώτως, въ О. Е. живы блѧдьно, Лук. 15, 13, т. е. расточительно. Какъ бы то ни было, отъ недостатка ли словъ, свидѣтельствующаго о чистотѣ нравовъ, или изъ приличія строго наблюдаемаго переводчиками: только въ славянскомъ переводѣ Евангелія, для выраженія греческихъ: πόρνη, πόρνος, μοιχός, μοιχεία и др., встрѣчаемъ уже неологизмы, составленные на образецъ грецизмовъ, какъ напр. зъло-дѣи κακο-ποιός, κακοῦργος, у Ул. тоже грецизмъ: ubil-tojis; благо-творити ἀγαθοποιεῖν: а именно: для πόρνη любо-дѣица, и даже усиленное по славянскому словосочиненію употребленіе: развѣ словесе любодѣаньнааго: παρεκτὸς λόγου πορνείας, Мат. 19, 9; а для μοιχός переводчики прибавили къ неологизму любо-дѣиць частицу прѣ, указывающую въ священномъ языкѣ также или на грецизмъ, напр. прѣображение μεταμόρφοσις, или же на неологизмъ: прѣмѫдрыи, прѣмѫдрость, коими переводчики переслагаютъ гр. σοφός, σοφία, для отличія отъ φρόνιμος, φρόνησις, коимъ постоянно соотвѣтствуютъ въ О. Е. мѫдрыи, мѫдрость. Въ употребленіи прѣлюбодѣи, какъ прилагательнаго, видно также насиліе языку: въ ро-

дѣ семь прѣлюбодѣимь и грѣшьнѣемь, ἐν τῇ γενεᾷ ταύτῃ τῇ μοιχαλίδι και ἁμαρτωλῷ, Мр. 8, 38. Для глагола же μοιχευθῆναι слѣдовало раздѣлить сложное слово на два: прѣлюбы творити, Мат. 19, 9. Ульфила и здѣсь остается вѣренъ своему народному началу, употребляя для πόρνη собственно гот. слово, не вошедшее въ послѣдствіи въ нѣм. нарѣчія, именно kalkjo, откуда kalkinassus; а для μοιχός общее всѣмъ нѣм. племенамъ hors, откуда скн. hor, hora, arc. horing и пр.; въ гот. и производныя: глаголъ horinon и сущ. horinassus.

Примѣч. Есть причины думать, что наши переводчики руководствовались въ своемъ трудѣ чувствомъ приличія и благочестивою набожностью при выборѣ выраженій. Это особенно явствуетъ въ переводѣ описанія Страстей Господнихъ. Славянскій переводъ, вообще столь ясный и близкій къ подлиннику, въ этомъ случаѣ предлагаетъ замѣчательное отъ него отступленіе: такъ Мр. 14, 65: καὶ οἱ ὑπηρέται ῥαπίσμασιν ἀυτόν ἔβαλον — въ О. Е. смягчено до слѣд. выраженія: и слугы биѭще и прѣѧшѧ; въ испр. согласно съ текстомъ: и слуги по ланитома его біяху; даже Ул., впрочемъ столь вѣрный подлиннику и столь наивный, не могъ удержаться, чтобы не прибавить gabaurjaba, т. е. дерзко, дерзновенно, petulanter: jah andbahtos gabaurjaba lofam slohun ina — и слуги дерзко били его по щекамъ. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ, Мат. 26, 67, ἄλλοι δέ ἐῤῥάπισαν ἀυτόν переведено въ О. Е.: ови же за ланиту ударишѧ и. Но κόλαφίζω — pugnis caedo — переводчики не рѣшились передать точь въ точь, за-

мѣнивъ слѣдующими неопредѣленными выраженіями: καὶ ἐκολάφισαν αὐτόν — и пакости ему дѣяшѧ, Мат. 26, 67; καὶ κολαφίζειν αὐτόν — и мѧчити и. Если бы догадка Востокова, что въ греческомъ спискѣ у переводчика могло стоять κολάζειν вмѣсто κολαφίζειν, была справедлива, то въ исправленномъ текстѣ находились бы эти мѣста поправленными по общему чтенію съ κολαφίζειν: но видно, что и переводчикі и исправители были убѣждены въ употребленіи такихъ выраженій. Въ Tatian. Harm. Ev. сказано прямо: inti mit fustin sluogun inan.

7. ИСТОРІЯ ЯЗЫКА ВЪ ПЕРІОДѢ РАЗВИТІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ.

Какъ семья служитъ основою общества, такъ и слова, означающія родство, принимаютъ значеніе понятій о членахъ общества. Родоначальникъ, по древнѣйшему представленію, вмѣстѣ и дѣдъ и старѣйшина. У насъ онъ называется пращуромъ. Если большая часть славянскихъ названій семейныхъ объясняется самымъ удовлетворительнымъ образомъ изъ Санскрита, то тѣмъ болѣе должны мы обратиться къ этому языку при объясненіи слова, имѣющаго столь многозначительное въ историческомъ отношеніи значеніе. Уже самая приставка пра- указываетъ на скр. пра-, имѣющее тоже значеніе, напр. прабӯ— dominus, excelsus, augustus, отъ гл. бӯ— быть: труднѣе объяснить вторую часть этого слова, именно щуръ: если сблизимъ съ прилагательнымъ щирый, то вопросъ все таки не объяснится: ибо, въ отно-

шеніи согласной щ останавливаютъ насъ нарѣчія нѣмецкія, въ коихъ она является подъ формою sk, напр. въ скн. skir clarus, perspicuus, sapiens, gnarus, purus a crimine; въ отношеніи же гласной *и*, затрудняютъ нарѣчія славянскія, въ коихъ она измѣняется въ е, напр. въ польскомъ szczĕry. — Обратимся къ санскриту. Скр. небная ç, происшедшая отъ к, въ самомъ скр. языкѣ, измѣняется не только въ к и т, но даже и въ ч:

дрç видѣніе, видъ дрк (именит. несклоняем.)

δέρκω

виç человѣкъ третьяго витъ (id)

класса лит. wiĕsz-patis

çал двигаться, идти чал.

Отсюда видно, что въ скр. управляетъ тотъ же законъ соотвѣтствія между к, т, ч, какъ и въ слав. языкѣ. Первоначальная форма этихъ звуковъ является въ небной ç. Изъ всѣхъ европейскихъ языковъ славянскій всѣхъ ближе къ скр-у въ отношеніи этого звука. По большой части славянскій языкъ, какъ и санскритъ, удерживаетъ скр-ю ç въ звукѣ с:

скр.	слав.
çакуна (родъ коршуна)	соколъ
çата	сто
çâкъа	сукъ, сучокъ
çûла (natura, indoles)	сила
çуш (arescere, siccari)	сушить, сохнуть
çŷла (hasta)	сулица
çру	слушать
çвита (albus)	свѣтъ.

Какъ въ скр. ç переходитъ въ к и ч, такъ и въ слав. языкѣ скр. ç, подобно латинскому, греческому и кельтскому, переходитъ въ к, и потомъ, по собственному организму славянскаго языка, въ ч и даже въ ц. Какъ скр. даçан, десять является въ греч. подъ формою δέκα; такъ и скр. çû имѣетъ при себѣ славянскую форму ко-ю (греч. κεῖμαι, лат. quies) и чи-ю, т. е. (по)коюсь и (по)чію. На этомъ основаніи опредѣляется сродство нашихъ: сердце съ гр. καρδία, лат. cor, cordis; осмь съ гр. ὀκτώ, лат. octo; десный съ скр. дакша, лат. dexter; камень съ скр. açман: потому же закону родственны: *клоню* и *слоню*, власъ и влак-но *). Скр. свита (albus) кромѣ формы свѣтъ, имѣетъ при себѣ еще: квѣтъ, цвѣтъ, твѣтъ: нашимъ звукамъ к; ц; с, происшедшимъ изъ скр. ç, соотвѣтствуетъ нѣмецк. h: потому скр. çвита и наши свѣтъ, квѣтъ въ гот. являются въ формѣ hweits, агс и скн. hvit: др. нѣм., опуская предыханіе, образуетъ wiz, откуда нѣм. weiss: точно такъ и наше рогъ, черезъ опущеніе ç образовалось изъ скр. çрнга, составившагося изъ çира голова и га идущій, т. е. изъ головы идущій, или растущій. Такъ какъ скр-у ч часто соотвѣтствуетъ слав. щ, напр. скр. пач печь, пещи: то и скр. ç, стоящее въ связи съ ч и к, можетъ замѣняться слав-мъ щ, напр. скр. нактам и ниçа по-слав. не только ночь, но и нощь. Вотъ что почли мы

---

*) Статья Шафарика въ Časop. Česk. Mus.. 1847, N 1. стр. 57 — 58.

нужнымъ сказать предварительно о свойствѣ небнаго звука ç. Теперь обратимся къ слову пращуръ, и собственно ко второй его половинѣ: щуръ.

Скр. çура герой, мужъ, по закону измѣненія буквъ, общему въ славян. съ скр., является у насъ въ трехъ формахъ: 1) въ первобытной санскритской, подъ формою *суръ*, и значитъ молодецъ, герой, какъ мы видимъ напр. въ др. р. ст. „удалой молодецъ былъ Волгскій суръ, 271: такъ названъ Садко богатый гость. 2) въ формѣ, родственной языкамъ греч., лат. и кельт., по измѣненію ç въ к: именно отъ скр. çваçура, состоящаго изъ сва свой и çура мужъ (слич. скр. сваджана своякъ), образовались: наши све-коръ, све-кры, гр. ἑ-κύρος, ἑ-κυρά, лат. socrus: здѣсь наше -коръ точно также относится къ скр. çура, какъ гр. κῦρος, κύριος и кельт. curadh воинъ отъ cur сила. И наконецъ 3) подъ формою чисто славянскою, въ коей скр. ç, измѣнившаяся въ к, частію удержала при себѣ слѣды своего происхожденія въ звукѣ щ: по крайней мѣрѣ исторически весьма вѣроятно предположить, что праотецъ и герой-полубогъ могли быть совмѣстны въ понятіяхъ нашихъ предковъ. Вели же свой родъ отъ какого-то доисторическаго героя лютый Хрудошъ и Стяглавъ храбрый, спорящіе о дѣдинѣ отней въ Судѣ Любуши: „oba bratri, oba çlenouica, „roda stara tetui popeloua, „ien se pride s pleki s çehouimi „u se se sirne ulasti pres tri reki.“ И такъ коренное слово щуръ въ нашемъ пращурѣ объясняется скр-мъ

çура. Какъ щирый имѣетъ при себѣ не только у Славянъ форму чирый, но и въ Литвѣ: czyras; такъ и щуръ предполагаетъ форму чуръ, согласную съ литовскимъ czur-nus, означающимъ тоже, что и czyras. Вѣроятно сюда же относится и лит. czurras—по Мильке—ein Iunge bei einem Herrn.

Народныя преданія о доисторическомъ движеніи племенъ, подъ предводительствомъ героевъ полубоговъ долго держались въ памяти народной и не могли не сохраниться въ языкѣ. Все старобытное облекалось въ форму сверхъестественную, и всякому пріятно было видѣть въ своемъ предкѣ существо высшее, выступающее изъ круга обыкновенныхъ людей. Любовь потомковъ къ своимъ прадѣдамъ воспламеняла ихъ воображеніе, и выразилась въ преданіяхъ о геройхъ-родоначальникахъ, облеченныхъ божественнымъ величіемъ. По-древански дѣдъ lgôlga *), т. е. ljolja: отсюда Богъ назывался nos lgôlga т. е. нашъ дѣдъ, нашъ прадѣдъ: слич. выраженія: внуки Даждь-бога, внуки Стри-бога. У лужичанъ zeďki дѣды употребляется въ смыслѣ пастуховъ, приходившихъ поклоняться Христу, а потомъ и вообще въ смыслѣ пришлецовъ. Древнѣйшее понятіе о власти начальника основывалось на родствѣ родоначальника съ своимъ родомъ: этимъ объясняются обычныя выраженія въ лѣтописяхъ: „Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ *роды* своими, иже и

*) Добровскаго Slovanka 1, 13.

до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ *родомъ* и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо *родомъ* своимъ.“ — „Се Кій княжяше *въ родѣ* своемъ.“ — „(Кій) възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ *родомъ* своимъ.“ — „И по сихъ братьи держати почаша *родъ* ихъ княженье въ Поляхъ.“ — Какъ о Славянахъ, точно также выражается лѣтописецъ и о Варягахъ: „и изъбрашася 3 братья съ *роды* своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша.“ — „И бяста у него 2 мужа (Аскольдъ и Диръ), не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ *родомъ* своимъ.“ — Лавр. стр. 4, 5, 8, 9. Слѣдовательно понятіе рода или родства первоначально связывало лица одного племени и означало народъ: „мы отъ *рода* рускаго,“ говорили послы въ договорѣ Игоря, Лавр. стр. 19. Въ О. Е. словомъ *родъ* собственно переводится γένος, однако также и ἔθνος, Io. 18, 35, чему у Ул. соотвѣтствуетъ þiuda. Словомъ же народъ въ старину означалось понятіе не столь благородное: въ О. Е. народъ значитъ только ὄχλος, и у Ул. переводится словами, означающими только толпу, множество: hiuhma, jumjo и даже managei: такъ что Остромирову народъ въ чешск. отрывкѣ Ев. отъ Io. X в. соотвѣтствуетъ весьма естественно: dau, давъ, т. е. давка, толпа. Отсюда можно заключить, что народъ есть уже понятіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда утратилась родственная связь между родоначальникомъ и его племенемъ, и когда понятіе о соплеменникѣ перестало возбуждать поня-

тіе о родствѣ и перешло къ представленію множества, толпы. Первоначально же народъ могъ быть синонимомъ рожденію: такъ у Лужичанъ и доселѣ народъ имѣетъ это значеніе: pschéd Kristussowem narodom, а рожденіе въ О. Е. наоборотъ значитъ родственникъ, и соотвѣтствуетъ въ исправленномъ текстѣ словамъ: ужики, сродници. Древнѣйшее употребленіе слова народъ вмѣсто родъ встрѣчаемъ уже въ Фрейз. ркпси: narod zlovuezki — народъ человѣчьски, genus humanum.

Родственная связь властителя и подвластнаго ясно обозначилась въ языкѣ: отъ гот. þiuda, родъ, племя, народъ, происходитъ þiudans царь, властитель *народный, родоначальникъ*. Чувства, соединявшія властителя и подвластнаго, какъ ближайшихъ родственниковъ, были любовь, милость и ласка: потому-то по-скн. властитель, царь называется mildingr, отъ mildr милостивый, ласковый: этимъ объясняется у насъ постоянный эпитетъ Владиміру *ласковый*. Скр. патû dominus, откуда лит. patis, wiẽsz-patis, наше гос-подинъ, гр. δης-πότης, даже можетъ быть πος въ ἄνθρο-πος (по Боппу вмѣсто ἄνδρο-πος, т. е. viros regens, какъ мжжъ отъ скр. мануджа) — происходитъ отъ пâ хранить, беречь, родственнаго съ нашимъ питать, лат. pâ-vi, pa-bulum, гр. πάομαι, ἐπασάμην, πέπαμαι, πατέομαι. Здѣсь начало эпическому постоянному эпитету царя у Гомера: ποιμὴν λαῶν: такъ эпическая поэзія въ своихъ обычныхъ формахъ сохраняетъ слѣды древнѣйшихъ понятій. Теперь будетъ

намъ понятно, почему кормить значитъ у насъ и питать, и вмѣстѣ съ тѣмъ управлять: *кормилецъ* есть постоянный эпитетъ не только отца, но и всякаго властителя: а въ Краледв. рукописи Забой, оплакивая смерть славянскаго воеводы и предводителя, называетъ его otčik, т. е. отецъ.

Какъ эпическій языкъ свои украшающія формы образуетъ согласно съ образованіемъ языка, такъ и эпическія преданія въ своихъ миѳахъ выражаютъ понятія и воззрѣнія народа. И въ языкѣ, и въ сознаніи народа глубоко коренится убѣжденіе о родствѣ всѣхъ членовъ племени, образующихъ народъ: родственная любовь и сыновнее почтеніе связываютъ всѣхъ твердыми узами. Какъ Китайскій Императоръ почитается отцемъ народа, и какъ изъ различныхъ частей тѣла Брамы вышли различныя касты, роднящіяся между собою единымъ божественнымъ происхожденіемъ *): такъ и по наивнымъ преданіямъ всѣхъ народовъ различіе состояній или классовъ народа произошло по нисходящей линіи отъ одного прадѣдовскаго начала. Исландскій миѳъ (Rîgsmâl) **)

---

*) Развитіе классовъ народныхъ изъ частей божества соотвѣтствуетъ сотворенію міра изъ божественныхъ членовъ. Вѣроятно въ соотвѣтствіи съ миѳомъ о происхожденіи кастъ образовались въ языкѣ слова, означающія и части человѣческаго тѣла, и вмѣстѣ классы народные. Grimm, D. R. A. 469—470.

**) D. R. A. 266. 282.

всѣ классы народные ведетъ отъ предковъ: благородные (iarlar) происходятъ отъ fadir и môdir, отъ отца и матери, свободные (karlar) отъ afi и amma, отъ дѣда и бабки, всѣ рабы (þraelar) отъ ai и edda, т. е. прадѣда и прабабушки. Далѣе, Iarl, представитель благороднаго класса, имѣлъ у себя дѣтей, которыя именами своими указываютъ на развитіе общественныхъ понятій изъ семейныхъ, а именно: Adall (благородный), Arfi (наслѣдникъ), Barn, Kundr, Konr, Mögr, Nidr, Sonr, Sveinn.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя изъ этихъ словъ, потому что исторія ихъ имѣетъ много общаго съ нашими.

1. barn и mögr означаютъ дѣтей: mögr въ гот. magus, коимъ Ул. переводитъ παῖς, въ О. Е. отрокъ, напр. Лук. 2, 43: ὑπέμεινεν Ἰησοῦς ὁ παῖς ἐν Ἱερουσαλήμ, оста ѡтрокъ въ перс҃лмѣ, gastoþ iesus sa magus in iairusalem. Ул. употребляетъ magus и въ смыслѣ раба, напр. Лук. 15, 26: ἕνα νῶν παίδων, у Ул: sumana magive: въ О. же Е. строго еще отличается отрокъ отъ раба, и это мѣсто переведено такѣ: „единого отъ рабъ: такъ что отсюда можно заключить, что переводчики знали слово отрокъ только въ благородномъ его значеніи сына, а не служителя. Какъ liberi имѣетъ смыслъ вольныхъ, такъ и княжій или боярскій отрокъ получилъ смыслъ вольнаго служителя, уже въ Русск. Правдѣ: „о княжихъ отроцѣхъ“— слич. въ Салич. Зак. puer regis vel letus, 13, 7; a

съ другой стороны отрокъ, какъ лицо въ полной зависимости находящееся, перешелъ въ значеніе раба, холопа, напр. въ чешск.: otroky neb chlapy kupowati a prodawati, смотр, Слов. Юнгм.: даже Остромирову наимьникъ μισθωτὸς въ чешскихъ Евангеліяхъ соотвѣтствуетъ отрокъ, Io, 10, 12, Evang. ms Vien. — И наоборотъ Остромирово отроча въ Tat. Harm. Ev. замѣняется словомъ kneht: ther kneht vvuohs inti uuard gistrengisot geiste, отроча же растѣаше и крѣплѣашеса дх҃мь, Лук. 1, 80. Какъ отъ þiuda происходитъ þiudans, такъ и гот. kindins, коимъ Ул. переводитъ ἡγεμων, въ О. Е. игемонъ, Мат. 27, 2.—происходитъ отъ kind: по свидѣтельству Амм. Марц. у Бургундовъ царь назывался hendinus. Такимъ образомъ изъ нѣдръ семьи съ одной стороны исходитъ понятіе властителя, а съ другой понятіе раба: какъ лат. famulus отъ familia, такъ точно и челядинъ, уже въ договорѣ Олега, въ смыслѣ раба: „аще украденъ будетъ челядинъ рускый, или въскочить, или понужи проданъ будетъ,“ Лавр. 15, также въ Рус. Правдѣ: „аже кто познаетъ челядинъ свой украденъ:“ — черезъ форму челядь происходитъ отъ скр. кула родъ, племя, семья. Какъ -инъ т. е., одинъ, служитъ суффиксомъ слову челяд-инъ, такъ древнѣйшее ѣкъ, скр. êкас—одинъ, отъ того же скр. кула, образуетъ: чел-ов ѣкъ; êкас является въ лат. aequus, точно также какъ скр. мѣстоименіе има, въ нашей приставкѣ отч-имъ, образуетъ отъ себя лат. imago. Съ скр. кулâя гнѣздо, отъ кула семья, стоитъ въ связи наша древняя эпическая форма, упо-

требляющая гнѣздо вмѣсто семьи, напр. въ Сл. о П. И: „Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилцы.“ Этимъ объясняется эпитетъ Всеволода Юрьевича—большое гнѣздо. Понятіе о сочетаніи до сихъ поръ заключается въ словѣ гнѣздо, что видно изъ названія пары бабокъ гнѣздомъ. Слич. обычныя выраженія, или поговорки въ Чехахъ: dobrého hnjzda člowěk; hnjzdo nic nepomůže obyčegům zlým. — Наше слово отрокъ, означающее и сына, и свободнаго служителя, и раба, своимъ происхожденіемъ вполнѣ объясняетъ такой переходъ. Какъ всякое, въ глубокой древности образовавшееся, слово подвергается многимъ толкованіямъ и объясненіямъ, такъ случилось и съ отрокомъ. Общепринятое производство этого слова отъ реку, какъ бы infans, или польское niemowiątko, нашло себѣ защитника въ новѣйшемъ изслѣдователѣ слав. языка, Миклошичѣ *). Но, какъ основательно было уже замѣчено славянскими лингвистами **), въ словѣ отрокъ никоимъ образомъ нельзя принять за предлогъ слогъ *от*: ибо древнѣйшіе кодексы, равно какъ и Остромировъ, не отдѣляютъ этого слога еромъ: если бы это слово происходило отъ реку, то писалось бы: отърокъ. Но и производство отъ слова *от*, т. е. отецъ ***), черезъ суффиксъ р,

---

*) Radic. linqu. Slov. 74.

**) Юнгм. чеш. слов. 2, 1019.

***) Ibid.

т. е. *отр.* подобно словамъ братр, кмотр, и потомъ съ окончаніемъ -окъ,—весьма натянуто. Всѣхъ ближе къ дѣлу кажется Линдево *) сближеніе слова отрокъ съ глаголомъ troczyć вязать, и съ сущ. troki, чешск, trůky, т. е. наше народное торока: „отца-то вашего въ торокахъ везетъ“ говорила жена Соловья разбойника, Др. р. ст. 355. Какъ жжика происходитъ отъ жже, жза, и отъ понятія о родствѣ спускается до понятія объ узникѣ: такъ и отрокъ, происходя отъ троки узы, содержитъ въ себѣ понятіе и связанного узами родства, и принужденнаго служить и повиноваться.

2. какъ arfi, сынъ Ярла, собственно значитъ наслѣдникъ, гот. arbja: такъ и общеславянское названіе наслѣдника дѣдичь, стоитъ въ родственной связи съ дѣдъ; хотя въ О. Е. попадается только отвлеченное названіе: наслѣдьникъ, Мат. 21, 38; равно какъ и въ Русск. Правдѣ: задница, собственно въ смыслѣ остатка, какъ объясняютъ и самые глоссы: „о задници, сирѣчь о сстаткѣхъ“. Самый же предметъ наслѣдства есть дѣдина, уже въ Судѣ Любуши употребляющаяся въ смыслѣ наслѣдства, —и значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поле, и имѣніе вообще, и домъ, и мѣсто жительства, или родину. Ульфила для κληρονόμος въ своемъ переводѣ употребляетъ слово, имѣющее, подобно дѣдинѣ, значеніе болѣе реальное, не-

---

*) Польск. слов. 3, 584.

жели наслѣдникъ: именно arbja, въ arc. являющееся въ формѣ yrfe въ значеніи не только hereditas, но и pecus, отъ orf pecus, opes: это послѣднее слово сохранилось и въ др. швед. обычной формулѣ: arf ok urf, для означенія недвижимаго и движимаго имѣнія. Но славянскіе переводчики не хотѣли воспользоваться народнымъ понятіемъ о владѣніи, вѣроятно потому, что дѣдина и дѣдичь, заключая въ себѣ память о древнеславянскомъ преданіи, могли нарушить чистоту слова Евангельскаго: нѣтъ сомнѣнія, что права на владѣніе дѣдиной были освящены древнимъ вѣрованіемъ: дѣды чтились, какъ существа высшія, божественныя: и потому названіемъ внука весьма естественно могло выражаться отношеніе современности къ темной, миѳологической старинѣ. Этимъ объясняются въ Сл. о П. И.: жизнь Даждь-Божа внука, въ силахъ Дажь-Божа внука, и друг. По-чешски dědicowé—пенаты. Слѣдственно коренное славянское понятіе о наслѣдствѣ, выраженное словами: дѣдичь, дѣдина, основанное на родственномъ отношеніи, а не на одномъ только понятіи о имуществѣ, какъ нѣм. arbja,—не могло войти въ священный языкъ, потому что напоминало періодъ миѳологическій: Памва Берында съ намѣреніемъ отличаетъ дядко отъ дѣдко: „сице бо нѣцыи обыкоша діавола именовати.“

3. сынъ Ярла konr, собственно nobilis, rex, является въ др. нѣм. chuninc, др. сак. kuning, arc. cyning, скн. konûngr, сокращенно kôngr; женская

форма слову konr: скн. kona femina nobilis, domina, гот. quêns, qnînô только жена, arc. же cven regina, др. нѣм. quena, chena жена. Черезъ санскритъ мы узнаемъ рядъ этихъ словъ въ нашемъ *жена*. Скр-у дж соотвѣтствуетъ нѣм. к или qu, напр.:

скр. джûв жить	гот. quivs живой
джнâ знать	kan
джâну	kniu (колѣно)
джâти	kuni (родъ)

Въ этомъ случаѣ въ классическихъ языкахъ является г, а именно: γνῶμι, gnosco; γόνυ, genu; γένος, genus. Въ слав. или измѣняется въ з, какъ въ знать, или же остается въ ближайшей къ скр-у формѣ ж: живой, скр. джûв; жена, скр. джанû, по закону измѣнившееся въ гот. quêns, и друг. Это послѣднее слово имѣетъ корнемъ скр. глаголъ *джан* рождать, удержавшій г въ гр. γίγνομαι и въ лат. gigno. Рядъ словъ этого корня являетъ намъ переходъ понятій отъ родителя и жены къ племени и царю; и что весьма замѣчательно: въ языкѣ скр-мъ, какъ-бы на первой ступени, въ періодѣ первобытномъ, удерживается понятіе только родителя, родительницы и рода: джанака рождающій, джанû рождающая, джâти родъ; въ нѣм. же нарѣчіяхъ родовыя понятія этого порядка словъ восходятъ до понятій о власти государственной: и отъ kuni, chunni, родъ, происходитъ chuninc точно также, какъ þiudans отъ þiuda, truhtin отъ truht, fylkir отъ folk или fylki; а скр. джанû и наша жена получаютъ титло госпожи и цари-

цы въ скн. kona и агс. cven. И къ этому-то періоду относится нашъ кнѧзь, слово, столь удалившееся отъ первоначальнаго понятія о родѣ, сохранившагося въ словѣ *жена*, и только въ связи съ нѣм. kuning, konûngr, нисходящее до значенія рода въ гот. kuni и въ скн. миѳѣ о сынѣ Ярла, konr. Какъ въ нѣм. нарѣчіяхъ, такъ и у Славянъ князь значитъ и господинъ вообще, напр. у Лужичанъ: knjez тоже, что скн. konr, а knjenî или knini, что скн. kona. Только сила народнаго преданія могла удержать въ словахъ князь и княгиня память о древнѣйшемъ ихъ значеніи, придавъ имъ смыслъ жениха и невѣсты, о чемъ было сказано выше. Исторически же позднѣйшее значеніе слова кнѧзь опредѣляется суффиксомъ ѧзь, или ѧг, т. е. енг или нѣм. ing. Этотъ суффиксъ, хотя не чуждый и намъ, и особенно сосѣднимъ намъ Литовцамъ, у которыхъ -ingas суф. прилагательныхъ, напр. darb-ingas отъ darbas работа,— преимущественно у Нѣмцевъ получилъ свое развитіе и смыслъ: онъ означаетъ *происхожденіе* и *родство*; сила этого значенія заключена въ звукахъ ng, изъ коихъ развиваются - *ing* и - *ung*: первый преимуществуетъ передъ вторымъ для означенія лицъ *). Названія народовъ по преимуществу пользуются сими суффиксами для того, чтобы выразить понятіе о происхожденіи и родѣ, напр. asd-ingi, oth-ingi, thuringi у Іорнанда; theru-ingi у Амміан. Марц. Въ

*) Grimm, D. G. 2, стр. 348 — 365.

древн. нѣм. памятникахъ IX в. собственныя имена: dur-inc, halb-inc, ir-inc, mun-inc, и мног. друг. Въ агс-мъ языкѣ особенно живо сохранилось производство на -ing отечественныхъ именъ, такъ что къ каждому собственному имени можно приложить этотъ суффиксъ, для того чтобы составить имя сына или потомка того, кто носитъ собственное имя: такъ въ Библіи filius Elisae переводится: êlis-ing. Для уразумѣнія силы суффикса -ing любопытно обратить вниманіе на слѣдующее кратко обозначенное этимъ суффиксомъ агс-е родословіе предковъ: ida väs ëopp-ing, ëoppa ês-ing, êsa ing-ing, inga angenvit-ing, angenvit aloc-ing, aloc bëonoc-ing, bëonoc brand-ing, brand baeldäg-ing, baeldäg vôden-ing, vôden fridovulf-ing, fridovulf finn-ing, finn godvulf-ing, godvulf geát-ing, geát же, или geáta есть родоначальникъ имъ всѣмъ. Слѣдовательно -ing соотвѣтствуетъ нашему -ичь, означающему не только отношеніе сына къ отцу, но и народа къ его родоначальнику, напр. Радим-ичи. И такъ въ словѣ кнѧзь суффиксъ ѧзь, ѧг (-ing) выражаетъ родовое и родственное отношеніе; точно также, какъ и коренные звуки кн, кон, кун (въ Остромировѣ кънѧзь, ъ предполагаетъ звуки о и у) ведутъ свое происхожденіе отъ джан рождать, и какъ пати господинъ родственно съ словомъ pater, такъ и кнѧзь въ скр. имѣетъ себѣ соотвѣтственныя: джанака, джанитри, откуда лат. genitor. Во время перевода Св. Писанія на славянскій языкъ слово князь имѣло смыслъ болѣе общій, такъ что въ О. Е. кънязь означаетъ не только властителя, но и всякаго

сильнаго человѣка. Это особенно явствуетъ изъ сличенія нашего перевода съ переводомъ Ульфилы: Славяне всякую власть и силу называютъ однимъ общимъ именемъ князя, тогда какъ Ульфила еще колеблется между многими наименованіями, соотвѣтствующими Остромирову кънязь, какъ бы тѣмъ показывая, что понятіе о власти еще не опредѣлилось окончательно, не отдѣлилось отъ частныхъ представленій и не обозначило себя однимъ общимъ словомъ: а именно: 1) кънѧземъ своимъ, τοῖς μεγιστάσιν, Мр. 6, 21, у Ул. þaim maistam—надстрочный переводъ съ греческаго; слав. же переводчики подъ *бо́льшимъ* или *набольшимъ* разумѣли князя. 2) въ домъ кънѧжъ, εἰς τήν οἰκιάν τοῦ ἄρχοντος, Мат. 9, 23, у Ул. in garda þis reikis. 3) о кънѧзи бѣсъ, ἐν τῷ ἄρχοντι τῶν δαιμονίων, Мат. 9, 34, у Ул. in fauramaþlja unhulþono. Здѣсь понятіе о власти и князѣ Ул. выражаетъ представленіемъ глашатая суда и правды, или предсѣдателя собранія: faura предъ и maþl собраніе ἀγορά. — Единство, соблюдаемое нашими переводчиками въ употребленіи слова князь ясно указываетъ на болѣе опредѣленное понятіе о власти: тоже самое видимъ и въ нѣм. позднѣйшихъ переводахъ, не смотря на разнообразіе Ульфилова текста: такъ въ Tatian. Harm. Evang. IX в. Остромирову кънѧзь соотвѣтствуетъ постоянно hêristo или hêrôsto, т. е. превосходная степень отъ hêr, hêri, откуда hêriro и hêrro — господинъ. Слѣдовательно наше кънѧзь, хотя и общаго происхожденія съ нѣм. kuning, однако во время перевода Св. Писанія употребля-

лось Славянами совершенно самостоятельно и выражало самое опредѣленное понятіе: переводы Св. Писанія и готѳскій и нѣмецкій IX в. пользуются словами вовсе другаго происхожденія для означенія князя.

Такимъ образомъ сличивъ основанія скандинавскаго миѳа о переходѣ понятій семейныхъ въ общественныя, видимъ, что въ сущности онъ столько же могъ бы принадлежать и Славянамъ: только у Нѣмцевъ онъ принялъ опредѣленную эпическую форму, у насъ же ясно сознавался только въ формахъ языка.

Судя по переводу Св. Писанія можно заключить, что Славяне до поздпѣйшаго времени удержали семейныя понятія для опредѣленія общественныхъ отношеній. Это видно въ О. Е. изъ словъ: владыка и старѣйшина, которыя получивъ значеніе въ быту семейномъ распространились для выраженія власти не только гражданской, но и церковной: въ старину власть начальника освящалась властію церковною, и служитель церкви былъ вмѣстѣ и начальникомъ. Гот. и др. нѣм. переводы являютъ большее развитіе общественности: въ слав. же очевидны слѣды патріархальнаго быта. Славянскіе переводчики, хотя и стараются передать грецизмами понятія жизни государственной, напр. игемонъ—владыка, но славянизмы невольно проскользаютъ, и даютъ намъ разумѣть, какъ необходимо было замѣнять ихъ грецизмами. Текстъ слав. Евангелія являетъ намъ періодъ бро-

женія, когда еще не могли выработаться идеи общественныя, въ отвлеченіи отъ понятій семейныхъ.

1. замѣчательно смѣшеніе словъ владыки и власти въ О. Е.: изъ чего явствуетъ, что переводчики затруднялись въ отличеніи этихъ словъ. А именно: ὑπὸ ἐξουσίαν Мат. 8., 9 переведено: под владыкоѭ, въ испр. под властію; а Лук. 7, 8 подъ властели, въ испр.: под владыкою: у Ул. же въ обоихъ случаяхъ соотвѣтственно оригиналу: uf valdufnja. Изъ сближенія этихъ двухъ мѣстъ О-а Е-я видно, что отвлеченное понятіе ἐξουσία, въ другихъ мѣстахъ переводимое впрочемъ словомъ власть, понято было переводчиками болѣе конкретно, какъ лицо властвующее, или владыка. Владыка же ἡγεμών въ О. Е. соотвѣтствуетъ гот-мъ kindins и þiudans, что видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: Лук. 2, 2 владѫщу, у Ул. visandin kindina; Лук. 3, 1: владычьствия, у Ул: þiudinassaus. Славянскіе переводчики прибѣгаютъ къ производнымъ формамъ отъ одного и того же корня, тогда какъ Ул. богатъ разнообразными выраженіями понятій государственныхъ. Такое же разнообразіе видимъ въ др. нѣм. Harm. Evang. Tat., гдѣ первому мѣсту соотвѣтствуетъ grauen *), а второму rihtuomes, а въ Ев. Мат. 2, 6 еще новое слово: heriston, въ О. Е. въ влд҃кахъ. — Собственное значеніе владыки открывается въ исторіи древнеславян-

*) Значеніе этого слова смотр. Gr. D. R. A. 753.

скаго семейнаго управленія. Въ Судѣ Любуши читаемъ: „i umre li glaua celedina, „deti use tu sbosiem u iedno uladu, „*uladicu* si z roda uiberuce.“ — И такъ владыка управлялъ у Славянъ родомъ и семьею, по свидѣтельству памятника IX в; слѣдовательно весьма вѣроятно вліяніе такого значенія владыки и на текстъ Св. Писанія того же вѣка. Хотя у Готѳовъ уже IV в. мы видимъ уклоненіе отъ семейнаго начала: однако по нѣкоторымъ выраженіямъ Ульфилова перевода можемъ заключить, что и Готѳамъ не чуждо было понятіе владыки, въ смыслѣ домовладѣтеля: ибо Ул. οἰκοδεσποτεῖν, οἰκοδεσπότης переводитъ garda valdan, garda valdands, a valdan и владѣти совершенно между собою родственны.

2. старѣйшина у Славянъ есть синонимъ владыки. Остромирову влдка въ Реймск. Ев. соотвѣтствуетъ: старѣишина, Мат. 2, 6. Какъ у Иллирійцевъ латинскаго исповѣданія, въ Далмаціи, mater familias называется *владыка*, словомъ, въ томъ же значеніи употребляющемся еще въ законахъ Стефана Душана; такъ соотвѣтственно тому у Сербовъ греческаго исповѣданія глава семьи называется *старіешина*, который, подобно древнеславянскому владыкѣ, избирается, даже и не старшій, но лучшій изъ челядинцевъ, и управляетъ всѣмъ домомъ *). По значенію слова надобно полагать, что старѣйшина имѣло смыслъ

*) Вук, српски рјечник, ст. 792.

родоначальника, праотца, старшаго члена семейства. У сосѣдовъ нашихъ, Литовцевъ, употребляются senutis дѣдъ, senutté бабка отъ sénas старый: это слово, значенія семейнаго, у Бургундовъ получило уже смыслъ жреца и начальника: sacerdos apud Burgundios omnium maximus vocatur sinistus, et est perpetuus, obnoxius discriminibus nullis, ut reges, Ammian. Marcell. 28, 5. И дѣйствительно у Ул. мы находимъ sinista для πρεσβύτερος, въ О. Е. соотвѣтственно тому: старьць, напр. Мат. 27, 1, 3; Мр. 8, 31. Презвутеръ же встрѣчается только въ мѣсяцесловѣ, а не въ текстѣ. При всемъ согласіи текстовъ славянскаго и готѳскаго въ этомъ случаѣ, нельзя однако же не замѣтить, что въ славянскомъ текстѣ съ очевидною ясностію дается большее значеніе старѣйшинству, нежели въ готѳскомъ: старѣйшинствомъ у насъ означалась всякая власть и первенство: Константинъ Багрянородный начальниковъ славянскихъ называетъ ζουπάνους γέροντας, de adm. imp. гл. 29. Тамъ гдѣ Ул. употребляетъ *первый*, *лучшій*, тамъ у насъ *старый*, *старѣйшина*: аще къто хощетъ старѣи быти. да бѫдетъ вьсѣхъ мьнии, Мр. 9, 35; у Ул. jabai vas vili frumists visan. sijai allaize aftumists: frumists превосходная степень отъ frums первый, и совершенно соотвѣтствуетъ въ греч. текстѣ слову πρῶτος. Точно также Мр. 6, 21: старѣишинамъ галилеискамъ, τοῖς πρώτοις τῆς Γαλιγαίας, у Ул. опять þaim frumistam galeilaias, у Tatian. Harm. Ev: furiston Galileae. Въ О. Е. старьци людьстии, въ др. нѣм. Ев. VIII в. furistun dero liuteo, Мат. 26, 3.

Отсюда мы убѣждаемся, что во время перевода Св. Писанія понятія о бытѣ семейномъ были свѣжѣе въ памяти Славянъ, нежели Нѣмцевъ, и даже Готѳовъ IV в. Владыка семьи и старѣйшина имѣли самостоятельное значеніе и только примѣнялись къ понятіямъ власти общественной и религіозной. Даже самое слово князь, столь роднящее насъ съ Нѣмцами, въ славянскихъ переводахъ, подобно владыкѣ и старѣйшинѣ, имѣетъ значеніе, не только гражданское, но и религіозное: такъ архіереи въ О. Е. Іо. 12, 10, въ чешск. отрывкѣ X в. переводится: cnaezi popsti, а въ чешск. Ев. XIV в. kniezáta popowá. Слѣдовательно отъ древнихъ временъ у Поляковъ и Чеховъ князь получаетъ значеніе и священника, и мірскаго владѣтеля. По-лит. kunig's не только господинъ вообще, но и духовный сановникъ, a kunigene поподья; латышс. basnizas kungs или basnizkungs священникъ. Очевидно, что у Славянъ и Литвы самостоятельно опредѣлилось значеніе князя.

Старѣйшина отличался умомъ и познаніями: потому уже въ глубокой древности нравственная сила человѣка облеклась властію политическою. Уже самое соединеніе власти духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ предполагало въ немъ власть, зависящую отъ силы нравственной. И если еще припомнимъ, что всякое искусство и знаніе приписывались силѣ высшей, божественной: то нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ властителя соединялись и жрецъ, и судья, и поэтъ, и предводитель, и мудрецъ: по древ-

нечешскому преданію у героя и властителя Чеховъ, Крока, были три дочери: одна была княжною, и управляла народомъ послѣ отца, другая знала силы природы и обладала тайнами врачебнаго искусства, а третья была жрица, хранительница религіозныхъ обрядовъ. Такъ выразилось въ эпическомъ преданіи сознаніе народа о родствѣ власти политической съ властію нравственной. И какъ съ одной стороны, по нисходящей линіи, герои были родоначальниками рода и старѣйшинами семьи, такъ, съ другой стороны, по восходящей линіи, они восходили своимъ происхожденіемъ къ темнымъ временамъ миѳологическимъ, были потомками боговъ: такъ что въ преданіи о геройхъ народъ выразилъ сознаніе о родствѣ человѣка съ богами. И какъ сынъ есть подобіе отца (слич. др. нѣм. avarâ образъ и avaro дитя), такъ и въ героѣ являлось божество воплощеннымъ.

Обратимся къ языку. Древнѣйшее понятіе о героѣ, соединившемъ въ себѣ власть политическую со всякимъ нравственнымъ авторитетомъ, выразилось въ словѣ *витязь*, witĕz. Понятіе о старѣйшинѣ и предкѣ является въ arc. vita *), не только sapiens, но и procer, optimas: on gemôte vitena—in conventu seniorum, въ переводѣ hist. eccl. Bed., 3 5. Какъ скр. çурас перешло въ русское суръ—молодецъ, си-

*) R. D. A. 266.

лачь, и какъ скр. вûра герой имѣетъ при себѣ глаголъ вûр fortem esse, откуда лат. vir, гот. vair, лит. wyras, т. е. vir fortis , и какъ гр. ἥρως имѣетъ при себѣ Ἡρακλῆς и даже Ἄρης: такъ и витязь, по преимуществу у западныхъ Славянъ , получилъ смыслъ сильнаго человѣка, побѣдителя *), богатыря. Въ этомъ смыслѣ извѣстны были витязи Адаму Бременскому подъ формою Withingi: „ipsi enim piratae, quos illi Withingos appellant , nostri Ascomannos , regi Danico tributum solvunt , ut liceat eis praedam exercere a barbaris , qui circa hoc mare plurimi abundant.“ Въ этомъ же значеніи встрѣчаемъ мы и у Византійцевъ βιτέζιδες **). Значеніе суффикса -язь , -ing указываетъ намъ, почему withingi есть уже названіе народа. Какъ гр. ἀρετή (еще неизвѣстное Гомеру въ смыслѣ нравственнаго понятія добродѣтели) и лат. virtus соединяютъ въ себѣ значенія силы физической и достоинства нравственнаго: такъ у всѣхъ Славянъ, равно какъ и Нѣмцевъ, звукъ вит- производитъ отъ себя слова, означающія силу духа человѣческаго , проявляющуюся въ высшихъ нравственныхъ подвигахъ, каковы: поэтическое творчество, гаданіе и чародѣйство, знаніе и врачеваніе, судъ и расправа:—а именно:

1. вѣтъскъи въ Glag. Cloz. употребляется для гр. μυθικῶς: „аште лі вѣтъскъи се а не вѣрьно слъиши-

---

*) Шафар. Slow. Starož. 349 — 359.

**) Ducange, Glos. med. graec.

ши," si vero fabulose hoc, et non fidei-gratia audis. Отсюда предполагается, что корень вѣтъ будетъ соотвѣтствовать гр-у μῦθος. Въ XII в. поэтъ у насъ назывался вѣтія: „якоже историци и вѣтія, рекше лѣтописьци и пѣснотворци"—говоритъ Кириллъ Туровск. Пам. XII в. 74. Отсюда объясняется эпитетъ Бояну въ Словѣ о П. И. — именно *вѣщій*. Такъ всегда въ старину эпитетъ былъ не одной только прикрасою: а находился въ ближайшемъ, внутреннемъ соотношеніи съ самимъ предметомъ.

2. такъ какъ поэтъ былъ и вообще мудрецомъ, то и эпитетъ вѣщій могъ имѣть значеніе обширнѣйшее: отсюда вѣщій Олегъ, т. е. мудрый, хитрый. Скн. vitkr значитъ magus, vates. Согласно съ этимъ *вѣтьство* употреблялось у насъ въ старину въ смыслѣ колдовства, Карамз. И. Г. Р. 1. пр. 506. Въ глоссахъ Mat. verb.: vescbi (вѣщбы) vaticinia, poetarum carmina. Отъ сербск. вјешт вѣщій, т. е. умный, происходятъ: вјештина знаніе, умѣніе, и вјештац, вјештица колдунъ и колдунья.

3. врачеваніе было не разлучно съ заговариваніемъ и колдовствомъ: и всѣ народы убѣждены въ силѣ слова человѣческаго, излѣчающаго недуги: потому весьма естественно употребленіе областнаго (въ Вологодск. губерніи) вещетинье въ смыслѣ лѣкарства. И на оборотъ въ старину врачевать имѣло смыслъ колдовать: „мы *уврачевахомъ*, яко твое одолѣніе будетъ. той же синклитъ со единомышленными

врачєваніемъ нача ложное царю глаголати" *). Остромирову врачь, ἰατρός, соотвѣтствуетъ у Ул. leikeis, т. е. наше лѣкарь, переходящее въ нѣм. нарѣчіяхъ въ значеніе колдуна: равно какъ и врачь у Славянъ ходитъ и въ смыслѣ колдуна. Власть и сила врача выражаются древнеславянскимъ словомъ *балій*, встрѣчающимся уже въ Фрейзинг. рукописи: bali telez nassih, balouvanige. Шафарикъ **) слово балій производитъ отъ баять, какъ врачь отъ врать: послѣдняго производства держится и Шимкевичь ***). Но отъ позднѣйшаго значенія глагола нѣтъ возможности объяснить древній смыслъ существительнаго врачь, уже въ О. Е. употребляющагося. Еще Линде ****) указалъ на сродство звуковъ б и в, напр. въ словахъ бой и вой-на; отъ скр. бала сила образовались лат. valor, valeo, и наши болій, велій; въ самомъ санскритѣ б и в чередуются, напр. балг и валг. Слѣдовательно нѣтъ препятствія возвести наше врачь къ его первоначальному значенію въ скр. бру̂ говорить, откуда въ кельт. нарѣчіяхъ bri слово, a brudiwr предсказатель, пророкъ: послѣднее значеніе приближается къ нашему врачь. Касательно же слова балій надобно замѣтить, что если это слово происходитъ отъ ба-

---

*) Москвитян. 1844, N 1, стр. 247, 249.

**) Статья о гортанныхъ звукахъ въ Časop. Česk. Mus. 1847, N 1, стр. 48.

***) Корнесловъ 1, 33.

****) Slown. jęz. polsk. 1, Этимол. прав. § 16.

ять, то предполагаетъ древнѣйшую форму ба-ти, какъ дѣ-ло, дѣ-ти, и будетъ относиться къ скр. бâ arparere, теряющему придыханіе въ нашетъ ба, и удерживающему его въ лат. fari и гр. φάναι. Другая только по звуку близкая къ слову балій, скр. форма: бал sustentare, nutrire, черезъ бâла дитя, т. е. питаемое, подлежащее заботѣ, откуда бâлья infantia, pueritia, insania, stultitia, — производитъ наще баловать, смыслъ коего и въ дѣйств. значеніи и въ среднемъ согласуется съ этимъ производствомъ.

4. какъ готѳское maþl означаетъ и рѣчь и ἀγορά, такъ и наше вѣче, совершенно соотвѣтствующее готѳскому maþl, означаетъ и то и другое. И какъ гот. faura-maþleis собственно судья, такъ и слав. витязь могло имѣть это значеніе, что видно въ Судѣ Любуши, изъ словъ vyučenĕ věščbam vitiezovym—edoctae scientias judiciales. Тавтологія этого выраженія еще болѣе убѣждаетъ насъ, что Славяне корню вит, вѣт давали значеніе суда и правды. Точно также и у Нѣмцевъ wetzig значитъ judex. Такимъ образомъ находимъ и у насъ такую же связь поэзіи и знанія съ закономъ и судебнымъ изрѣченіемъ; какъ и въ лат. carmen, напр. у Ливія 1, 10 lex horrendi carminis; 1, 13 verba carminis; 3, 32 rogationis carmen *).

---

*) Zeitschr. f. geschichtl. Rechtswis. herausg. v. Savigny, etc. 1816, 2, статья Гримма: von der Poesie im Recht.

5. какъ у Нѣмцевъ vita былъ вообще человѣкъ разумный и почтенный, имѣвшій доступъ къ особѣ короля *): такъ и у насъ, вѣроятно, съ понятіемъ витскаго или вицкаго соединялись не только нравственныя достоинства и даръ слова, но и нѣкоторыя почести: „въ тоже лѣто присла король Угорьскый *вицькаго*, река: пойми дщерь ми за сына своего Лва.“ Ипат. 185.

Какъ разумъ и даръ слова аттрибуты власти и силы, такъ соотвѣтствующій языку органъ, слухъ и оттуда послушаніе — принадлежность того, кто обязанъ повиноваться: отъ корня *слу*, скр. ṣру—слушать, съ суффиксомъ -га (идущій), образуется наше слуга, т. е. спѣшащій, готовый исполнить, что слышитъ, что ему говорятъ **). Значеніе раба это слово не могло имѣть; но, подобно родственному съ нимъ и по значенію, и по звукамъ лат. слову cliens (cluens, cluere, ἔκλυον: скр. ṣру, наше слу=clu), могло образоваться изъ понятій объ отношеніи челядинцевъ къ домувладыкѣ. Переводчики Св. Писанія употребляютъ слуга, служьба служити, безъ различія, для выраженія всякой обязанности, не только религіозной, но и общественной; и такимъ образомъ этими словами сглаживаютъ въ славянскомъ текстѣ слѣды прежней жизни, какъ гражданской, такъ и рели-

---

*) D. R. A. 267.

**) Юнгманъ это слово почему-то сличаетъ съ нѣм. Schalk.

гіозной: между тѣмъ какъ у Ульфилы имъ соотвѣтствуютъ съ одной стороны слова, намекающія на устройство гражданское, а съ другой имѣющія смыслъ миѳологическій; и, что еще замѣчательнѣе, въ древн. нѣм. переводахъ миѳологическій намекъ Ульфилы переводится терминомъ значенія гражданскаго: равно какъ и у Ульфилы иногда смѣшивается и то и другое. Наши переводчики облегчили себѣ трудъ въ этомъ случаѣ, постоянно употребляя одно и тоже слово, получившее отъ того характеръ болѣе отвлеченный. А именно:

1. πάντων διάκονος, вьсѣмъ слуга, Мр. 9, 35, у Ул. allaim andbahts. — ἀποδοὺς τῷ ὑπηρέτῃ, вьдавъ слузѣ, Лук. 4, 20, у Ул. andbahta. Гот. andbahts извѣстно было и Римлянамъ въ формѣ ambactus за слово гальскаго происхожденія, хотя и производимое Скалигеромъ отъ лат. ambigere. См. Caesar de B. G. 6, 15. Въ салич. законахъ читаемъ: nam si in dominica ambasia (in jussione regis) fuerit occupatus, mannire non potest, 1, 4, ambasia вмѣсто ambascia. Не будемъ рѣшать спора, кому это слово принадлежитъ первоначально, Галламъ или Готѳамъ *). Для насъ гораздо важнѣе измѣненіе его между нѣмецкими племенами: др. нвм. ampaht, arc. ambiht, скн. ambátt, дат. embede: такъ что послѣдовательный не-

*) Diez, Gram. d. roman. spr. 1836, 1, 24—25. — Das alte Recht d. Salischen Franken, v. Waitz, 1846, стр. 279.

реходъ не представляетъ затрудненія въ нашемъ ябедникѣ видѣть гот. andbahts, и тѣмъ болѣе въ Рус. Пр. *ябетникъ*, въ коемъ звукъ *т* еще свидѣтельствуетъ о древнѣйшей формѣ: нынѣшній же ябедникъ ведетъ свою исторію уже отъ искаженной формы, ябеда, согласной по звуку *д* съ дат. embede. Какъ ябетникъ отъ слуги дошелъ до сана человѣка, облеченнаго властію судебною, такъ и древнерускій тіунъ или тивунъ у Ул. является въ формѣ þius и въ значеніи οἰκέτης, въ О. Е. рабъ, Лук. 16, 13. Какъ ябетникъ перешелъ къ намъ не прямо отъ Готѳовъ, но черезъ племена сѣверныя, такъ и тіунъ, что доказывается скн-мъ þion servus, объясняющимъ *н* въ нашемъ тіунъ; касательно же формы тивунъ, слѣдуетъ замѣтить, что она хотя объясняется и языкомъ славянскимъ, однако для подкрѣпленія сродства обратимъ вниманіе на род. падежъ гот-го þius, þivis. Вотъ что Бутковъ *) говоритъ о тивунѣ: „если и теперь въ финскомъ языкѣ tuomio означаетъ публичное судилище, tuomari — публичнаго земскаго судью; то же, что у Шведовъ dom, domare; то изъ самаго русскаго произношенія явствуетъ, что имя тіуна, тивуна, тивона, ближе согласуется съ туомеюмъ чудскимъ.“ Но слово родственное финскому tuomio у насъ существуетъ, и притомъ въ формѣ болѣе чистой, именно дум-ать, дума, которое еще въ гот. языкѣ находитъ себѣ родное dômjan δικαιοῦν,

*) О финск. слов. въ рус. яз. стр. 47.

arc. dôm и скн. dômr judicium, и потомъ уже др. нѣм. tuom, стоящее на одной ступени съ фин. tuomio. Чтобы изъ этихъ словъ вывесть нашего тивуна, надобно предположить трудный переломъ звуковъ uo въ i, своевольное образованіе окончанія, и даже случайное удержаніе т вмѣсто д. Родство нашей думы съ dôm, dômr подкрѣпляется сближеніемъ другаго слова, близкаго къ нему по значенію: ставить въ смыслѣ утверждать, судить и рядить, откуда у-ставъ: является въ гот. staua κρίμα и staujan κρίνειν, ср. нѣм. stüowen. Гриммъ *) предполагаетъ др. нѣм. форму stuowa. И такъ отвлеченныя понятія, выражаемыя въ переводѣ Св. Писанія словами слуга и служба, могли легко принять форму болѣе опредѣленную въ словахъ ябетникъ и тіунъ.

2. особенно явствуетъ единство употребленія въ слав. текстѣ словъ служба, служить, тамъ, гдѣ у Ульфилы являются разнообразные намеки на язычество: а именно: а) λατρειαν προσφέρειν, служьбѫ приносити, Io. 16, 2; у Ул: hunsla saljan. Языческое понятіе слова hunsl объяснено выше. б) ἐγένετο δέ ἐν τῳ ἱερατεύειν αὐτὸν, бысть же служащу ѥму, Лук. 1, 8, у Ул: varþ þan miþþanei gudjinoda is. — Гот. gudjinon ἱερατεύειν, gudjinassus ἱερατεία происходитъ отъ gudja жрецъ, имѣющаго корень въ словѣ guþ богъ, точно также какъ латыш. deewaredsis ворожея, га-

*) D. R. A. 748—749.

датель, колдунъ, происходитъ отъ déews богъ. в) λατρείαν, служеніе, Посл. къ Рим. 12, 1, у Ул blotinassu. Для объясненія этого мѣста слѣдуетъ взять въ соображеніе въ О. Е. Іо. 9, 31 богочьтьць, θεοσεβής, у Ул. guþblôstreis, откуда предполагается сущ. blôstr (cultus, oblatio), соотвѣтствующее нашему служенію, въ смыслѣ почитанія; языческое значеніе этого слова видно въ Еддѣ: Thôr blôta, mik blôta, blôtadi Odin, въ древн. шв. blôtkarl языческій жрецъ.

3. какъ Ульфила, такъ и др. нѣм. переводы смѣшиваютъ термины миѳологическіе съ понятіями жизни общественной, тамъ, гдѣ въ О. Е. мысль выражена отвлеченнымъ понятіемъ службы: αἱ ἡμέραι τῆς λειτουργίας αὐτοῦ, дьнiѥ служьбы ѥго, Лук. 1, 23. Ул. довольствуется словомъ andbahteis, тогда какъ выше, о томъ же самомъ предметѣ выражается миѳологическимъ терминомъ gudjinoda, gudjinassus, Лук. 1. 8, 9. Точно такую же замѣну находимъ мы въ Tat. Harm. Ev.: ambaht bringan соотвѣтствуетъ миѳологическому выраженію Ульфилы: hunsla saljan, т. е. служьбѫ приносити, какъ въ О. Е. Іо. 16, 2. Такъ сталкивались разнородныя понятія, утрачивая свою прежнюю цѣнность, и какъ бы сглаживали съ себя слѣды впечатлѣній дѣйствительности, равнодушно замѣняя другъ друга. Такой борьбы понятій слав. переводъ Св. Писанія не предлагаетъ, возводя разнообразіе жизни къ общему понятію о служеніи.

4. въ слѣдствіе того служеніе и служба легко могли замѣняться грецизмомъ: ибо сочувствіе съ дѣй-

ствительностію было уже нарушено и безъ того, а отвлеченность легко выражается и чужеземнымъ словомъ: κατὰ τὸ ἔθος τῆς ἱερατείας, по обычаю переискууму, Лук. 1, 9, у Ул. gudjinassaus, Tat. Harm. Ev. efter giuuonu thes biscofheites.

8. РАЗШИРЕНІЕ ДОМАШНЯГО КРУГА ВОЗЗРѢНІЙ ВЪ ЯЗЫКѢ.

Вторженіе чуждаго племени нарушаетъ тишину и порядокъ семейныхъ и родовыхъ отношеній. Столкновеніе народовъ въ доисторическую эпоху остается памятно народу только въ эпическихъ преданіяхъ и въ языкѣ: къ порядку же общественному, вырабо-тавшемуся въ слѣдствіе борьбы съ чуждыми племенами, народъ привыкаетъ, какъ къ своей наслѣдственной собственности. Понятіе о жизни государственной и народѣ, какъ собраніи лицъ одного рода и племени, не могло образоваться мимо вліянія чуждыхъ племенъ и народовъ. Исторія славянскаго языка положительно указываетъ, что прямо изъ жизни семейной и отношеній, ею опредѣляемыхъ, нельзя вывести всего многосложнаго устройства государственнаго, не предпославъ чуждаго вліянія въ образованіи понятій общежительныхъ и государственныхъ въ языкѣ Св. Писанія. Древнѣйшимъ слоемъ языка конечно должно признать слова, выражающія бытъ семейный и родовой: потому онѣ и стоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ санскритомъ. Но за нимъ надобно признать вторымъ, позднѣйшимъ, образовавшимся въ періодъ доисторическаго сближенія племенъ: слой

племенной. Воспоминанія о древнѣйшихъ врагахъ одѣваетъ фантазія народа миѳическими красками. Все стародавнее будто уходитъ въ какой-то сумракъ, и раздражаетъ воображеніе чудесными очертаніями. И какъ прадѣды кажутся героями полубогами, такъ и стародавніе враги, сохранившіе по себѣ темные слѣды въ памяти народной, по мѣрѣ своего удаленія въ вѣка прошедшіе, все болѣе и болѣе выростаютъ въ фантазіи народа, и становятся гигантами, хотя и людьми, но необычайными для людей обыкновенныхъ. Темная старина становится содержаніемъ народнаго эпоса, и тѣмъ уже опредѣляетъ въ немъ необходимость чудеснаго: старина въ особенности своими чудесами и живетъ въ памяти народа. Слово еще глубже проникаетъ въ отдаленныя времена, и, служа оболочкою миѳа, носитъ на себѣ слѣды эпическаго представленія. Великанъ, существо сверхъестественное, носитъ названіе чуждаго народа, съ которымъ во времена доисторическія входилъ языкъ въ соотношеніе. Наши Венды были уже врагами Одину, съ которымъ вели долгую войну: память о нихъ сохранилась въ Эддѣ, гдѣ они извѣстны подъ именемъ Вановъ, полубожественныхъ существъ. Славяне Анты были уже извѣстны Англосаксамъ какъ великаны: arc. ent великанъ: Ercol se ent, Hercules gigas, Алфр. переводъ Орозія. Такъ и у насъ чужіе народы дали свое названіе великанамъ: 1) Оборъ, чеш. obr, др. пол. obrzym, луж. hobor, какъ названіе великана, совершенно согласуется съ эпическимъ преданіемъ у Нестора о сильныхъ и

гордыхъ Обрахъ, творившихъ насиліе Славянамъ: такъ что слова его могутъ служить поясненіемъ тому, какъ и въ языкѣ, и въ народныхъ мнѣахъ враги являются въ видѣ великановъ: „бѣша бо Обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Обринъ; есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ. ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка.“ Лавр. 5. Народъ погибъ, но притча, т. е. преданіе эпическое, запечатлѣнное въ языкѣ словомъ Обръ-великанъ, осталась въ народѣ. — Отсутствіе носоваго звука и особенно въ древн. польскомъ, именно въ Псалт. Королевы Маргариты: obrzim (а не ąbr-) препятствуетъ сближать это слово съ кельтскимъ ambro (воинъ), какъ это сдѣлалъ Шафарикъ *). Въ одномъ древненѣм. преданіи упоминается avar-великанъ **) Скорѣе сближается обръ съ гот. abrs сильный, агс. abal сила: переходъ нѣм-го *a* въ слав. *o* случается, напр. гот. ara, скн. ari, др. нѣм. ar—орелъ. 2) Исполинъ, и безъ приставнаго *и*: сполинъ, какъ въ др. сербск. 1495 года, и въ др. булг. Псалт. 1577 г. възрадуіет се яко сполинъ тещи путь, Пс. 18, 6. Въ словѣ сполинъ сохранилась память о воинственномъ народѣ, именемъ *Спалеи* или *Спали*, племени скиѳскаго или чудскаго, живщемъ между Дономъ и Волгою, и въ концѣ II-го вѣка столкнувшемся съ

---

*) Slow. Starož. 316 — 318.

**) D. M. 269.

Готѳами при Черномъ морѣ *). 3) Щудъ, въ смыслѣ великана и чудовища: Ездр. 5, 8: жены болѣзнивыя породятъ щуда. Если взять въ соображеніе переходъ ск въ щ и ч, напр. skir, щиръ, чиръ; scutum щитъ: то щудъ окажется измѣненною славянскою формою имени народа Σκύτης, Skytha; и какъ щ сокращается въ ч, такъ и щудъ переходитъ въ чудъ, имя народа Чуди, откуда чудо, чудитиса. Отсутствіе этихъ словъ у Чеховъ, Лужичанъ и Полабцевъ, какъ племенъ отдаленнѣйшихъ отъ Чуди, служитъ немаловажнымъ свидѣтельствомъ происхожденію слова Щудъ. Въ О. Е. уже только въ общемъ понятіи θαυμάζειν чудитиса, чудо, чудеса. Но какъ щуръ освобождаетъ к изъ щ въ *коръ*: свекоръ; такъ и щудъ, чудес-а является въ формѣ древнѣйщей, въ словѣ кудес-никъ, и въ значеніи чисто миѳологическомъ **). Для объясненія миѳологическаго смысла въ словахъ: щудъ, чудитиса, обратимъ вниманіе на миѳологическое существо дивъ, напр. въ Сл. о П. И. „дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ,“—и въ сербск. пѣснѣ, Іован и дивски старјешина, собр. Вук. Стеф. Кар. изд. 2, кн. 2, N 8, гдѣ дивы являются сверхъестественными чудовищами, можетъ быть великанами. Какъ дивъ имѣетъ при себѣ днво и дивиться, такъ и щудъ—чу-

---

*) Шафар. Slow. Starož. 263 — 264.

**) Шафарика статья о гортанныхъ звукахъ въ Časop. Česk. mus. 1847, 1, стр. 54.

до и чудитися: съ тѣмъ только различіемъ, что послѣднее образовалось исторически, въ слѣдствіе сближенія Славянъ съ племенами скиѳскими; первое же искони принадлежало Славянамъ, какъ отрасли языковъ индоевропейскихъ: какъ скр. див свѣтить, черезъ миѳологическое дивъ, переходитъ къ дивиться: такъ и слав. зоръ, свѣтъ, по тому же соотвѣтствію ощущенія предмету ощущаемому, имѣетъ при себѣ зрѣть, т. е. видѣть.

Какъ народы, съ коими Славяне познакомились уже впослѣдствіи и короче, не могли казаться существами необыкновенными, и не вошли въ народный миѳъ въ видѣ героевъ-великановъ; такъ и языкъ, согласно съ фантазіею народа, созналъ ихъ только какъ нѣчто чуждое, народу непринадлежащее. Въ О. Е. ἀλλότριος переводится не только формою: щужь, щуждии, но и древнѣйшею: туждии, л. 72. Это слово правильно проходитъ всѣ славянскія нарѣчія, по закону, измѣняя т въ щ, ч, ц, и д въ жд, ж, дз, з; а именно: срб. тудь, (хрв. туђи) ц. с. щуждъ, р. чужой, пол. cudzy, луж. cuzi, др. чеш. cuzí. Этимъ словомъ Славяне сознали свое отношеніе къ Нѣмцамъ, ибо въ первичной своей формѣ, *тудь*, оно прямо происходитъ отъ гот. þiuda народъ, скн. þiod, агс. þeod, др. нѣм. diot: откуда г. þiudiskō ἐθνικῶς, въ памятникахъ IX в. theodiscus не только въ смыслѣ нѣмецкаго, но и варварскаго. Литовцы нѣмецкую землю называютъ tautà. Вѣроятно въ

нѣм. þiuda надобно искать происхожденіе слову tot, коимъ Венгры называютъ Славянъ *).

Память о другомъ древнѣйшемъ народѣ, именно Волохахъ, сохранилась въ глаголѣ влъснѫти (balbutire ψελλίζειν), въ Glag. Cloz.: и ѩзыци влъснѫштеи научѫтъсѧ глаⷣти миръ, Исаіи 29, 24; въ испр.: и языцы нѣмотствующіи научатся глⷣти миръ. А Готѳы и Англосаксы наоборотъ отъ Славянина образовали глаголы slavan, slavian для означенія молчанія, σιωπᾶν, и съ приставками: ana-slavan, ga-slavan. Такъ негостепріимно отразились въ языкѣ первыя встрѣчи народовъ и племенъ другъ съ другомъ **).

По мѣрѣ знакомства съ другими народами, разширяется понятіе о вселенной. Это особенно явствуетъ въ лит. языкѣ, въ коемъ понятіе о свѣтѣ, т. е. мірѣ, соединяется съ понятіемъ чужестраннаго, чужаго, а именно: swĕtas міръ, сборище; swétimas чужестранецъ, sweczias гость, swettur чужая страна. Такъ трудно отдѣлиться языку отъ своихъ домашнихъ впечатлѣній, что онъ иногда всеобщее охотнѣе приметъ за чуждое своему домашнему, нежели распространитъ свое домашнее, семейное до необъятнаго круга всечеловѣческаго. Такъ въ О. Е. употребляет-

---

*) Третье издан. Грим. Deutsch. Gram. I, 12 — 20.

**) С. П. Шевыр. Ист. Рус. Слов. выпускъ I, стр. 109.

ся слово *страна*, отъ скр. стри и нашего стер-ти, и притомъ слово древнѣйшаго образованія, о чемъ свидѣтельствуетъ форма причастія -на, такъ что звукъ *н* уже въ лат. ster-no вошелъ въ самый глаголъ, подобно нашему глаголу стану отъ стать, откуда причастная форма станъ. Наша совершенная форма глагола въ образованіи словъ равнозначительна формѣ прошедшаго времени; такъ что нашему с-н-уть, сп-н-уть соотвѣтствуютъ существительныя, какъ бы въ формѣ причастій: скр. свап-на сонъ отъ свап спать, гр. ὕπ-νος, л. som-nus, лит. sáp-nas, скн. svĕf-n: и такъ древнѣйшему и по корню, и по суффиксу слову *страна* въ греч. текстѣ соотвѣтствуетъ χώρα, у Ул. не только land, но и gavi, напр. бысть гладъ крѣпъкъ на странѣ тои, Лук. 15, 14. у Ул. varþ huhrus abrs and gavi jainata. Гот. gavi стольже глубоко коренится въ языкахъ индоевропейской отрасли, какъ и наше страна. Скр. gô имѣетъ два значенія: земля и быкъ; откуда въ келт. образуются два сродныя слова: gé земля и gamh быкъ; въ гот. только въ смыслѣ земли gavi (ср. гр. γαῖα), коему соотвѣтствуетъ скр. гава быкъ, употребляющееся только въ сложеніи, напр. пун-гава быкъ, отсюда наше старинное гова-до, у Литовцевъ уже потерявшее свой первобытный смыслъ: gowĕdà по-лит, значитъ множество, толпа, и весьма мало уже употребляется, только въ нѣкоторыхъ обычныхъ выраженіяхъ. Шафарикъ *)

---

*) Časop. Česk. Mus. 1847, I, стр. 42.

говѧдо производитъ отъ гонти (sanare) черезъ говѣти, сближая гонти, говѣти, говѧдо съ жити (ниж. луж. žisch sanari), живити, живинче (pecus), или наше животы въ смыслѣ скота. Но скр., кельт., готѳ. формы исторгаютъ это слово изъ предѣловъ домашняго его образованія. — Тогда какъ гот. gavi означаетъ домашнюю собственность, наше страна, уже въ О. Е. употребляющееся и въ смыслѣ посторонняго напр. одесиѧѫ странѫ εἰς τὰ δεξιὰ μέρη, л. 209, производитъ отъ себя прилаг. странынъ ξένος, которое стоитъ къ страна въ такомъ же отношеніи, какъ лит. swétimas къ swètas. Такъ неподатливъ языкъ къ составленію словъ, имѣющихъ смыслъ общечеловѣческаго, что даже названіе области или страны, въ противоположность дому и семьѣ, производитъ отъ себя значеніе странника, сторонняго.

Если же языкъ образуетъ въ древнѣйшую пору своей исторіи слова для понятія о всемъ мірѣ; то въ этомъ случаѣ руководствуется тѣмъ же ограниченнымъ кругомъ зрѣнія, какой заставляетъ дѣтей ограничивать весь міръ небосклономъ, окружающимъ ихъ родину. Скр. мадъямалока, состоящее изъ мадъяма medius и лока mundus, т. е. земля, едвали потому только такъ называется, что находится, по вѣрованію, между небомъ и адомъ, какъ объясняетъ Боппъ; но, вѣроятно, вмѣстѣ съ гот. midjun-gards т. е. media domus, medius hortus, коему въ О. Е. соотвѣтствуетъ вьселѧная, οἰκουμένη, скн. midgardr, — это скр. слово вполнѣ выражаетъ наивное впечатлѣніе человѣка, смотрящаго на весь міръ съ порога сво-

его роднаго дома. Самый языкъ могъ дать въ послѣдствіи поводъ къ миѳологическимъ образамъ и толкованію, имъ соотвѣтствующему. Слѣдовательно если названіе домашняго порядка или даже самаго дома возвышается до понятія о вселенной: то не надобно думать, чтобы этимъ народъ равнодушно мѣнялъ свой родной кровъ на чужое жилище и становился безпристрастенъ къ родинѣ, находя ее вездѣ: напротивъ того онъ только ограничивалъ для себя весь міръ тѣснымъ кругомъ своихъ домашнихъ отношеній. Это ясно свидѣтельствуетъ намъ скн. heimr, собственно означающее родину, домашній кровъ, что видно изъ словъ heiman изъ дому, heim домой, heima взять кого въ домъ, heimskr глупый, т. е. домосѣдъ: и потомъ разширяющее свое значеніе до вселенной, и heimskringla зн. orbis terrarum. Скн. heimr одного происхожденія съ himinn, himil, точно также какъ наше свѣтъ означаетъ вселенную и вмѣстѣ прозрачную атмосферу. Любовь къ родинѣ, одно изъ первоначальныхъ благороднѣйшихъ чувствъ возникающаго народа, со всею теплотою и воодушевленіемъ выражается въ языкѣ, что особенно видно въ слѣд. скн. формахъ *): munr собственно значитъ радость, а потомъ жилище, домъ; также una первоначально радоваться, а потомъ жить: munarheimr, unarheimr (minnenheim) собственно значатъ *жилище радости и веселья*, но употребляются въ смыслѣ дома, родины, домашняго крова.

---

*) Lieder d. alt. Edda, стр. 182—184.

Въ О. Е. миръ имѣетъ два значенія: εἰρήνη и κόσμος; первое есть собственное, всѣми славянскими племенами признанное значеніе; второе вышло изъ перваго, какъ распространеніе его, можетъ быть вызванное переводомъ Св. Писанія, и невошедшее во всеобщее, единогласное употребленіе между Славянами: не нужно и доказывать, что различное начертаніе этого слова для двухъ различныхъ значеній есть случайное дѣло позднѣйшихъ грамотниковъ. Происхожденіе слову и начальное его употребленіе слѣдуетъ открыть въ первомъ его значеніи. Какъ пиръ происходитъ отъ пи-ть, и сознаніе этого происхожденія мы находимъ уже въ древнѣйшемъ языкѣ: напр. въ пск. грам. *) лица на пиру именуются *пѣвцами*, а глава пира, староста пировой, государь пировой: такъ и миръ предполагаетъ себѣ корень ми, который дѣйствительно и находимъ въ скр. mî идти, по Боппу, сродный съ mâ не только мѣрять, но и идти, слѣдовательно ходомъ, движеніемъ измѣрять. Отъ первоначальнаго ми образуется наша совершенная форма на -ну: ми-ну: слѣдовательно миръ, мимо санскрита, въ нѣдрахъ своего языка находитъ сознаніе своему происхожденію. Гот. языкъ сочувствуетъ основному значенію нашего миръ: у Ул. ему соотвѣтствуетъ, въ первоначальномъ значеніи, то есть, какъ εἰρήνη, — gawairþi, во всей ясности производная форма отъ глагола wairþan идти, бывать,

---

*) Изд. Мурзакевичемъ, стр. 6.

случаться. Слѣдовательно г. gawairþi, по своему происхожденію, выражаетъ туже мысль, что и наше миръ, и объясняетъ его производство: одно и тоже воззрѣніе вызвало и то и другое слово: понятіе о *сходкѣ*, о сборищѣ, весьма естественно вытекаетъ изъ основнаго значенія слова *миръ*, предполагая коренной глаголъ ми-идти. Какъ скр. mâ заключаетъ въ себѣ значеніе мѣры, такъ и у Славянъ миръ сближается своею формою съ мѣра, напр. у Лужичанъ: mèr pax, mèra modus, соединяющіяся, или смѣшивающіяся въ прилаг. mèrny. Какъ лит. mé-tas годъ родственно по происхожденію съ нашимъ миръ, ибо время измѣряется движеніемъ: такъ въ др. нѣм. памятникахъ въ значеніи міра или вселенной употребляется wëralt, т. е. werô alt—virorum aetas. —Для точнѣйшаго опредѣленія значенія слова миръ, слѣдуетъ обратить вниманіе на соотвѣтствующій ему порядокъ словъ, хотя сходныхъ по воззрѣнію, но значенія болѣе матеріальнаго, именно: тварь, творъ, створеніе. Какъ миръ происходитъ отъ ми—иду, такъ и тварь, творити, первоначально имѣетъ тоже значеніе въ скр. твар идти, поспѣшать; какъ понятіе о ходѣ и движеніи опредѣляетъ смыслъ мѣры, такъ и тварь употребляется въ значеніи фигуры, очертанія, и потомъ лица, животнаго, и т. д,; и наконецъ луж. stworéńe значитъ міръ, вселе́нная. Родство воззрѣній санскрита въ образованіи словъ миръ, мѣра, творъ, тварь, створеніе—снова возникаетъ въ эпической формѣ Эдды: miötudr creator, собственно же mensor, moderator, измѣритель, примиритель. Это воз-

зрѣніе перешло и къ др. нѣм. поэтамъ, употребляющимъ mezzen для означенія мѣры и согласія въ твореніи.

Нравственное понятіе мира выступаетъ въ его юридическомъ значеніи *). Единогласіе въ общественныхъ дѣлахъ рода и племени зависитъ отъ мира: потому и судятъ и рядятъ міромъ. Въ XIII в. миръ имѣетъ уже значеніе пошлины, какъ дѣла мірского, общественнаго: tributum quod *mir* vocatur et alias exactiones que terre incolis inferri consueuerunt **). Понятіе общенія, заключающееся въ словѣ миръ, дало возможность переводчикамъ Св. Писанія употребить его въ смыслѣ κόσμος. Ул. для этого значенія употребляетъ иныя слова, нежели для εἰρήνη, а именно: manasêþs, состоящее изъ mana vir и sêþs satus, сѣмя, слѣдовательно собственно virorum satus, что можно перевести нашимъ *племя*; и другое слово: fairhvus, сохранившееся въ arc. fëorh жизнь и въ др. н. fërah, ferh душа. Любопытно обратить вниманіе на то, какъ Ул. тремя различными понятіями выразилъ значеніе нашего слова миръ, восходя отъ понятія о бытіи и движеніи до нравственнаго понятія о человѣкѣ. Переводчикамъ Св. Писанія предстояло возвести домашнее и общежительное понятіе мира или міра до общечеловѣческаго κόσμως: и это послѣднее зна-

---

*) С. П. Шевырева Истор. Рус. слов. выпускъ I, стр. 62–63.

**) Hanky zbirca neydéwn. slown. стр. 328.

ченіе, какъ литературное, не могло распространить-ся по всѣмъ славянскимъ племенамъ. Изъ перевода Св. Писанія слѣдуетъ заключить, что κόσμος не прямо былъ переведенъ міромъ, но описательнымъ выраженіемъ: весь міръ, т. е. все сборище, весь соборъ людей: что явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ О-а Е-я τοῦ κόσμου, *всего*, мира, а въ испр. уже просто: міра, Io. 6, 51. κἀγὼ ἀπέστειλα αὐτοὺς εἰς τὸν κόσμον, и азъ посълахъ ѭ въ *весь* миръ; въ испр. тоже просто: въ міръ, Io. 17, 18. ζωὴν διδοὺς τῷ κόσμῳ, даяи животъ *всему* миру, къ испр. опять: животъ міру, Io. 6, 33. ἐν τῷ κόσμῳ, въ вьсемирѣ (sic), въ испр.: въ мірѣ, Io. 17, 13. ταῦτα λέγω εἰς τον κόσμον, си глаголѭ въ *вьсемь* мирѣ, въ испр.: въ мірѣ. Слѣдовательно эта древнѣйшая, описательная форма служитъ какъ бы переходомъ отъ собственнаго значенія слова миръ, міръ, къ значенію литературному κόσμος. Смыслъ прилагательнаго мирской, уже въ XI в. напр.: какъ нарѣчіе, употребляющагося въ припискѣ къ О. Е: „въ крщ̃ений Иосифъ. а мирьскы Остромиръ“—ясно указываетъ, что у насъ слово миръ въ своемъ прилагательномъ удержало только понятіе общества, въ противоположность церкви.

Враждебныя отношенія племенъ не могли не набросить нѣкоторой тѣни на древнѣйшія понятія о человѣчествѣ. Негостепріимная встрѣча съ чужимъ укрѣпляла любовь къ домашнему крову и семьѣ. Защита своего и нападеніе на чужое вызывали войну, которая первоначально могла быть единствен-

ным поприщемъ для развитія идей о народахъ и человѣчествѣ. Потому и въ языкѣ понятія о толпѣ, множествѣ, сборищѣ, соединяются съ понятіемъ о войнѣ. А именно:

1. отъ другъ (отъ скр. *дру* иду, слѣдую, точно также какъ суфф. тара въ словѣ в-тор-ой сроденъ съ три переходить,—съ суфф. *га* идущій; слич. чеш. draha въ смыслѣ свиты) происходитъ дружина, употребляющееся въ О. Е., согласно съ своимъ происхожденіемъ, какъ itineris socii, συνοδία: Лук. 2, 44 въ дружинѣ сущь, ἐν τῃ συνοδίᾳ ἔιναι, (in comitatu); тоже понятіе, согласно съ начальнымъ смысломъ нашей дружины, и у Ул: in gasinþjan, отъ sinþan идти, странствовать; наконецъ подтвержденіе тому же находимъ и въ Tat. Har. Ev. in thero samantferti.— Наша дружина между народами европейскими искони имѣла смыслъ воинственный: что свидѣтельствуютъ не только нарѣчія нѣмецкія, но и средневѣковая латинь и языкъ византійскій. А именно: дружина на средневѣковой латини drungus, напр.: scire dux debet contra quos *drungos*, hoc est, globos hostium, quos equites oporteat poni; Veget. 3, 16. aut a vagantibus globis, quos vocant *drungos*, ibid. cap. 19. Греческое δροῦγγος, по мнѣнію Дюканжа, заимствовано уже изъ латини: однако бо́льшее развитіе этого слова въ производствѣ у Византійцевъ свидѣтельствуетъ, что имъ оно было, можетъ быть, еще болѣе извѣстно, напр. отъ δροῦγγος встрѣчается нарѣчіе: δρουγγιστὶ, т. е. дружинно, дружески; тогда

какъ въ латини соотвѣтственнаго ему не находимъ. Къ греческимъ и латинскимъ писателямъ сред. вѣковъ это слово могло войти постольку же отъ Славянъ, какъ и отъ Нѣмцевъ, хотя издатели Ульфилова текста, Габеленцъ и Лёбе *), и приурочиваютъ его происхожденіе только Нѣмцамъ. Касательно носоваго звука въ греческомъ и среднелатинскомъ начертаніи этого слова тоже затрудненіе являетъ гот. drauhts, какъ и наше другъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ предполагается носовое произношеніе Византійцевъ, будетъ ли это слово нашего, будетъ ли нѣмецкаго происхожденія. Болгарское дронгарь относится въ исторіи языка уже къ позднѣйшему періоду, будучи византійскаго происхожденія. Теперь обратимся къ исторіи нашего слова другъ у нѣмецкихъ племенъ. Замѣчательно, что у нихъ въ древнѣйшей формѣ это слово ближе къ славянскому другъ, именно у Готѳовъ: driugan—исправлять воинскую службу, быть въ дружинѣ, откуда gadrauhts солдатъ, drauhtinassus дружина, др. нѣм. ga-drusci cohors. Въ агс. еще не столь искажены формы: driht comitatus, дружина, откуда driht-guma дружинникъ и drihten начальникъ дружины или drungarius, δρουγγάριος, какъ называютъ его лат. и греч. писатели. Какъ Готѳы, ближайшіе къ Славянамъ, сохраняютъ и форму driugan, ближайшую къ славянской; такъ Норманны, на отдаленномъ сѣверѣ, болѣе другихъ

*) Ulfilas, II, I, стр. 49.

Нѣмцевъ удалились формою этого слова отъ Славянъ: скн. drôtt толпа, слуги, дружина, drôttna владѣть, царствовать; drôttinn господинъ. Какъ у насъ начальное значеніе дружины заключаетъ въ себѣ понятіе о дружбѣ и согласіи, такъ и гот. draûhts значитъ собственно *мирная дружина*, *народъ*, хотя и происходитъ отъ глагола driugan воевать: это противорѣчіе гот. языка разрѣшается просто, если мы примемъ за основу наше славянское дружина, и тѣмъ охотнѣе, что уже въ древнѣйшую пору это слово вошло у насъ въ кругъ семейныхъ понятій: въ припискѣ къ О. Е. читаемъ: „и подружию его. Θеофанѣ;“ такъ названа жена Остромира. Другое, еще важнѣйшее противорѣчіе въ значеніи этого слова въ нѣм. нарѣчіяхъ тѣмъ болѣе убѣждаетъ насъ въ славянскомъ его происхожденіи. А именно: въ Салич. зак. читаемъ: si quis puellam sponsatam, quae *druchte* ducitur ad maritum—moechatus fuerit; варіантъ: si quis puellam sponsatam, *druchte* ducente ad maritum, и проч. Для объясненія druchte въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно важна слѣд. древняя глосса, приводимая Муратори: truchte, id est, per nuptiatores. Слѣдовательно drucht, drauhts означало въ старину нашего *дружку*: и потому только первоначальнымъ значеніемъ, въ славянскихъ нарѣчіяхъ сохранившимся, можетъ быть объяснено, какимъ образомъ одно и тоже drauhts, drucht могло означать и воина, дружину, и дружку. Согласно съ формою Салич. зак.: drucht, находимъ др. нѣм. truhti-gumo и агс. dryht-

guma, оба въ значеніи дружки *). Слѣдовательно въ нѣм. нарѣчіяхъ рядъ словъ, соотвѣтствующихъ нашимъ другъ, дружина, подружіе, дружка,—являетъ переходъ отъ значенія дружки и друга къ значенію толпы, воинства, народа.

2. подобное же явленіе представляетъ намъ и исторія слова *полкъ*, плъкъ, чеш. pluk, пол. pułk, кр. puk. Добровскій **) такъ обозначаетъ его исторію: castra veteribus, recentioribus agmen, legio. Въ переводѣ Св. Писанія дѣйствительно встрѣчаемъ его въ смыслѣ: παρεμβολή: повелѣ отвести его въ полкъ, Дѣян. Ап. 21, 34. Но у Чеховъ, уже въ IX в. находимъ и во второмъ значеніи: „roda stara tetui popelova, „ien se p̃de s pleki s cehouimi „u se se sirne ulasti ps̃tri reki — рода стара тетвы попелова, ен-же приде съ плькы съ чеховыми въ се-же жирне власти прѣсъ три рѣки. — Слѣдовательно оба значенія имѣютъ одинаковое право на древность, судя по памятникамъ письменности. Въ отношеніи же смысла второе далѣе восходитъ въ старину. Въ Судѣ Любуши полкъ употребляется явно въ смыслѣ дружины, соединяющемъ въ себѣ значеніе не только Остромирова συνοδία, но и нѣмецкихъ draúhts, gadraúhts, gadrusci и др. Понятіе о *дружинѣ*, *слѣдующей* за княземъ въ *походѣ*, до XII в. удержалось въ словѣ полкъ,

---

*) Ducange, Gloss. med. et inf. lat. Grimm, D. G. 2, 452.

**) Inst. l. sl. 118—119.

что видно, напр., изъ заглавія: Слово о *плъку* Игоревѣ. Какъ дружина переходитъ у Готѳовъ и Норманновъ въ значеніе народа, такъ и полкъ, въ pr. puuk, получаетъ значеніе plebs, въ бс. pucjanin гражданинъ, мѣщанинъ; pucjanski vulgaris. Въ этомъ только послѣднемъ значеніи, въ значеніи народа полкъ проходитъ всѣ нѣмецкія нарѣчія: др. н. volh, volc, ск. fôlk и друг: за исключеніемъ готѳскаго, въ которомъ этого слова вовсе нѣтъ, и агс-го, въ коемъ folc имѣетъ не только полный смыслъ славянскаго полкъ и нѣмецкаго volc, но и лит-го pulkas (сборище, толпа, стадо); такъ что древнечешскаго героя, Тетву Попелова, приведшаго полки Чеховые, можно назвать агс-мъ именемъ folctoga, т. е. воевода, предводитель полковъ. — Такъ въ движеніи племенъ полки проходили, и установлялись, получая значеніе народовъ, и наоборотъ мирная дружина дѣлалась враждебнымъ воинствомъ, и, черезъ горнило войны, вырабатывалась въ цѣлый народъ *). Не родство уже было основою такого единенія, но сообщество, полюбовная сходка, а иногда и необходимость. Если славянскую форму плукъ, пулкъ мы примемъ за древнѣйшую и основную, ибо у замѣняется въ послѣдствіи краткимъ *ъ*, и потомъ уже звукомъ серединнымъ *о*, который единогласно звучитъ въ нѣм. volc и др.; а нѣм. f, v соотвѣтствуетъ скр-у и нащему *п*, напр. г. fulls, др. нѣм. vol, скр.

---

*) С. П. Шевырева Ист. рус. слов. вып. I, стр. 65—66.

пу̀рна, полный: то наше пулкъ будетъ происходить по прямой линіи отъ скр. пул coacervare, magnum esse, стоящаго въ родственномъ созвучіи съ прр implere. Слѣдовательно и по производству, также какъ и по употребленію, полкъ имѣетъ значеніе сборища, толпы, множества.

3. готѳскій переводъ Св. Писанія намъ свидѣтельствуетъ, что въ IV в. смѣшивали понятіе о множествѣ или толпѣ съ понятіемъ о дружинѣ воинской: такъ у Ул. hansa соотвѣтствуетъ въ О. Е. двумъ словамъ: мъножьство (πλῆθος) и спира, т. е. σπεῖρα, caterva militum; а именно: мъножьство мъного людии, у Ул. hansa milika manageins, Лук. 6. 17.— и призывають вьсѫ спирѫ, у Ул. jah gahaihaitun alla hansa, Мр. 15, 16. id. Io. 18, 3. — Слѣдовательно толпа, множество, сборище, народъ—въ древнѣйшую эпоху были синонимами дружины, полка, воинскаго отряда. Гот. hansa едвали происхожденія нѣмецкаго, ибо кромѣ др. нѣм. въ другихъ старинныхъ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ мы его не находимъ. Именно это обстоятельство благопріятствуетъ остроумному, хотя и слишкомъ смѣлому сближенію Коллара *) нѣмецкой ганзы съ слав. жза, т. е. анза, съ придыханіемъ г: ганза или гѫза, какъ полаб. wunsal, слич. окно, гокно и вокно. Исторически извѣстное, древнѣйшее придыханіе при словѣ жза, жже, было *в*,

(* Cestopis, 1843 г. стр. 108.

о чемъ свидѣтельствуетъ Фрейз. ркпсь: i u zelezneh vvosich, и въ желѣзьнѣхъ вѫжихъ, и Реймск. Еван., въ коемъ Остромирову: „раздрѣшити ремене сапогъ его“ соотвѣтствуетъ: „вьзвѫза сапогу.“ Если hansa есть наше вѫза, то надобно предполагать уже въ древнѣйшее время двоякое произношеніе придыханія у Славянъ. — По крайней мѣрѣ исторія славянскихъ другъ и дружина у Нѣмцевъ — объясняетъ возможность перехода древнеславянскаго понятія о родствѣ, заключающагося въ словѣ жза, вѫза (жжика) къ нѣмецкому употребленію этого слова въ смыслѣ сбора, толпы и даже воинства. Такимъ образомъ, чрезъ враждебныя отношенія, племена и языки восходили отъ осязательныхъ представленій семейнаго быта до отвлеченныхъ понятій о народѣ и человѣчествѣ.

9. ГРЕЦИЗМЫ.

Вѣрный своимъ началамъ, славянскій переводъ Св. Писанія предлагаетъ гораздо болѣе грецизмовъ въ сравненіи съ переводами нѣмецкими. Ульфила, придерживаясь народности, уже въ IV в. умѣлъ остраниться отъ вліянія греческаго, такъ что сличеніе его текста съ славянскимъ выказываетъ совершенно отличную отъ нашего перевода редакцію. Обиліе грецизмовъ и отстраненіе отъ выраженій, непосредственно изъ жизни народной почерпнутыхъ, свидѣтельствуютъ о греческомъ литературномъ происхожденіи нашего перевода Св. Писанія. Самая правиль-

ность и чистота грамматическихъ формъ Остромирова текста предполагаютъ неприкосновенную сохранность языка славянскаго перевода Св. Писанія отъ произвола и случайностей, которымъ текстъ непремѣнно подвергся бы и въ древнѣйшую уже эпоху, если бы только на одной народной почвѣ получилъ свое начало, какъ онъ подвергался въ послѣдствіи.

Между словами иноязычными въ славянскомъ текстѣ Св. Писанія должно отличать грецизмы отъ латинизмовъ, вошедшихъ въ греческій текстъ. Очевидно, что сіи послѣдніе, какъ менѣе вразумительные переводчикамъ, или же, какъ термины технические, условные, остаются въ большей неприкосновенности: собственно же грецизмы иногда и переводятся въ нашемъ текстѣ. Такъ κεντουρίων, какъ слово латинскаго происхожденія, постоянно передается въ О. Е. словомъ кен'турионъ, и только въ одномъ мѣстѣ, именно Мр. 15, 44, 45, переводится сотникомъ: но и здѣсь видимъ не твердое употребленіе слова сотникъ, ибо это Евангеліе, повторяясь въ О. Е. дважды, лист. 17, в, и лист. 194 в., въ одномъ мѣстѣ удерживаетъ слово сотникъ, а въ другомъ кентуріонъ; у Ул. hunda-faþs, т. е. господинъ, начальникъ сотни. Что же касается до ἑκατόνταρχος, то оно постоянно переводится сотникомъ. Тоже должно замѣтить и о χιλίαρχος, коему, какъ слову греческому, понятному переводчикамъ, соотвѣтствуетъ тысѧщьникъ. Тѣмъ болѣе объясняется въ Евангеліи явленіе кентуріона, какъ латинизма, что дѣленіе

властей славянскихъ на десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ и тысяцкихъ было искони у Славянъ, равно какъ и у Готѳовъ, у коихъ, по древнѣйшимъ законамъ, были millenarii, quingentenarii, centenarii, decani *). Въ житіи Св. Симеона, писанномъ Дометіаномъ, 1264, значится: и призва все власти царьства своего, великыѥ и малыѥ, десетникы и петидесетникы и сътникы и тысущтникы. — Латинскаго же происхожденія κουστωδία передано въ О. Е. кустодія, у Ул. свое, народное vardjans, т. е. стража, отъ vardja стражъ. Напротивъ того греческое слово φυλακή переводится стража: въ кѣѫ стражѫ тать придеть, ποίᾳ φυλακῇ, Мат. 24, 43; и темница: въ тьмьници ἐν φυλακῇ, Мат. 25, 39. Слово кустодія, какъ латинизмъ, до позднѣйшаго времени оставалось не понятнымъ: такъ въ Церковномъ Уставѣ, писан. въ 1608 г., осуждается ложное толкованіе этого слова: „что нарекутъ кустодію Пилатову девицу ключницу то есть ересь все то не было кустодія есть вошновъ полкъ рекше рать.“ Вост. опис. Рум. Муз. 717.—Отъ лат. legio, λεγεών, въ О. Е. легеонъ, у Ул. не только laigaion, но и своеземмое harjis, т. е. войско, толпа. — census, κῆνσος, въ О. Е. кинсъ, у Ул kaisara-gild.—sudarium, σουδάριον, въ О. Е. сударь, у Ул. не только aurali, но и fana, можетъ быть родственное лат-у pannus, но не чуж-

*) Шафар. Slow. Starož. стр. 52. Палацк. сравн. закон. царя Стеф. Душана съ древн. земск. постановл. Чеховъ, въ Чтен. общ. ист. и др. 1846, N 2.

дое и прочимъ нѣм. нарѣчіямъ, и даже переходящее въ значеніе знамени, vexillum, въ нѣм. fahne.

Грецизмы въ О. Е. по преимуществу ограничиваются только названіемъ предметовъ, касающихся удобствъ жизни, ремеслъ, произведеній природы, для коихъ слова или вовсе не существовали въ языкѣ славянскомъ, или же были неизвѣстны переводчикамъ. Симъ послѣднимъ даже выгодно было употреблять иностранныя реченія въ этомъ случаѣ для того, чтобы придать слогу величіе, не унизивъ его напоминовеніемъ предметовъ жизни ежедневной. Иное дѣло съ понятіями нравственными: онѣ уже сами по себѣ возбуждали приличную высокому предмету мысль, и слѣдовательно не нуждались въ непонятномъ выраженіи посредствомъ грецизма, который въ этомъ случаѣ могъ бы вредить переводу. Нравственное же понятіе, переданное грецизмомъ, получало въ слав. текстѣ какъ бы значеніе собственнаго имени, какъ бы олицетворялось: таково напр. слово: мамона, вошедшее въ языкъ слав. перевода, вѣроятно, изъ устнаго употребленія этого слова, см. Мат. 6, 24, Лук. 16, 11 и 13. У Ул. не только mammonin, Мат. 6, 24, но и faihu-þraihna, т. е. divitiis, Лук. 16, 11 и 13: faihu-þraihns сложено изъ þreihan drängen, и faihu собственно скотъ, а потомъ и богатство; въ Tat. harm. Ev: uueroltuuolun, тоже сложное изъ werolt или weralt—mundus, seculum, и wolo, wola или wela divitiae, felicitas.

Изъ сличенія грецизмовъ нашего перевода съ текстами готѳ. и др. нѣм., увидимъ бо́льшее стремленіе къ національности въ выраженіи послѣднихъ.

ехидна: въ О. Е. ищѧдия ехидьнова, γεννήματα ἐχιδνῶν, Лук. 3, 7; у Ул. kuni nadre; др. нѣм. Ев. VIII в. notrono chnosles, Мат. 12, 34. Въ О. Е. змия, иштѧдия ехидьнова, Мат. 23, 33, въ др. нѣм. Ев. VIII в. notrun, notrona cnosles; Tat. harm. Ev. IX в. berd notruno.

сикеръ, σίκερα, т. е. вино изъ соку пальмовыхъ плодовъ: Лук. 1, 15 вина и сикера, у Ул. vein jah leiþu, въ Tat. harm. Ev. uuin noh lid. Слово leiþus, lid, lit было столь народно, что сохранилось въ названіи др. нѣм. юридическаго обычая, состоявшаго въ питьѣ вина при покупкѣ: litkouf. Этотъ юридическій символъ остался и у насъ въ обычаѣ *спрыскивать виномъ* покупку и все новое.

кринъ, κρίνον, собственно лилія: Ул. замѣнилъ грецизмъ народнымъ названіемъ, хотя и выражающимъ общее понятіе цвѣтка: bloma. Названія растеній и благовоній южнаго климата, равно чуждыхъ и Славянамъ, и Нѣмцамъ, переводились и у тѣхъ и у другихъ словами чужестранными, чему доказательствомъ служитъ слѣдующее мѣсто Io. 12, 3: приимъши литрѫ мѵра нарда пистикиѫ, у Ул. nam pund balsanis nardaus pistikeinis: въ подлинникѣ почти тѣже звуки, какъ и въ слав. текстѣ: λίτραν μύρου νάρδου

πιστιχῆς: особенно силенъ грецизмъ *пистикии*, pistikeins, коимъ переводится πιστικός, собственно—чистый, несмѣшанный. Такой же грецизмъ находимъ Мр. 14, 3: алавастръ мура, нардопистикии, ἀλάβαστρον μύρου, νάρδου πιστιχῆς; въ испр. по крайней мѣрѣ возстановлена синтаксическая связь греческаго текста: алавастръ мура нарднаго пистикіа. Даже и здѣсь текстъ Tat. harm. Ev. стремится къ бо́льшей самостоятельности: salbfaz salbun fon narthu gitana diura, согласно съ лат. текстомъ: alabastrum unguenti nardi spicati praetiosi.

сукаминъ и сукомория, συκάμινος и συκομοραία, у Ул. baina-bagms и smakka-bagms; послѣднее соотвѣтствуетъ также гр-у συκῆ, въ О. Е. смокы.

карвана: въ О. Е. въ карванѫ, εἰς τον κορβανᾶν, у Ул. in kaurbanaun, Мат. 27, 6; но въ др. нѣм. Ев. VIII в. уже переводъ: in geldfaze; а въ Tat. harm. Ev. сложное съ treso, т. е. thesaurus: tresofaz.

пира, πήρα, т. е. дорожная сума для хлѣба; у Ул. слово туземное: mati-balgs, сложное изъ mats пища и balgs мѣхъ, сума.

санъдалиѭ, σανδάλιον, у Ул. sulja, откуда нѣм. sohle.

Многіе изъ грецизмовъ славянскаго перевода Св. Писанія остались неприкосновеннымъ достояніемъ языка церковнаго, тогда какъ у Ул. имъ соотвѣтствуютъ выраженія народныя, напр. трапеза, τράπεζα, у Ул. biuds; скинія, σκῆνος, σκηνή: Лук. 9, 33:

скиніи три, у Ул. народныя ; hleiþra, hlija ; впрочемъ и въ О. Е. въ другомъ мѣстѣ, именно Мат. 17, 4: три кровы.

Др. чешскіе тексты Св. Писанія, подобно др. нѣмецкимъ, являютъ бо́льшее отстраненіе отъ грецизмовъ. Такъ акридъ, ἀκρίς, род.-ίδος: у Ул. туземное þramstei, по Габеленцу и Лёбе, отъ þrimman salire; въ Реймск. Ев. въ одномъ мѣстѣ, Мат. 3, 4, это слово вовсе пропущено, въ другомъ же, именно Мр. 1, 6 замѣнено понятнымъ, славянскимъ: ѣды прѫгы, въ О. Е. яды акридъ. Памва Берында объясняетъ: „прузи, пружіе: ко́нички, кобылки, саранчя. вершки дерева, зѣля. або трава, единоименна саранчи, бо на тую цвѣтъ ей подобен, але смаку вдячного и трва́лого корень ей.“—лентии, λέντιον, лат. linteum; въ Рейм. Ев. впрочемъ еще ближе, по грамматической формѣ, къ греческому тексту: лѣнтионь, твор. лѣнтиономь, тогда какъ въ О. Е.: лентиѫмь, Io. 13, 5; но въ чеш. отрывкѣ Ев. X в. уже славянское *пастица*: uze paznicu, Io. 13, 4. Отступленія отъ греческаго текста въ этомъ послѣднемъ памятникѣ объясняются тѣмъ, что глоссаторъ имѣлъ намѣреніе каждое слово латинскаго текста пояснить: потому то онъ и osanna переводитъ: zpaza, и даже amen—ueru: и позднѣйшіе чешскіе тексты Св. Писанія стремились сблизить переводъ съ славянскими понятіями: потому въ чеш. Ев. XIV в. мы находимъ вмѣсто осанна—chwála spasy (въ рук. spassy), а вмѣсто аминь—wěrně; точно также, какъ и въ др. нѣм. Ев. VIII в.:

uuar iu sagem, въ О. Е. амин г.л҃ѭ вамъ, Мат. 24, 34. — фуникъ: Io. 12, 13, въ О. Е. вѣии отъ фуникъ, βαΐα τῶν φοινίκων; въ чеш. отр. X в. letorozli palmini, соотвѣтственно латинскому ramos palmarum; въ чеш. Ев. XIV замѣнено palmini словомъ тузем-нымъ: jehnědowé, т. е. тополевыя, отъ gahnĕda или gehněda populus alba; у Ул. также народное выра-жение: astans peikabagme: peik же не сокращенная фор-ма изъ peinika, но скорѣе соотвѣтствуетъ лат-у pi-cea и гр-у πεύκη, и сродно съ др. фр. pik, агс. pic, др. нѣм. pih, и др.: слѣд. peika-bagms fictenbaum.— възлежати ἀνακεῖσθαι, въ смыслѣ: быть вмѣстѣ, бе-сѣдовать, ѣсть: въ О. Е.: Лазарь же ѥдинъ бѣ отъ възлежѫщихъ съ нимь, Io. 12, 2; у Ул. тоже чуж-дое понятие: anakumbjandane mîþ imma; въ чеш. же Ев. XIV в. уже просто: Lazař jeden bieše z jedúcich s nim; точно также и въ др. нѣм. Ев. VIII в. вмѣ-сто възлежѫщихъ встрѣчаемъ или kastuoli, отъ stuol sedes, triclinium, или же sizzentun, т. е. сидящихъ, Мат. 22, 10 и 11.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа.

2. Въ періодъ своего образованія языкъ носитъ на себѣ слѣды миѳологіи народной.

3. Древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія самого языка.

4. Родство языковъ индоевропейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ.

5. Миѳологическія преданія Славянъ должны быть изучаемы въ связи съ преданіями другихъ средневѣковыхъ народовъ, и преимущественно съ преданіями нѣмецкихъ племенъ.

6. Готѳскій переводъ Библіи предлагаетъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ IV вѣкѣ.

7. Славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію Христіанскихъ идей.

8. Славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія Христіанскихъ понятій, происшедшею въ слѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ.

9. Готѳскій переводъ Библіи, напротивъ того, являетъ рѣзкій переходъ отъ выраженій миѳологическихъ къ Христіанскимъ, и составляетъ любопытный фактъ въ исторіи языка, сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія Христіанскихъ идей.

10. По родству преданій славянскихъ съ нѣмецкими, не только готѳскій переводъ Библіи, но и дрнѣм. переводы Евангелія, VIII и IX в., предлагаютъ намъ многіе общіе у Славянъ съ Нѣмцами древнѣйшіе обычаи и вѣрованія, ясно сохранившіеся въ нѣмецкихъ переводахъ Св. Писанія, но невошедшіе въ славянскій.

11. Переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда

въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ.

12. Напротивъ того, въ языкѣ не только др. нѣм. переводовъ Св. Писанія, но даже и готѳскаго, замѣчается бо́льшее развитіе государственныхъ понятій.

13. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго.

14. Столкновенія съ чуждыми народами и переводъ Св. Писанія извлекли Славянъ изъ ограниченныхъ, домашнихъ отношеній, отразившись въ языкѣ сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго.

15. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ Св. Писанія, какъ слѣдствіе яснаго разумѣнія Христіанскихъ идей, очищеннаго отъ преданій до-христіанскихъ, усилилась грецизмами, которыхъ, сравнительно съ славянскимъ текстомъ, находимъ гораздо менѣе въ готѳскомъ.

16. По языку перевода Св. Писанія можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о характерѣ переводчиковъ и того народа, въ которомъ произошелъ переводъ Св. Писанія.

CENTRAL LIBRARY